

Е. И. СИМОНАТО

ЧЕРНОМОРСКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ

История
Колонии Шабо
1822–1944

Е. И. СИМОНАТО

ЧЕРНОМОРСКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ

История
колонии Шабо
1822–1944

Нестор-История
Санкт-Петербург
2021

УДК 93/94
ББК 63.3
С37

Consulat général honoraire
de la Fédération de Russie
à Lausanne

Книга опубликована при поддержке
Почетного консульства Российской Федерации в Лозанне

С37 Симонато Е. И.

Черноморская Швейцария. История колонии Шабо: 1822–1944. —
СПб. ; Нестор-История, 2021. — 216 с.

ISBN 978-5-4469-1922-2

Настоящее издание знакомит читателей с историей швейцарской колонии Шабо, располагавшейся на берегу Черного моря, недалеко от Одессы. Колония Шабо просуществовала с 1822 по 1944 год. Пять поколений колонистов сохранили культуру и обычаи своей Родины, родной язык и связь со Швейцарией.

История Шабо неразрывно связана с историей Российской империи и Европы. В основу книги легли первоисточники и личные архивы переселенцев.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-4469-1922-2

9 785446 191922

© Е. И. Симонато, 2021

*Автор исследования —доцент кафедры славянских языков
Лозаннского университета Елена Ильичина Симонато.*

*Исследование проводилось в рамках международного исследова-
тельского проекта, осуществляемого при поддержке
Российского Государственного Научного Фонда РГНФ и
Швейцарского научного фонда (SNF) по гранту «История
швейцарских колоний Северного Причерноморья и Крыма. Лин-
гвоидентичностный аспект» при сотрудничестве с Санкт-
Петербуржским государственным университетом¹.*

¹ <http://p3.snf.ch/project-164069>.

Содержание

Вступление	6
------------------	---

Глава 1. Первые годы существования Шабо

Местоположение будущей колонии.....	8
Шабо и Одесса	12
Проект будущей колонии.....	14
Путь в Бессарабию.....	22
Швейцарские Робинзоны Крузо	28
Взаимоотношения колонистов с соседями	34
Развитие виноградарства в Шабо	37

Глава 2. Золотой век Шабо

Приезд немецкоязычных колонистов.....	49
Приезд пастора Бюниона	52
Шабо в 1850–1870-е годы	62
Эпоха великих реформ.....	66
Жизнь в Шабо в «старые добрые времена»	68
Взаимоотношения колонистов с соседями	81

Глава 3. Шабо в межвоенный период

Шабо в воспоминаниях колонистов.....	86
Швейцарское поселение в малорусской степи.....	100
Поездка Шарля Госа	105
Столетняя годовщина Шабо	117
Начало упадка колонии	121
Взаимоотношения с румынами.....	124

Глава 4. Шабо во время Второй мировой войны

Последние месяцы существования колонии.....	140
28 июня 1940 года глазами шабовцев.....	143
Шабовцы в Бухаресте.....	153

Шабо после 28 июня 1940 года.....	157
Шабо в сентябре 1940 года	160
Жизнь в поместье Чернавода.....	166
Возвращение в Шабо	172
Миссия министра де Века.....	177
Лето 1942 года в Шабо	179
Бегство из Основы.....	191
Жизнь шабовцев на родине	194

Эпилог	196
--------------	-----

Библиография	203
--------------------	-----

Источники	203
-----------------	-----

Литература.....	207
-----------------	-----

Вступление

Время идет, меняются названия и города. Шаба теперь называется Шабо, Аккерман переименован в Белгород-Днестровский, Бугаз — в Затоку. Потомки швейцарских переселенцев с трудом узнают на фотографиях, хранящихся в семейных альбомах, дома своих предков. А ведь именно здесь, на берегу Днестровского лимана, располагалась самая крупная в мире швейцарская колония. Улицы Шабо носили следующие названия: Александра Первого, Швейцарская и Лагарповская. От колонии Шабо остались лишь стены: полуразвалившееся здание церкви, земляные заборы, винные погреба и прессы для винограда. Сегодня для нас Шабо — это отголосок навсегда исчезнувшей цивилизации.

Эта книга расскажет вам о судьбе пяти поколений швейцарских колонистов, прибывших из кантонов Во и Базель и поселившихся в Шабо в 1822 году. Она также поведает об их судьбе как частичке истории Швейцарии, России и Европы.

Книга основана на результатах кропотливого изучения автором первоисточников, хранящихся в архивах Ло-занны, Цюриха, Берна, Штутгарта, Санкт-Петербурга и Одессы. Работа с источниками требовала знаний русского, немецкого, французского и румынского языков и их диалектов.

Книга основана также на документах личного характера, воспоминаниях колонистов, дневниках и фотоматериалах, хранящихся в семьях потомков Марго, Бюксея, Гандера и Дони.

Центр культуры вина, Шабо.

Фото автора

Глава 1. Первые годы существования Шабо

Местоположение будущей колонии

Начнем с вопроса, почему самая большая швейцарская колония в Российской империи была основана именно в окрестностях Одессы, в тогдашней Бессарабии. Бессарабия отошла к России после Отечественной войны 1812 года. Название деревни, Ашабаг, практически сразу же превратившееся в Шаба, которое встречается в официальных документах об основании колонии, произошло из турецкого языка и означало «верхние сады»².

Шабо было самой большой, но не первой швейцарской колонией на территории Российской империи. В 1805 году швейцарцами в Крыму была основана колония Цюрихталь³. Александр I

² Как справедливо заметила В.Ф. Оноприенко, латиницей название колонии продолжало писаться Chabag, а в первое время — Achaabag. В написании «Chaba» оно встречается в документах, хранящихся в архиве Одесской области. Фундаментальным исследованием по истории основания колонии можно по праву считать книгу В. Ф. Оноприенко «Истинный рай — на Шабской земле...» Документальная история швейцарских колонистов в Бессарабии / Ред. кол.: Ниточко И. И., Белоусова Л. Г., Бурчо И. А., Сичкаренко В. К.; Научн. ред. О. Б. Демин. Одесса: Астропринт, 2009. (Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXVI.)

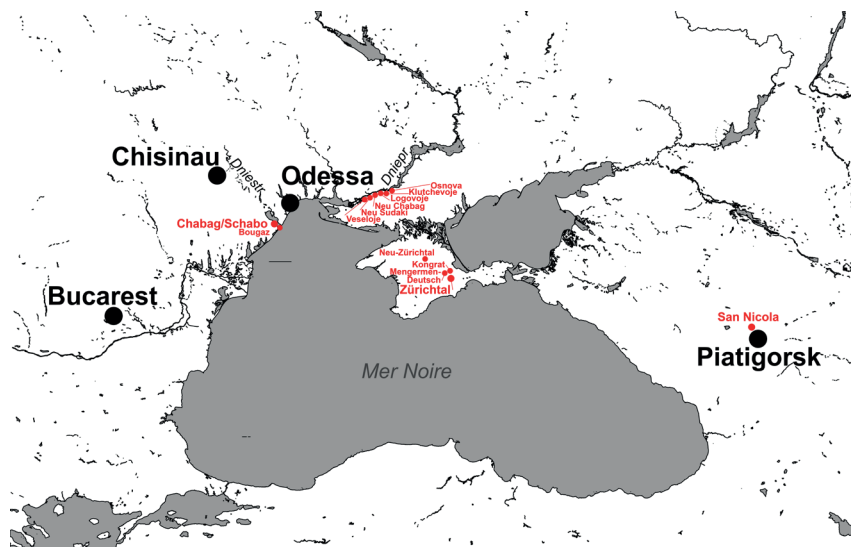
³ Гетте Г., Молотков Г. Из истории швейцарской колонизации юга Российской империи // Историчный архив. 2014. № 13. С. 127–136. См. также: Лаптев Ю.Н. Швейцарцы в Крыму: колония Цюрихталь.

вел целенаправленную политику заселения новых территорий колонистами и привлечения европейцев. Он также реформировал систему управления колониями, находившимися под руководством Комитета об иностранных поселенцах Южного края России (1799–1876).

Как подчеркивалось историками, политика привлечения иностранных колонистов в Россию целенаправленно проводилась в XVIII веке императрицей Екатериной II. Ряд законодательных актов того времени предоставлял иностранцам, выразившим желание переселиться в Россию, существенные финансовые и торговые льготы, сопровождавшиеся выделением значительных земельных наделов. Привлечением колонистов занимались правительственные агенты и так называемые вызыватели — частные лица, выступавшие в роли агитаторов и вербовщиков, которые брали на себя самостоятельную организацию переселений, получая за это ряд дополнительных привилегий. Непокойная политическая ситуация и сложное экономическое положение в ряде европейских стран во второй половине XVIII — начале XIX века вызывала интерес их жителей к российским предложениям. Колонизационные процессы пережили ряд спадов и подъемов, последние были зачастую связаны с успехами России во внешней политике и расширением территории государства⁴.

Исторический очерк // Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму, XIX — начало XX века. Сборник статей / Под ред. Е.И. Симонато, И.С. Ивановой. СПб: Свет, 2019. С. 65–88. URL: [https://serval.unil.ch/resource/serval: BIB_0CEA924304D2.P001/REF](https://serval.unil.ch/resource/serval:BIB_0CEA924304D2.P001/REF); Kaschenko S., Kaschenko E., Ivanova I. Les colonies suisses du bord de la mer Noire et de Crimée dans le premier tiers du XIX: survol des documents dans les Archives historiques russes d'Etat à Saint-Pétersbourg // Cahiers de l'ILSL. 2017. № 51. P. 45–67.

⁴ Кащенко С. Г., Иванова И. С., Кащенко Е.С. Из истории швейцарской миграции в Северное Причерноморье в начале XIX века.

Карта швейцарских колоний в Северном Причерноморье.

© Ольга Бичурина

События, предшествовавшие основанию колонии, подробно описаны в книге В. Ф. Оноприенко «Истинный рай — на Шабской земле...» содержащей перевод основных первоисточников по данной теме. Мы напомним некоторые важные вехи из исследования В. Ф. Шишмарева «Романские поселения на Юге России», подготовленного в конце 1920-х годов, но вышедшего в свет после смерти автора, в 1975 году. Обращение к швейцарским французам, писал Шишмарев, преследовало не одни только общие задачи колонизации. Еще до присоединения Бессарабии русское правительство занялось мыслью о насаждении на юге виноградарства. В специальной инструкции (16 мая 1801 года) о внутреннем распорядке и управлении

Документы о группе переселенцев майора Каспара Эшера в Российском историческом архиве // Былые годы. 2018. № 47 (1). С. 143–152.

новороссийскими колониями указывалось на необходимость устройства в них общественных виноградных садов. В дополнение к этой инструкции (7 июня 1803 года) предписывалось выдавать каждому колонисту от 5 до 10 лоз. Присоединение Бессарабии с ее богатыми садами и виноградниками заставило обратить на эту ценную статью хозяйства новой провинции самое серьезное внимание; в особенности непосредственно после ее присоединения, когда значительные массы мусульманского населения оставили край, сады и виноградники были брошены и стали гибнуть. Однако прошло несколько лет, прежде чем Бессарабией занялись надлежащим образом: борьба с Наполеоном и ряд других сложных вопросов отвлекли внимание и силы правительства в другую сторону. К годам относительного затишья относятся и предприятия по разведению виноградников на Аккерманских песках, в местах, где находились остатки турецких садов. Около этого же времени и в том же районе появляются и наши французы-виноградари из Швейцарии и устраивают здесь свое поселение⁵.

⁵ Шишмарев В. Ф. Романские поселения на Юге России. Л.: Наука, 1975. С. 136–137. Глава «Швейцарское поселение в Шабо» опубликована в качестве приложения к сборнику: Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму, XIX — начало XX века. Сборник статей / Под ред. Е. И. Симонато, И. С. Ивановой. СПб: Свет, 2019. URL: https://serval.unil.ch/fr/notice/serval:BIB_0CEA924304D2.

Примечателен комментарий издателей труда В. Ф. Шишмарева, который мы приведем полностью: «Публикуемый отрывок входит во вторую часть, под названием „Французы“, рукописи В. Ф. Шишмарева „Романские поселения в СССР“. Знакомясь с подробными сведениями, приводимыми В. Ф. Шишмаревым в этой части, и суммируя их, видно, что вся история переселения французских [франкоязычных швейцарцев. — Прим. автора] — это серия неудачных предприятий, по разным причинам не доведенных до конца. Исключением является колония швейцарских переселенцев в Шабо, просуществовавшая более ста

С января 1818 года главным попечителем и председателем Комитета колоний Юга России был назначен Иван Инзов (1768–1845). По мнению некоторых историков, Инзов (по одной из версий, фамилия происходит от сочетания «иной зов») являлся незаконнорожденным сыном некоего высокопоставленного лица. Инзов воспитывался в семье Николая Трубецкого (1744–1820), известного франкмасона, участвовал в русско-турецкой войне, во взятии Измаила, а затем был адъютантом князя Репнина (1734–1801). Он также принимал участие в итальянском походе Суворова, а затем в кампании против Наполеона. Инзов завоевал огромный авторитет среди колонистов. После его смерти болгары-колонисты получили позволение захоронить его в Болграде.

Шабо и Одесса

Не будет преувеличением сказать, что местоположение будущей колонии Шабо недалеко от Одессы сыграло важную роль в ее развитии. В начале XIX века город получил статус порто-франко. Вот как описал город француз, автор «*Словаря разговора и чтения*», изданного в 1838 году во Франции: «Дюк Ришелье прибыл в Одессу по приглашению императора Александра, поручившего ему управление южными провинциями своей огромной империи. Варварское невежество мусульман, разруха, при-

лет. В данном очерке В. Ф. Шишмарев не ставит перед собой цели изучить пути колонизации юга России. Его здесь интересуют не общие вопросы, а отдельные исторические факты, важные для филолога. Подробная история этой колонии, рассказанная В. Ф. Шишмаревым, как, впрочем, и вся работа „Романские поселения в СССР“, является историческим введением, необходимым для изучения языковых особенностей переселенцев. Этот труд В. Ф. Шишмарева поможет также глубже и детальнее разобраться в вопросах, связанных с изучением сельскохозяйственного освоения юга Бессарабии (Буджака). Это в равной мере относится и к исследованию освоения Южной Украины».

несенная войной, превратили все Причерноморье в безродную пустыню. От старинных римских колоний не осталось камня на камне. Требовалось их заново заселить их и вернуть им европейскую культуру. Император наделил Ришелье огромными полномочиями, что позволило ему полностью перестроить всю администрацию. Как известно, для осуществления великих дел нужна крепкая власть. Как только Ришелье приступил к своим обязанностям, все завертелось. Население города увеличилось в десять раз. Торговля процветала. Владения Ришелье простирались от Днепра до самого Кавказа. Более ста иностранных колоний привнесли самые последние веяния в области сельского хозяйства там, где совсем недавно еще паслись татарские стада»⁶.

Одесса — Петербург на Черном море, в ней смешались все народы и нравы, писали европейцы. «Французский фрак, английский бифштекс, кипрское вино, турецкие курительные трубки, итальянские актрисы», — вот что поразило швейцарских путешественников Оммеров⁷. Русские, французы, немцы, англичане, греки, итальянцы — каждый привносит свои привычки, пристрастия, мнение, язык и свои предрассудки. Тут можно встретить дворян из рода Нарышкиных и простых брокеров: тут смешались дворяне и простолюдины, все типы лиц, все цвета кожи. Граф Воронцов тратит на развлечения 6 тысяч фунтов стерлингов в год. Воронцов вырос в Англии, где его отец был послом в течение 40 лет, он больше похож манерами на англичанина, чем на русского, но не утратил при этом ту вежливость, которая свойственна русским дворянам. Одесситы и приезжие

⁶ Dictionnaire de la conversation et de la lecture. Inventaire raisonné des notions générale les plus indispensable à tous. Vol. 23. / Réd. William Duckett. Paris: Aux comptoirs de la direction et chez Michel Lévy frères. 1838.

⁷ Hommaire X. et A. Travels in the Steppes of the Caspian Sea: The Crimea, the Caucasus. London: Chapman and Hall, 1847.

ценят его за его характер. Поставить Ришелье во главе Новороссии было поистине выигрышным ходом. В салоне его супруги, графини Воронцовой, собирается весь свет — аристократия, коммерсанты, путешественники, будто в каком-нибудь итальянском городе. Интересен и следующий комментарий Оммеров: «В Бессарабии, как и в других Дунайских княжествах, молодое поколение дворян полностью отказалось от старых привычек. Тут в моде прямые пальто, панталоны, шейные платки и все, что носят у нас в Европе. Лишь пожилые бояре не изменили своим вкусам — им больше по душе широкие диваны, курительные трубки, послеобеденный кофе»⁸.

Основатель будущей колонии Шабо, Луи-Винсен Тардан (1787–1836), состоял в переписке со швейцарцами, обосновавшимися в Одессе, и, в частности, с семьями Филибер (Philibert), Вайан (Vaillant), Ландри (Landry), Нодо (Nodot), Мюллер (Müller) и Фурнье (Fournier). А промышленники братья Данц впоследствии оказали помощь при постройке церкви в Шабо.

Проект будущей колонии

На момент приезда швейцарцев в окрестностях Одессы уже существовало большое количество немецких колоний. Немцы поселились здесь по приглашению Екатерины II. Так, еще до Шабо существовали соседние колонии Сарата, Тарутино и Бородино. В основном немцы происходили из Бадена и Вюртемберга. В непосредственной близости от Шабо находились колонии Кульм, Малоярославец, Красное, Лейпциг и Кластиц, а также Бриенн, Париж и Арциз⁹.

⁸ Honnaire X. et A. Travels in the Steppes of the Caspian Sea: The Crimea, the Caucasus. London: Chapman and Hall, 1847.

⁹ Берг Л. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Пг.: Российская государственная академическая типография,

Согласно указу 1816 года, через посредников за границей начался поиск будущих колонистов. Земли Аккерманского уезда идеально подходили для виноградарства. Правительство предоставляло колонистам по 60 десятин земли, освобождение от уплаты налогов и от воинской повинности. Немаловажную роль в основании Шабо сыграл Фредерик-Сезар Лагарп (1754–1838), в прошлом наставник Александра II¹⁰. Благодаря личности и авторитету Лагарпа кантон Во занимал главное место в швейцарской эмиграции в Россию, разъясняет швейцарский историк О. Мевли. Но в чем же состояла особенность кантона Во? В начале XIX века Страна Во (Pays de Vaud) только что вошла в состав Швейцарской Конфедерации. Эта территория около Женевского озера, находившаяся под управлением олигархической Бернской Республики, благодаря некоторым политикам, в том числе и Лагарпу, была освобождена в 1798 году при вторжении французской армии. Кантон Во стал Леманской республикой¹¹.

Основателем ее стал Луи-Венсан Тардан (Louis-Vincent Tardent). «...ботаник, член Швейцарского общества естественных наук», — писал он о себе¹². В. Ф. Оноприенко писала о Тардане в своей книге о Шабо: «Без преувеличения можно сказать, что

1923. Часто названия колоний давались по местам битв (Uhlig von Uhlenau G. Das Kriegsjahr 1813. Dresden, 1863).

¹⁰ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы, Т. 1 / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Ю. Андреева, Д. Тозато-Риго. М., Росспен, 2014; Тозато-Риго Д., «Пользуются репутацией людей порядочных и серьезных». Швейцарские гувернеры и гувернантки в России (1750–1850) // Родина. 2014. № 1. С. 30–34.

¹¹ Мевли О. Эмиграция в Россию в контексте истории кантона Во // Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму, XIX — начало XX века. Сборник статей / Под ред. Е. И. Симонато, И. С. Ивановой. СПб: Свет, 2019. С. 29–46.

¹² ГАОО. Ф. 1. Оп. 214 (1820). Д. 4. Л. 1–1об.

своим успехом и расцветом колония обязана своему основателю — Луи Венсану Тардану — ученому-ботанику, виноградарю, члену Гельветического общества естественных наук, человеку незаурядного ума и высокой культуры. На его долю пришлось тяготы и лишения первых лет становления колонии, которые он выдержал с честью»¹³.

Историки расходятся во мнениях по поводу причин, подтолкнувших Тардана предпринять столь долгое путешествие. В одном из писем местным властям он жалуется на обеднение жителей кантона, а также на рост населения и недостаток земель¹⁴. Известно, что Тардан был человеком образованным, библиотека его насчитывала несколько тысяч томов, что по тем временам было редкостью¹⁵. В архивах сохранилась переписка Тардана с Бахметевым и Инзовым¹⁶.

Главный ветеринар в южных губерниях Российской империи Жан Франсуа де Салоз (Saloz; 1774–1851), выходец из Швейцарии, составил и предложил своим соотечественникам условия

¹³ См.: Оноприенко В. Ф. Указ. соч.

¹⁴ См.: Экономический проект по переселению. Интервью Е. Симонато об исследовательском проекте по изучению истории швейцарских колоний в Северном Причерноморье. 25.07.2019. URL: <https://www.dukascory.com/tv/ru/274033>.

¹⁵ См. статью Ж.-П. Бастиана, в которой автор подробно описывает долгий путь в Шабо первых колонистов — виноделов, их цели, договоры с российским правительством, условия переезда и первые годы существования колонии. Bastian J.-P. Une émigration vaudoise en Nouvelle Russie: la colonisation de Chabag en 1822 // Revue vaudoise de généalogie et d'histoire des familles, Vevey: édition Alophil. 2016. P. 87–103; русский перевод: «Эмиграция из кантона Во в Новороссию: колонизация Шабаг в 1822 году». Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму, XIX — начало XX века. Сборник статей / Под ред. Е. И. Симонато, И. С. Ивановой. СПб: Свет, 2019. С. 124–147.

¹⁶ См.: Оноприенко В. Ф. Указ. соч.

поселения на аккерманских виноградниках, предусматривающие, что если четыре депутата сочтут местность подходящей, то два из них вернутся, чтобы осуществить необходимые приготовления, а два других — чтобы дать полезные советы и служить проводниками. После возвращения в Во Лагарп, который являлся депутатом Великого Совета Во, обратился к царю со следующим письмом: «Господин де Салоз рассказал, что в Бессарабии произрастает государственный виноградник, коим сильно пренебрегают. Об этом информированы виноградары моей страны, и если правительство даст свое согласие и разрешение, то они обратятся с просьбой позволить им работать на этих землях. И возможность приехать в Бессарабию им улыбается больше, чем для основания своего поселения ехать в Бразилию или Америку. Они хотели бы получить уверенность в возможности улучшения своей судьбы, своей работы».

Это письмо было отправлено в 1819 году, а вскоре и получено согласие российского императора. В память об этих событиях еще в 1846 году одна из основных улиц колонии Шабо называлась Лагарповской¹⁷.

Тардан обещал набрать нужное количество виноградарей. 22 июня 1820 года он уведомил о своем предложении власти кантона Во¹⁸. Им был также составлен проект устава колонии.

Колония виноградарей кантона Во на винограднике Аккермана в Бессарабии

1820 г.

Соглашение (Souscription)

Для колонии виноградарей из кантона Во, которая будет создана она винограднике Аккермана на юге России под покровительством его величества российского императора.

¹⁷ Там же. С. 15.

¹⁸ Gander-Wolf H. Chabag, Schweizer Kolonie am schwarzen Meer: ihre Gründung und sie ersten Jahren seines Bestehens (1820–1850). Lausanne: Multi-Office, 1974. S. 40.

Мы, нижеподписавшиеся, с целью создания успешного и долгосрочного хозяйства на юге России, согласны на полном доверии и по нашему волеизъявлению с нижеследующими статьями о том, что щедростью Александра Великого получаем бесплатно не только виноградник Аккермана, но и земельные угодья, необходимые для создания колонии.

Статья 1.

Каждый из нас внесет на руки комиссии, которую мы назначаем, взнос в сумме 50 швейцарских франков (75 французских), которые послужат созданию общей кассы коммуны.

Статья 2.

Полезность этого общего капитала будет заключаться впоследствии в помощи тем, кто может крайне нуждаться.

Статья 3.

Если один или более участников изменит свое мнение об участии в составе колонии, его взнос в фонд колонии будет потерян безвозвратно для него и его близких.

Статья 4.

Каждая пара, будь то отец или мать семьи, получит виноградник, луг и поле пропорционально количеству членов его семьи.

Статья 5.

Каждый из нас предъявит на руки комиссии выписку о крещении всех членов семьи, так как раздел проводится на основе закона и соблюдения равноправия.

Статья 6.

Каждый из нас сохраняет за собой право покинуть район, именуемый здесь колонией, когда это будет удобно, при этом все правила данного соглашения должны быть им тщательно соблюдены.

Статья 7.

Если количество подписавшихся будет в количестве от тридцати до сорока членов глав семейств, они будут созываться в назначенном месте, где они будут большинством голосов назначать комиссию.

Статья 8.

Эта комиссия будет включать старшего, четырех помощников и одного секретаря, и их функции будут выполняться бесплатно; если

последний будет одновременно выполнять функции школьного учителя, комиссия назначит ему годовой пансион.

Статья 9.

Комиссия должна обновляться каждые три года, и ее члены не должны быть фиктивными.

Статья 10.

Для благополучия членов колонии комиссия, которая будет считаться властью, будет одобрена вышестоящими властями страны.

Статья 11.

Эта комиссия будет вести учет расходов на поездку, которые будут возложены на членов коммуны, в половинном объеме с детей, и эти записи по учету будут упорядочены сразу же после нашего приезда в колонию.

Статья 12.

Наделы виноградников, поля и угодья будут распределяться комиссией.

Статья 13.

Каждый из нас должен будет взять с собой Библию, кроме того, псалтырь и катехизис на каждого ребенка.

Статья 14.

Комиссия составит правила для благосостояния колонии, но эти правила должны будут одобрены подписавшимися, и они не должны быть ущемлены в правах статьями данного соглашения.

Статья 15.

Никто из нас не сможет продать или урезать свою собственность в пользу того, кто не является членом колонии, без согласия комиссии.

Статья 16.

Мы соглашаемся на то, что комиссия выбирает и определяет место, хутор и протяженность нашего заведения, так как, если в нашем случае мы строим деревню, она должна иметь красивый, упорядоченный вид.

Статья 17.

Каждый из нас обязан взять с собой исправный карабин со снаряжением.

Статья 18.

Чтобы удостовериться в добротности и протяженности винограда, угодий и полей, мы согласны совместно понести расходы, которые назначат четыре выбранных члена, чтобы все осмотреть.

Статья 19.

Если наши четверо уполномоченных найдут местность подходящей, двое из них останутся на месте, чтобы сделать все необходимые приготовления, а двое других вернутся к нам для уточнения важных подробностей и чтобы быть проводниками.

Статья 20.

Комиссия назначит время и место отправления, которых должны придерживаться все.

Статья 21.

Настоящее соглашение открыто только для тех, у кого честное имя, и кто является хорошим виноградарем, и кто может доказать состоятельность понести расходы на поездку и на обзаведение.

Составлено в Веве, в кантоне Во, в Швейцарии 25 сентября 1820 года под обязательство нашего имущества.

Далее следуют подписи, которые завершают настоящее соглашение.

Милостью Его Императорского Величества подписавшиеся назначили уполномоченных для отправки в Аккерман, которые были посажены на судно в Марселе прошедшего 1 октября.

Таковы условия, которые подписавшийся посчитал должным предложить своим соотечественникам во время своего пребывания в Швейцарии. Господин генерал де ля Гарп любезно взял на себя обязательство ходатайствовать перед Его Императорским Величеством о заброшенном винограднике Аккермана.

Эта новая колония виноградарей, будучи очень трудолюбивой, будет очень выгодной в развитии государственной промышленности, и подписавшийся рад, что нашел именно тех людей, которые в данных обстоятельствах обращают в Россию свои капиталы, традиции и общеизвестный вид промышленности.

Подписано: шевалье де Салоз.

Санкт-Петербург, декабрь 1820 г.

Некоторое время спустя Тардану удалось набрать нужное количество желающих. На первом заседании комитета 13 августа 1820 года присутствовали Жан-Луи Герри (Jean-Louis Guerry) из Ля Тур де Пэ (La Tour-de-Peilz), Жорж Амеде Тестю (Georges Amédée Testuz) из деревни Рива (Rivaz), Жакоб Самюэль Шевалле (Jacob Samuel Chevalley), также из Рива, Франсуа-Луи Пети (François-Louis Petit) и его братья Луи Самюэль (Louis Samuel) и Луи Винсан (Louis Vincent). Тардану было поручено совершить путешествие в Бессарабию с целью выбора места для будущей колонии и выдана сумма в 800 франков. Осенью того же года Тардан пустился в путь. По пути он остановился в Одессе. Как указывала В. Ф. Оноприенко, у Тардана имелась прекрасная рекомендация статс-секретаря Министерства иностранных дел графа И. А. Каподистрии полномочному наместнику Бессарабии А. Н. Бахметеву от 17 февраля 1820 г.: «...несколько семей из Воодского кантона, состоящие из тридцати молодых и трудолюбивых поселян, изъявили желание водвориться в России. На сей конец они испрашивают уступки аккерманского виноградарства, в Бессарабии находящегося, предлагая купить оный, если правительство согласится на продажу одного за сходную цену. Его Императорское Величество, удаляя вовсе условие продажи, желает содействовать к исполнению такового намерения»¹⁹.

Тардан осмотрел различные земли, которые ему показали в качестве пригодных для развития виноградарства, и выбрал Шабаг (Шабо) за его географическое положение и, возможно, за близость к городам Аккерману и Одессе. До Шабо было легко добраться через лиман и возможно было выходить на барках в Черное море. Об этом факте Инзов упоминал в письме министру внутренних дел В. Ф. Кочубею (1768–1834): «Я принял

¹⁹ Цит. по: Оноприенко В. Ф. Указ. соч. С. 18.

этого депутата [Тардана. — *Прим. авт.*], который изложил мне предложения по поводу намерения швейцарских виноградарей обосноваться в Бессарабии. Ему было разрешено посетить местность и, в частности, место на берегу Днестровского лимана, где будет расположена колония»²⁰.

Тардан направил своим соотечественникам подробный отчет и настойчиво рекомендовал их поторопиться, чтобы приехать ко времени первых весенних работ. Они, однако, предпочли выждать и попросили Тардана прислать копию императорского указа, по которому им передавались обещанные виноградники и земли. Они вовсе не разделяли его энтузиазм, ведь им предстоял долгий и трудный путь — 2500 километров, надо было везти с собой на лошадях всю семью, гнать скот, перевозить всю домашнюю утварь. Не дождавшись положительного ответа, Тардан вернулся в Швейцарию²¹. И лишь 18 июня 1822 года главы первых шести семей переселенцев собрались в Веве у нотариуса Жентона с целью подписать «соглашение между колонистами Аккермана»²².

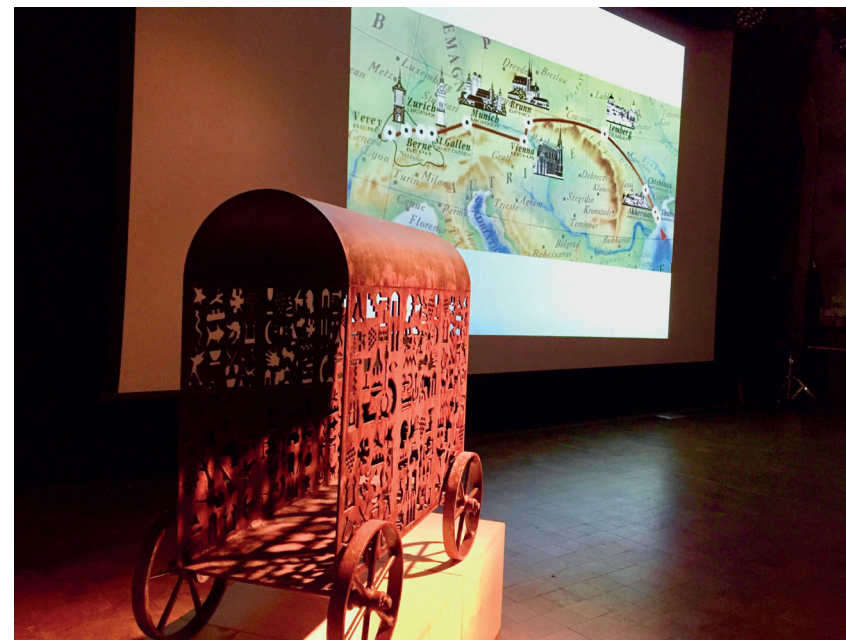
Путь в Бессарабию

В июле 1822 года Тардан и будущие колонисты простились со своими близкими. Чтобы покрыть расходы на дорогу, многим из колонистов пришлось продать имущество. Обоз состоял из четырех крытых повозок. На первой повозке ехало семейство Герри. С ними ехали Берже. На второй повозке — самой большой из всех — ехало семейство Шевалле с семьей детьми. На третьей повозке — сам Тардан. Супруга же Тардана ехала на четвер-

²⁰ ГАОО. Ф. 1. Оп. 214 (1820). Д. 4. Л. 1–10б.

²¹ Ch. Gos. Chabag, ou les vigneron vaudois de Bessarabie // Gazette de Lausanne, 16.07.1936. P. 1.

²² Ibid.

Макет памятника первым колонистам, установленного в Шэбре.

Фото автора

той повозке. Переезд занял в целом четыре месяца. Памятник колонистам был установлен в 2019 году в Шэбре (Chexbres). На постаменте установлена повозка, а рядом высажен виноград сорта Тельти Курук, привезенный из Шабо²³.

Обратимся к подробному описанию первых дней пути Ж. П. Бастианом: «19 июля 1822 г. три повозки, запряженные лошадьми, выехали из Веве в Бессарабию <...> Через день из Лозанны отправилась четвертая повозка которая везла организатора этой группы Луи-Венсена Тардана, жителя Веве,

²³ <https://chabag.ch/Le%20chariot%20Tardent.pdf>.

Путь, проделанный колонистами.

© Центр культуры вина, Шабо, музей

и Франсуа-Давида Нуара из Лозанны, молодого человека, учившегося на коммерсанта. Все четыре повозки соединились в Аванше, чтобы 22 июля образовать единый обоз, который должен был везти 27 человек, в число которых входило тринадцать детей (семь из семьи Тардана-Гранжана и шесть из семьи Шевалле-Лежере). В число взрослых, помимо родителей этих детей и дедушки Гранжана, входило еще восемь человек: пять человек прислуги семьи Тардана-Гранжана, два попутчика, которые хотели добраться до Одессы, и шестой — слуга, который шел пешком в ритме движения обоза»²⁴. В отличие от других Нуар, пишет Ж.-П. Бастиан, предпринял этот шаг не из желания войти в колонию земледельцев и виноградарей, а потому что он хотел воспользоваться этой экспедицией, чтобы добраться до Одессы и там найти какую-нибудь работу в одной из швейцарских компаний. Нуар детально описывал путешествие, воссоздавая в целом и в деталях ежедневную жизнь колонистов. Его днев-

²⁴ См.: Bastian J.-P. Op. cit.

ник был издан в 2016 году²⁵. Получилось уникальное свидетельство об этом путешествии. До последнего времени существовало только одно свидетельство этого пути, написанное Уранией Тардан.

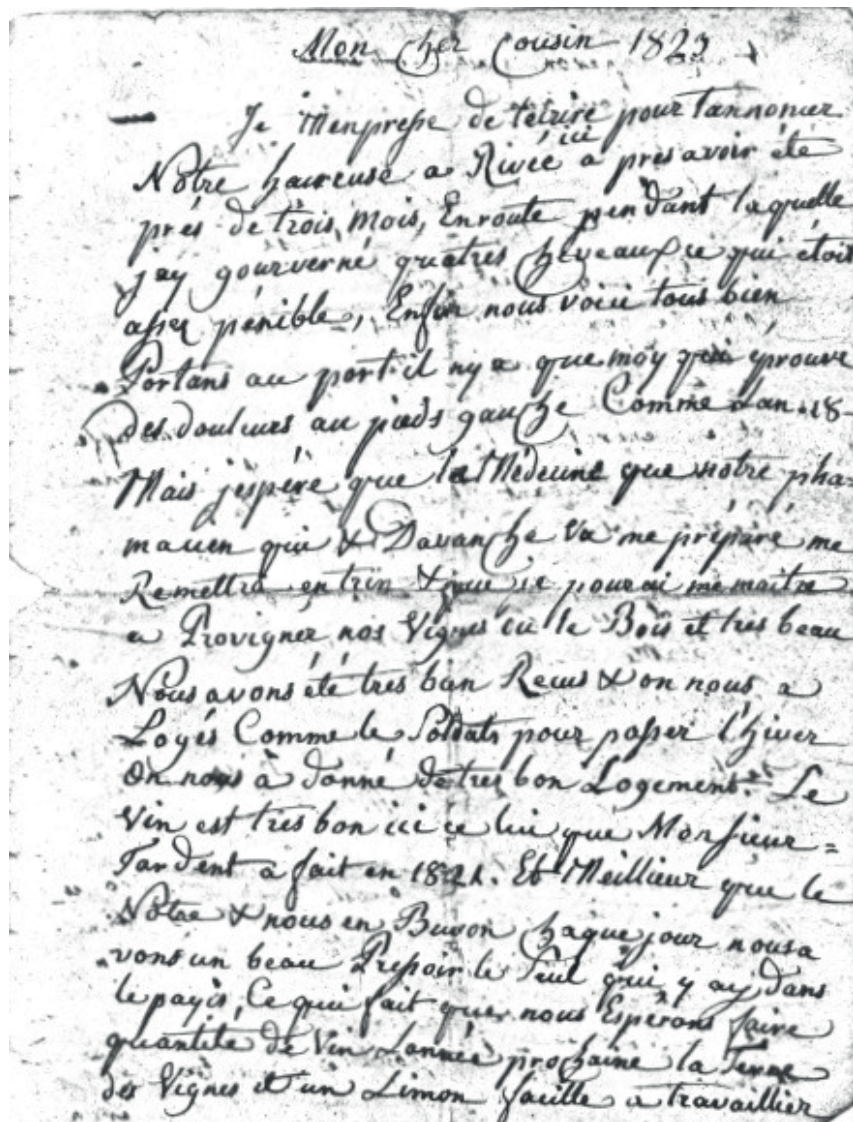
Макет повозок, на которых прибыли первые колонисты.

Центр культуры вина, Шабо, музей. Фото автора

В одном письме Шевалле писал²⁶: «Мы все чувствуем себя хорошо, несмотря на долгий путь и холодную и столь непривычную для нас зиму. В пути с нами немало всего приключилось. При въезде в Санкт-Галлен у моей повозки сломалось переднее

²⁵ Noir F.-D. Journal de voyage Lausanne-Chabag-Odessa. Bière: Cabédita, 2016.

²⁶ Письма были написаны в 1823 году, предположительно в июле, адресованы родственникам, проживающим в городке Рива (Rivaz) и направлены через вдову Нуар (Noir) в Лозанне.

Страница письма Плантена родственникам с описанием путешествия.

© Архив семьи Кристен-Лоран, Корсо

колесо, и мне пришлось покупать новое всего на несколько дней, чтобы дотянуть до Мюнхена»²⁷. Шевалле также записал свои первые впечатления о Бессарабии: «Бескрайние равнины, поля, стада быков и овец. Многие люди в этих местах владеют стадами в тысячи голов. Тут также много диких лошадей. В изобилии водятся дичь, медведи, кабаны, волки, лисы»²⁸.

«Путешествие наше прошло хорошо, с нами не случилось ничего страшного. Мы пересекли границу в Буковине», — писал Тардан по прибытии²⁹. 15 октября 1822 года колонисты прибыли в Кишинев³⁰, где переночевали у знакомого швейцарца и привели себя в порядок перед приемом у Инзова. «Инзов принял нас как своих детей, — писали они. — Его подчиненные составили план наших владений и выдали нам соответствующие документы. Его Высочество пожелал поговорить с каждым из нас». 30 октября 1822 года Франсуа-Давид Нуар занес в свой дневник следующую запись: «И вот наконец в восемь часов мы прибыли на землю обетованную, в Аккерман». 31 октября он оставил следующую запись: «Деревня Chabas (Shabo/Chabag), которую мы называем Гельветианаполис и в которой будут жить швейцарцы, очень большая. В ней имеется недавно построенная церковь. Она расположена в низине и защищена от сильных в этой местности восточных ветров. Само место очень живописно, особенно берег залива».

Зима 1822 года ожидалась тяжелой, несмотря на то что наместник приказал горожанам Аккермана дать приют колонистам. В письме к своему кузену, датированном началом 1823 года,

²⁷ Une colonie suisse en Bessarabie // Conteur Vaudois. № 51. 19.12.1891. P. 1–2.

²⁸ Ibid.

²⁹ Архив Общества бессарабских немцев. «Journal de la commune d'Achabag-Chaba. 1831–1857». Письма Тардана.

³⁰ Noir F.-D. Op. cit.

Жан-Луи Плантен подчеркивал, что они были очень хорошо приняты. Однако призыв к Божественному Провидению был необходим перед лицом возможных трудностей. Поэтому колонист Герри предложил на собрании 28 февраля 1823 года молитву, которая была одобрена. Ее читали перед каждым собранием колонистов. Эта молитва звучала так: «Господи, Творче неба и земли, да пребудет помощь Твоя с нами! Собравшись для управления нашим общим имуществом, молим Тя, пошли нам, Господи, Свое благословение и Святого Духа, чтобы все наши решения и действия были во славу Твоего Великого Имени и на пользу нашей общины. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь»³¹.

Швейцарские Робинзоны Крузо

Много лет спустя Жорж Жиро, консульский агент Швейцарии в Шабо, сравнил первых колонистов с Робинзонами Крузо. К сожалению, до нас дошло незначительное количество личных документов, относящихся к первым годам существования колонии. В одном из писем, адресованных знакомой в Швейцарию, Тардан писал: «У меня совершенно нет времени на написание писем». Именно поэтому эти письма — уникальные свидетельства жизни колонистов той поры. В письме от 20 мая 1823 года, адресованном Дюкрэ и Моннэ в Швейцарию, Тардан сообщал: «Грустные новости приходят из Швейцарии. А что, если и будущий год будет таким же неудачным, как этот? Если бы вы знали, сколько несчастных людей нашли бы здесь средства для жизни!»³² В другом письме содержится подробное описание местоположения колонии, садов, лугов, а также лимана, «столь бога-

³¹ Bastian J.-P. Op. cit. P. 144.

³² Архив Общества бессарабских немцев. «Journal de la commune d'Achabag-Chaba 1831–1857». Письма Тардана. С. 18.

того рыбой, — пишет Тардан, — что здешних обитателей можно назвать ихтиофагами».

Священник Шарль Делоз, пастор из Шэбра, писал в своей брошюре «Очерк швейцарской колонии Шабо в Бессарабии в Южной России»³³: «Шабо, или Шаба, как произносят местные жители, расположено на берегу Днестровского лимана. Днестр — вторая по полноводности река Бессарабии — берет свое начало в Карпатах. Он то течет плавно, то виляет, образуя болота. При впадении в море Днестр образует пресноводный залив — лиман, в который иногда ветер нагоняет соленую воду из моря, и тогда вода приобретает темно-синий оттенок. Лиман этот напоминает колонистам их родное озеро Леман»³⁴. Так, Тардан писал: «Наша деревня, которой мы хотели бы дать название Гельветианополис, расположена в живописной местности, на берегу озера Леман. В ней имеется небольшая церквушка, возле которой расположено мое скромное жилище. У меня есть большой двор, окруженный стенами, красивый сад, который спускается к берегу озера. Потом, когда у меня будет возможность, я вырою тут канал, куплю лодку»³⁵.

Согласно самому первому плану колонии, который не дошел до нас, дома строились на удалении друг от друга на 45 саженей, и фасады их непременно должны были выходить на улицу. В центре деревни было заготовлено место для будущей церкви. В поселении было заложено несколько улиц, расположенных параллельно озеру. Первая улица шла от церкви и имела 600 метров в длину и 3 метра в ширину. Предполагалось, что

³³ Deloes C.H.D. Notice sur la colonie suisse de Chabag en Bessarabie dans la Russie Méridionale, 1845.

³⁴ Ibid. P. 5.

³⁵ Архив Общества бессарабских немцев. «Journal de la commune d'Achabag-Chaba 1831–1857». Письма Тардана. С. 47.

в деревне будет всего 120 дворов площадью в 30 квадратных метров. Дома планировалось возводить из камня или глины. 10 лет спустя деревня уже насчитывала 10 дворов, окруженных земляными валами, зайти во двор можно было только через небольшой проход³⁶.

Сравнивая климат своей родины с климатом Шабо, Делоз отмечал переменчивость погоды. Здесь были частыми сильные порывы ветра, а температура менялась очень быстро даже в течение дня. Летом она поднималась до 32 градусов Реомюра, а зимой опускалась до минус 18³⁷. Лиман полностью сковывался льдом. Пресной воды не хватало, несмотря на то что в деревне было семь частных колодцев и четыре общественных. Некоторые колодцы были очень глубокими. Колонисты, не имевшие колодцев, были вынуждены привозить воду на телеге, ее хватало на два или три дня. Они также использовали в хозяйстве воду из лимана³⁸. Известно, что до прибытия колонистов тут уже существовало небольшое молдавское поселение³⁹. В другом источнике указывается, что деревенька насчитывала двенадцать домов и что дома эти были выкуплены колонистами за 20 или 30 рублей. В непосредственной близости от колонии была расположена русская деревня, в которой проживало 300 семей, около 2000 душ.

В «Журнале» коммуны Шабо, хранящемся в архивах города Белгорода-Днестровского, содержатся интересные сведения о первых десятилетиях существования колонии. Подробно описаны и самые трудные годы. Так, в 1829 году произошла эпиде-

³⁶ Une colonie suisse en Bessarabie // Conteur Vaudois. № 30. 23.01.1892. P. 3.

³⁷ По шкале Цельсия, соответственно плюс 40 и минус 20 градусов.

³⁸ Deloes C.H.D. Op. cit. P. 54–55.

³⁹ Anselme A. La colonie Suisse de Chaba (Bessarabie). Notice historique, 1822–1922. Cetatea-Alba, 1925. P. 16–17.

мия чумы, в 1829 и в 1837 годах — два землетрясения, упомянуты также малоурожайные годы.

В Архиве Одесской области нам удалось ознакомиться с письмами и жалобами первых колонистов, адресованными в Попечительный Комитет. Чаще всего колонисты жаловались на кражи лошадей — 104 кражи за 10 лет, а также на порчу виноградников скотом⁴⁰. Колонисты даже требовали учреждения штрафа за порчу урожая. Поскольку население не имело привычки следить за скотом, то стада коров и свиней полностью уничтожали урожай. В то же время не все колонисты могли позволить себе иметь пастуха, чтобы отгонять скот.

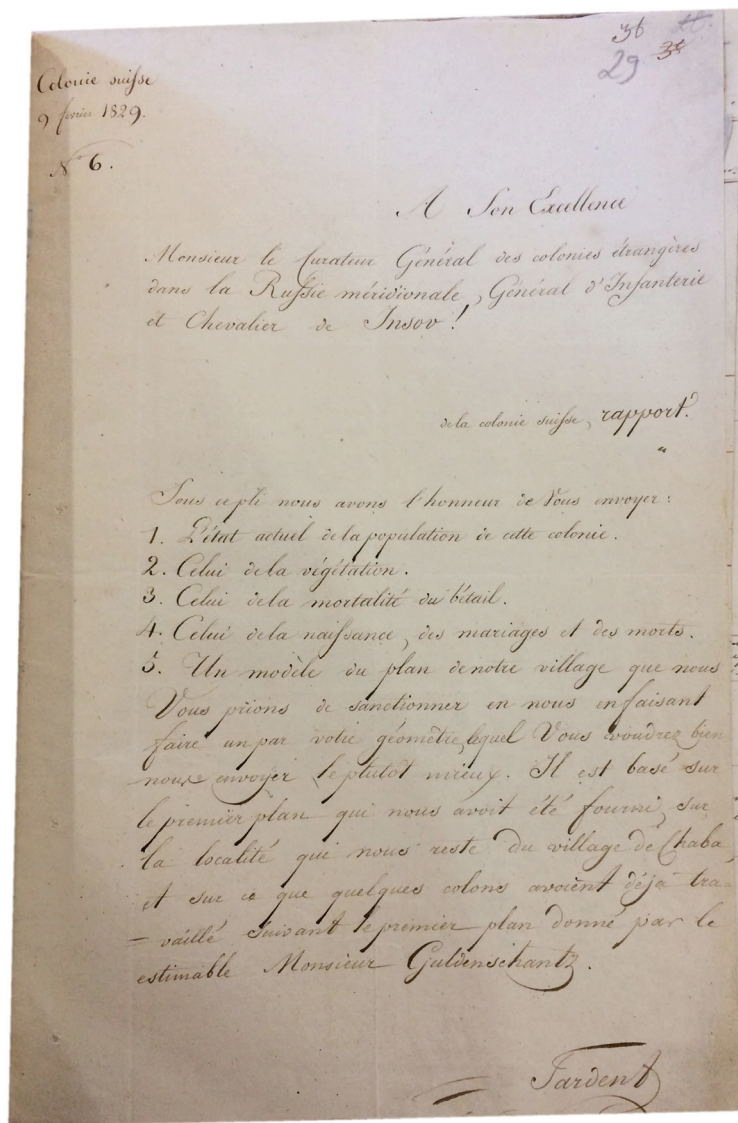
Тардан писал: «Мы живем в согласии со всеми, стараемся сохранить хорошие отношения с соседями, и чтобы никто из них не имел повода на нас жаловаться. Но в случае чего мы сможем защитить себя. И последние события показали, что мы не можем спать спокойно»⁴¹. Колонисты неоднократно писали жалобы на имя Воронцова.

Но в скором времени приток колонистов почти полностью прекратился. Кроме того, уже прибывшие колонисты покинули Шабо. Так, Анри Цвики предпочел устроиться садовником к местному вице-губернатору Крупенскому⁴². В поисках новых колонистов Тардан обратился к швейцарцам, проживающим в Одессе, через газету. Объявление гласило: «Луи-Винсен Тардан, виноградарь и ботаник, член Швейцарского общества естественных наук, директор колонии швейцарских виноделов в Шаба в Бессарабии, предлагает дворянам и помещикам Южной

⁴⁰ Архив Общества бессарабских немцев. Тардан, письма к Моннэ и Дюкре, 1823, «Journal de la commune d'Achabag-Chaba 1831–1857». С. 24.

⁴¹ Anselme A. Op. cit. P. 35.

⁴² Архив Общества бессарабских немцев. Тардан, письмо Дюкре и Моннэ, 1823, «Journal de la commune d'Achabag-Chaba 1831–1857». Письма Тардана. С. 15.

Письмо Тардана к Инзову от 9 февраля 1829 года. © ГАОО

России послать на обучение молодых людей от 14 до 18 лет сроком на три года, которых он обязуется бесплатно обучить виноградарству». Но обращение имело обратный эффект. Местные помещики всеми силами старались переманить швейцарских колонистов, слывших прекрасными работниками, к себе, причем как мужчин, так и женщин, пользовавшихся репутацией прекрасных хозяек. «Мы сами в настоящий момент испытываем такой недостаток в женщинах, — ответил Тардан, — что, если новые колонисты приедут без жен, нам придется поступить как древние римляне, которые приглашали на пир всех женщин округи, а потом похищали самых красивых и статных»⁴³.

Часть из вновь прибывших колонистов оказалась совершенно не готовой к такому труду⁴⁴. Они были заняты исключительно своими личными делами, торговыми сделками с коммерсантами в Одессе, а Тардану нередко приходилось отвечать за их поступки. Некоторые из них были с позором изгнаны из колонии.

В письме Инзову от 17 марта 1823 года Тардан жаловался, что швейцарцы не могли воспользоваться отведенной им землей по своему усмотрению: «Да, мы получили обещанные надель, власти составили план. Мы были счастливы. Но три недели спустя посланник Его Высочества губернатора попросил нас уступить участок земли, прилегающий к Аккерману, в обмен на участок, расположенный в степи. Мы согласились, хотя и осознавали, что выращивать виноград в степи будет невозможно». «Мы считали себя полноправными владельцами земли, но, как я Вам писал, не можем полностью распоряжаться ею как полноценные собственники. Невозможно предположить, чтобы Ваше Высочество выделило нам землю, не предоставив нам других прав.

⁴³ Chabag// Feuille d'avis de Lausanne. 26.01.1931. P. 2.

⁴⁴ Anselme A. Op. cit. P. 32, 45.

Мы просили разрешения на постройку трактира, как в соседних колониях, но и в этом нам было отказано. Мы также просили разрешения на рыбную ловлю в той части лимана, которая прилегает к деревне, и в этом нам также было отказано. Наши надежды рушатся одна за другой. Властям известно, чего стоило нам путешествие сюда. Мы отказались от всего, чтобы приехать сюда, мы купили здесь дома, мы хотим построить еще много домов, и все наши усилия имеют целью улучшить благосостояние этих земель. Я умоляю Ваше Высочество не отказать нам в наших просьбах»⁴⁵, — объяснял Тардан.

Во время правления графа Воронцова была предпринята реформа системы управления. В 1834 году колониями управляли 11 смотрителей. Как многие другие колонии, Шабо не имело личного смотрителя, и дела колонии находились в управлении местных приказов. Шабо и Сарата подчинялись инспектору Бессарабских колоний, проживавшему в Каушанах. Старшины обеих колоний не владели русским языком⁴⁶. Первым старшиной в Шабо был Тардан.

Взаимоотношения колонистов с соседями

В архиве Одесской области сохранились многочисленные жалобы колонистов на соседей — русских, греков и армян — как по поводу порчи урожая, так и воровства скота. Колонисты писали: «Наши намерения — всегда жить в мире со всеми и в особенности с соседями»⁴⁷. Как Воронцов, так и вице-губернатор

⁴⁵ Там же. С. 11.

⁴⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1794.

⁴⁷ См.: Dulamangiu V. La population et le langage de Chabag // Arhiva. 2017 [1939]. № 51; Les communautés suisses de Crimée et de la mer Noire. Langues et traditions, (avec) // Cahiers de l'ILSL / Eds. E. Simonato, I. Ivanova, M. Giolitto. 2017. № 51. P. 215–227.

В. Ф. Тимковский (1775–1855) регулярно получали жалобы от обеих сторон. Так, осенью 1826 года колонисты направили им обоим жалобу следующего содержания: «Жители Шабо, которые до сих пор не переселились, и будучи подстрекаемы третьими лицами, в частности жителями Аккермана, не освобождают свои дома, притесняют колонистов. Которые, если бы не эти подстрекательства, оставались бы самыми миролюбивыми и никогда бы не начали спор»⁴⁸. Местные жители же жаловались на Тардана. Вследствие жалоб Тимковский вынужден был отправить на место коллежского асессора Шалгина для выяснения обстоятельств. Последний заключил, что жалобы колонистов вполне обоснованы, но и колонисты берут без спроса тростник. Жители не смели пожаловаться из-за страха быть сосланными в Сибирь⁴⁹. Было предложено переселить швейцарцев в другое место, оставив местных жителей в Шабо. Для разрешения конфликта вице-губернатор Бессарабии и Новороссии граф Пален (1780–1863) направил своего посланника, а Инзов принял делегатов от швейцарцев⁵⁰. Кабинет Министров постановил в конечном итоге выселить местных жителей, выплатив им денежную компенсацию⁵¹.

В 1828 году разгорелся спор о колодцах для скота. Обратимся к первоисточникам. Вот что писали колонисты: «В 1828 году, когда Шабо посетила комиссия из графа Воронцова, генерала Инзова и князя Волконского и было проведено размежевание наделов с русской деревней, мы попросили их высочеств

⁴⁸ Архив Общества бессарабских немцев. «Journal de la commune d'Achabag-Chaba 1831–1857».

⁴⁹ Оноприенко В. Ф. Указ. соч. С. 23.

⁵⁰ Архив кантона Во. «Journal d'Achabag», 1832.

⁵¹ Оноприенко В. Шабо // Дерibasовская-Ришельевская. 2007. № 2 (30). С. 36–48. URL: https://odessitclub.org/publications/almanac/alm_30/alm_30_36-48.pdf.

разрешение пересекать русскую деревню по дороге на водопой к лиману, то есть проход шириной в 200 саженой, не проходя ни через один сад, ни дом, что нам было разрешено в присутствии делегатов от русской деревни. Но сегодня, 3-го числа месяца, когда наш скот проходил как обычно, к нам подбежали вооруженные палками крестьяне и отогнали его. На наш вопрос нам было сказано, что их послал исполнитель полиции Лазарев и что они имеют намерение приходить ежедневно»⁵². Обратимся к еще одной просьбе, адресованной Тарданом Инзову в 1820 году, в которой речь идет о «размежевании болотистых участков, которые ежегодно занимают греки и армяне, которые собирают растущий там камыш... Сегодня имею часть просить у Вас разрешения на полное владение болотом, находящимся на территории колонии, так как некоторые соседи не признают наше на него право»⁵³.

Ввиду того что приток переселенцев снизился и население Шабо перестало увеличиваться, так и не достигнув нужного количества, в 1829 году правительство продало на аукционе часть угодий и дала взамен другой надел. В 1831 году колонисты пожаловались на то, что они вынуждены покинуть уже обрабатываемые наделы, а получили взамен участок, приспособленный для земледелия⁵⁴. Направленный Инзовым инспектор заключил, что жалобы колонистов не обоснованы, что они вовсе не живут в нищете, а наоборот, владеют землей с излишком по сравнению с соседними колонистами, но среди них имеются подстрекатели. Инзов поручил проводить в Шабо периодическую инспекцию⁵⁵. Также было предписано, в виду того что колонисты сами не за-

⁵² Gander-Wolf H. Op. cit. P. 123.

⁵³ ГАОО. Ф. 1. Оп. 214 (1820). Д. 4. Л. 378–378 об.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5576. Л. 2–3.

⁵⁵ Там же. Л. 3.

нимались землепашеством, а нанимали для этой цели работников, отобрать излишки земли у тех из них, кто имел во владении более 40 десятин.

Развитие виноградарства в Шабо

Отчеты о прогрессе виноградарства и виноделия в Шабо также дают представление о колонии. Как и планировалось, виноградарство и виноделие стали главной статьей доходов Шабо. В Шабо производилось от трех до четырех тысяч литров вина в год. Для обработки земли колонисты нанимали работников. Колонисты сдавали в аренду землю под пастбища, сажали лес. Они проживали в домах, выкупленных у жителей деревни. Каждая семья имела отдельный дом, за исключением двух вновь прибывших семей, которые проживали в одном доме. Деревня продолжала застраиваться в соответствии с планом. Имеющиеся дома и постройки полностью ему соответствовали. Колонисты также имели намерение построить церковь и школу, часть материалов для строительства уже была заготовлена. Крыши домов покрывались камышом, который в изобилии рос поблизости.

«Швейцарцы обладают знаниями, они умеют выращивать виноград и делать хорошее вино. Они посадят также и виноград для десертных вин», — сообщал о Шабо Кабинет Министров⁵⁶. Первый урожай оказался вполне удачным. В честь сбора урожая и чтобы отметить как полагается день рождения императора, колонисты осуществили, согласно швейцарскому обычаю, залп из карабина⁵⁷. Первый урожай был продан за 300 рублей. Цена

⁵⁶ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5501, Л. 867. Журнал Кабинета министров, февраль 1827.

⁵⁷ Gos Ch. Chabag, ou les vigneronns vaudois de Bessarabie // Gazette de Lausanne. 16.07.1936. P. 1.

за ведро составляла 28 копеек в начале осени и 42 — в конце. Практически все вино было скуплено Навроцким, жителем Аккермана. В 1824 году делегаты от колонистов вручили несколько бутылок 1823 года Воронцову.

Пастор Делоз сообщал много интересных деталей о виноградарстве: «В данном регионе — на берегу Днестра, Прута и Дуная вообще, в Кишиневской губернии — имеется множество виноградников. Но Аккерманский виноградник — самый большой по площади и самого высокого качества. Виноградарство там существовало еще при греках и гетуэзцах. Земля в этом регионе из желтого песка, который хорошо сохраняет тепло и влагу. Под песком находится слой беловатой глины. Виноград здешний стоит довольно дешево, в 8 раз дешевле, чем в кантоне Во».

Старинный пресс для винограда. Центр культуры вина, Шабо.

Фото автора

По рассказам местных жителей, переданным Тарданом, раньше в этих местах произрастал лес, который защищал виноградники от северного ветра. Зимы были более мягкими, виноград не страдал от заморозков. Местные крестьяне, по незнанию, постепенно вырубали леса. Новых деревьев никто не сажал, молодую поросль съедал скот. Местные власти имели намерение снова посадить лес. Тардан посадил большое число саженцев, а также излагал письменно необходимость в лесах и деревьях. Он внедрил новые методы виноградарства и даже вынужден был продать часть своей библиотеки, чтобы купить пресс для винограда⁵⁸.

Каждый колонист сам продавал вино коммерсантам. Тардан продавал вино в Одессе. В ведомостях о состоянии колонии можно прочитать следующее: 1831 год — вино низкого качества, пшеница также, лен — почти никакого урожая; 1832 год — вина немного больше, чем в прошлом году, и лучшего качества, 1833 год — вино неплохое и в достаточном количестве, урожай пшеницы очень низкий, 1834 год — вина «много и прекрасного качества», пшеница не удалась, много картофеля.

Что касается населения колонии, в 1823 году в Шабо прибыли два колониста из кантона Во, четверо неженатых человека покинули Шабо, трое вернулись на родину. В конце 1826 года колонию пополнили десять семей: Бессон, Форнэ, Готтро, Дюпертиус, Кампиш, Рэ, Ребо и Мишу. В 1828 году приехали семьи Доньи и Лоран. «А ведь, — писал Тардан, — здесь мы живем в полном спокойствии, даже больше, чем в Альпах: ни слуха о войне, ни одной газетенки, никаких беспокойных вестей, мы здесь занимаемся своими делами, не думаем ни о французах, ни о турках, словно они живут на другой стороне земного шара»⁵⁹.

⁵⁸ Архив Общества бессарабских немцев. «Journal de la commune d'Achabag-Chaba 1831–1857». В23. С. 9.

⁵⁹ Anselme A. Op. cit. P. 30.

492

Etat de la végétation dans la colonie suisse pour 1828
О состоянии колонии Швабской в 1828 году

No.	Noms des colons	Jardins	Boissons de vignes de 1827.	de 1828	Produit de 1827	Produit de 1828	Arbres fruitiers	Arbres forestiers	Marques
1.	Louis Vincent Tardent	2.	100.000		300 vidua	400 ⁰⁰	2700.	500.	117.
2.	Charles Grandjean	2.	2.000		250 -	300.	120.	3.	2.
3.	Jean Louis Guerry	2 1/3	5.000		300 -	500.	10.	0.	4.
4.	George Festuz	2.	6.000		320 -	500.	50.	150.	10.
5.	Jacob Sammi Chevalley	2.	2.000		350 -	400.	38.	0.	3.
6.	Jean Louis Plantin	1.	3.000		300 -	300.	4.	2.	1.
7.	Henni Zviki	1.	2.000		200 -	60.	7.	0.	2.
8.	Fredric Huguenin	2 1/4	3.000		140 -	300.	12.	6.	3.
9.	Jean Pierre Meillaux	2.	50.000		300 -	400.	42.	80.	1.
10.	Marc Tardent	4.	25.000		200 -	200.	2155.	280.	6.
11.	Jean Besson	2.	2.000		140 -	100.	3.	0.	3.
12.	François Meillaux	2.	20.000		300 -	450.	50.	41.	3.
13.	David Besson	2.			100.	5.	0.	0.	3.
14.	Peuce Forney	2.			150.	5.	0.	0.	1.
						160.	15.	5.	4.

Ведомость о состоянии колонии за 1828 год.

© ГАОО

С целью построить сыроварню и делать швейцарский сыр колонисты выписали из Швейцарии коров. Это факт упоминается в письме Инзову от ноября 1832 года: «Комитет предупреждает нас, что к 12 мая мы обязаны погасить заем в 800 рублей, выделенный на это. Мы имеем честь напомнить, что неурожайные годы подорвали наши сбережения, что не позволит нам вернуть данную сумму в срок, потому что каждый колонист будет вынужден продать свою корову, в то время как предприятие имеет все шансы быть успешным, и его успех может быть прерван ввиду недостатка молока. Вверяемся Вашей отеческой доброте

и просим Вас поспешествовать, чтобы нам дали отсрочку на два года, и мы вернем сумму с процентами. Мы надеемся, что наступят более успешные годы и что мы будем иметь возможность выразить Вам нашу искреннюю благодарность»⁶⁰. Забегая вперед, отметим, что 100 лет спустя швейцарский журналист Гос рассказал, как во время визита в колонию ему показали потомство от коров той породы, которая была привезена из Швейцарии.

Колонист Бруая обладал навыками выращивания табака. Шабовцы писали инспектору сельского хозяйства: «Имеем честь сообщить о получении Вашего письма от 13 февраля и сообщить Вам о том, что мы посадили табак трех сортов, который Вы нам послали в прошлом году; по непонятной нам причине семена проросли слишком поздно, и когда мы наконец смогли высадить саженцы, наступила жара, табак вырос плохо. На наш взгляд, больше всего для нашей земли подходит кентуккский табак. У меня был также табак из Константинополя, но, как Вы сможете убедиться, этот сорт удался хуже. Посылаю Вам листья обоих сортов...»⁶¹

В архивах Одесской области хранятся также «Таблицы о состоянии колонии». Так, в таблице записано: 205 яблонь, 253 груши, 693 сливы, 190 черешен, 1206 абрикосов, 2709 орехов, 710 ив, 338 тополей, 185 кустов шелковицы⁶² за подписью Тардана, Жоржа Тетю. За 1833 год: 57 мужского пола и 55 женского пола — протестантов и 2 католички. Молитвенный дом и школа. 29 семей, 48 мужского пола, 46 женского пола, итого 94 человека, родилось 5 детей, 2 мальчика и 3 девочки, было совершено 3 бракосочетания, 2 колониста скончались⁶³.

⁶⁰ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 501.

⁶¹ Gander-Wolf H. Op. cit. P. 115–116.

⁶² ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 2244.

⁶³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 2407.

Table nominative

familles dans la colonie des vigneronnes suisses en Bessarabie

1828

Prénoms	Noms	Etat	Contes	Dimes	Total	Age	Religio	Arrivé	Obs
Имена	Фамилии	Состояние	Контес	Диме	Всего	Возраст	Религия	Прибыл	Зам.
Louis Vincent	Tardan	Naturaliste	1.	-	-	42.	Evangeliste	1823.	
Sa femme				1.	-	36.			
Jeanne Marie	Grandjean					14.			
Enfants		Vigneron	1.			11.			
Samuel Olivier				1.		9.			
Emma				1.		3.			
Souki				1.		3.			
Antoinette				1.	7.	3.			
Caroline						72.	Evangeliste	1823.	

Поименный список колонистов.

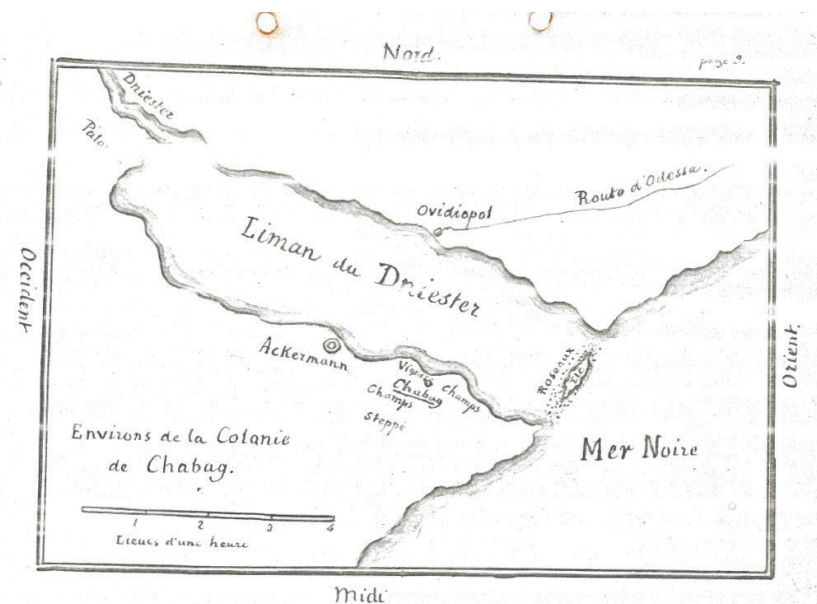
© ГАОО

1829 год — последний год пребывания Тардана в должности старшины колонии. Тардан опубликовал в 4-м номере газеты «Одесский вестник» письмо, в котором выражал сожаление о том, что, вопреки своему желанию, не смог реализовать возложенные на него надежды, и пересказывал меры, предпринятые им для привлечения колонистов. Новый совет колонии во многом был настроен против него и принимал решения без его согласия, а Тардан не смог смириться с тем, что его, по сути, ставили на второе место⁶⁴.

Поток колонистов не прекращался, до 1831 года в Шабо прибыло 165 человек. Колонисты организовали совместный амбар

и склад провизии, где хранился запас пшеницы на случай неурожая. В 1845 году колония подверглась нашествию саранчи, которая уничтожила всю траву. Большой урон саранча нанесла пшенице, цена на зерновые выросла вдвое. Специально из Аккермана были вызваны специалисты, которые изобрели следующий способ избавления от насекомых: сгонять их во рвы, выложенные соломой, и затем поджигать ее.

Итак, к 1833 году колония имела один молитвенный дом, одну школу, две мельницы, 18 телег, 12 плугов, а также 70 голов рогатого скота, 2362 фруктовых дерева, 578 лесных деревьев, 31 200 лоз и производила 3020 литров вина.

План местности и деревни Шабо, 1845 год, в кн. Делозса

⁶⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 2579; Anselme A. Op. cit. P. 44.

Глава 2. Золотой век Шабо

Самым благоприятным для Шабо был период с конца 1830-х годов до Первой мировой войны. Он был омрачен смертью Гардана, умершего от простуды в возрасте 52 лет. Об этой эпохе рассказывал пастор Делюэс в своем «Очерке швейцарской колонии Шабо в Бессарабии в Южной России»⁶⁵, а также Ансельм в книге «Швейцарская колония Шаба. Исторический очерк, 1822–1922»⁶⁶, выпущенной в 1925 году к столетию колонии. Для написания книги Ансельм общался со старожилами, которые хорошо помнили жизнь при царской власти. В архивах Белгорода-Днестровского и в Государственном архиве Одесской области также сохранились документы колонии, а в Центральном историческом архиве в Санкт-Петербурге — переписка Попечительного Комитета с Министерством внутренних дел. Нам также удалось ознакомиться с личными архивами, например, письмами шабовца Луи Гандера 1910-х годов. Благодаря этим источникам стало возможным воссоздать главные события в жизни колонии при царе, например, строительство церкви, открытие школы.

Ввиду удаленности от больших городов колония Шабо изначально была подчинена администрации, находившейся в Одессе, в то время как остальные колонии подчинялись администрации, находившейся в Кишиневе. Данное положение

дел значительно облегчало коммуникацию между колонистами и местными властями. Жители сами избирали мэра и его помощника сроком на три года. Примечателен тот факт, что Шабо было единственной колонией, которая вела переписку с властями на французском языке вплоть до 1860-х годов. Каждый раз, когда колонисты получали письмо, написанное по-русски, они писали в ответ: «Ввиду того что нам не был прислан перевод данных документов, мы возвращаем их Вам обратно и убедительно просим перевести их, согласно обещанию Попечительного Комитета от 11 ноября 1833 года, в противном случае мы не сможем ничего разобрать»⁶⁷. В письме к инспектору Котовичу от 14 января 1835 года колонисты писали: «Если Вы будете по-прежнему писать нам по-русски или по-немецки, мы не сможем правильно понять Ваши письма, наши колонисты плохо знают русский язык»⁶⁸. Таким образом, канцелярия должна была содержать не только штат переводчиков с немецкого для переписки с немецкими колониями, но и еще одного переводчика специально для переписки с Шабо. Историки отмечают, что даже полиция вынуждена была поддерживать переписку с Шабо на французском языке. Таким образом, вплоть до начала реформ колоний, то есть до 1870-х годов, Шабо оставалась «французской» колонией, хоть в ней и проживало некоторое количество переселенцев из немецкоговорящих кантонов.

Администрация колонии состояла из мэрии и трибунала. Мэрия занималась взысканием налогов, рассматривала денежные споры между колонистами и была первой инстанцией, куда колонисты обращались по всем вопросам. Мэр также выступал в роли нотариуса. Он имел право назначать опекунов,

⁶⁵ Deloës. Op. cit.

⁶⁶ Anselme A. Op. cit.

⁶⁷ Архив Общества бессарабских немцев. «Journal de la commune d'Achabag-Chaba 1831–1857». С. 55.

⁶⁸ Ibid. P. 55–55b.

устанавливать наказания для колонистов, например, прорыть 40 или 100 метров рвов. В архивах можно ознакомиться с документом, согласно которому колонист Анри Шевалле был приговорен 4 ноября 1834 года к следующему наказанию: прорыть в ближайшие сроки ров в 25 саженьей длиной и 25 — шириной. Поводом для такого наказания послужило то, что Анри побил своего тестя. Ему также было вынесено следующее предупреждение: «Если Вы еще раз посмеете повести себя подобным образом, об этом будет сообщено в Комитет»⁶⁹. Все отчеты передавались также инспектору Попечительного Комитета. Колонисты были оповещены, что мэрия не допустит беспорядков и будет наказывать каждого, кто не будет соблюдать предписания полиции: пьяниц, буянов и нарушающих общественное спокойствие. Известно, что в колонии не существовало наказания розгами. Но колонист мог быть изгнан из колонии в случае, если он покушался на жизнь другого колониста⁷⁰.

Наказания не обходили стороной никого, в том числе и самые известные семьи. Так, 7 июля 1836 года Тардан получила письмо за подписью мэра Луи Эшлера и его помощника Жоржа Гандера. Мэрия приговорила Тарданов к выплате штрафа. Кто-то из колонистов пожаловался на них в мэрию, потому что их стадо вытоптало соседние огороды, что они не следят за стадом, когда оно возвращается в стойло с пастбища. В письме также указывалось, что Тарданов ранее уже предупреждали об этом, но они не приняли должных мер. Эшлер также погрозил Тарданам, что сообщит об инциденте в Комитет, так как их поведение — поведение людей, недостойных звания колонистов, и Тардан как член мэрии не в праве наносить ущерб своим соседям. По тону письма можно судить о том, что мэр вне себя

от гнева. «Неужели Вы полагаете, что колонисты имеют желание сажать и возделывать овощи для пропитания своих семей, заготавливать сено для своего скота только для того, чтобы потом ваше стадо все затоптало? Этого невозможно представить, такого не происходило никогда даже у самых диких народов, и тем более у людей цивилизованных! <...> Как Вы не понимаете, что переживают другие, когда видят, как ваше стадо разоряет их огороды, которые они возделывают с таким трудом, от которого они с нетерпением ждут урожая? Такое поведение не подобает христианам. Докажите нам, что Вы достойны называться христианами, и, если страх перед людьми не помешал Вам так повести себя по отношению к Вашим соотечественникам, пусть Вас остановит хотя бы страх перед Всевышним!»⁷¹

Сами колонисты очень дорожили своей репутацией, они неоднократно подчеркивали это в письмах Котовичу, например, в письме от 14 января 1935 года они писали, что решили выделить один день в неделю — обычно субботу — на общественные работы по благоустройству колонии. И даже их соседи — местные крестьяне — удивлялись при виде двадцати глав семейств, которые в субботу не отдыхали, а все вместе строили дороги. Колонисты писали: «Наша колония небольшая, это правда, мы пережили много сложных моментов, это для нас хороший знак. Растение, вырастающее быстро, быстро отцветает, и от него ничего не остается; а то, которое растет медленно, будет цвести долго»⁷².

Согласно «Ведомостям о благосостоянии колонии», в 1838 году в Шабо проживало 43 семьи, было 39 домов и 5256 плодовых деревьев. В Шабо было заведено составлять

⁷¹ Архив Общества бессарабских немцев. «Journal de la commune d'Achabag-Chaba 1831–1857».

⁷² Anselme A. Op. cit. P. 39.

⁶⁹ Gander-Wolf, Op. cit. P. 73

⁷⁰ Deloes C.H.D. Op. cit. P. 85.

официальные документы о принятии на работу. Сохранился такой контракт на 1845 и 1846 годы от 19 декабря 1844 года, заключенный с работником. Работник обязывался всегда иметь запряженных лошадей и телегу. В его обязанности входило перевозить колонистов и грузы до Аккермана и до соседних губерний. Жалование выплачивалось из общественных денег.

В 1830–1860-е годы колонисты также занимались улучшением благосостояния поселения. В 1839 году колонисты, «как настоящие швейцарцы» (так написано в документе), на всеобщем собрании под руководством мэра Эшлера учредили Общество по страхованию на случай пожара. Каждая семья должна была платить небольшую сумму в общий фонд. Колонисты также построили амбар для зерна на случай неурожайного года. Пастор Делоэс приводил следующие сведения о финансах колонии. Мэрия обходилась в 200 франков, мэр — в 50, каждый из помощников — в 8 франков, секретарь — в 160 франков, наконец канцелярия — в 120 франков. 500 франков получал учитель. Три пастуха и охранники виноградников получали 480 франков. Некоторые суммы уходили также для восстановления здания мэрии, колодцев, на работы по строительству дорог, заборов, рвов и даже на «повозки, в которых приезжают сотрудники царской администрации», — всего 1000 франков⁷³. Колонисты также построили мельницу и даже сыроварню.

Попечительный Комитет регулярно посылал инспекторов для осмотра всех колоний. Делоэс в красках описал визиты инспектора Хана. Инспектор, пишет Делоэс, относился к своим обязанностям с особым рвением. Он лично осматривал хлева, сараи, чердаки и отчитывал колонистов в случае недовольства. Когда становилось известно о его скором приезде, колонисты бросали свои дела и принимались мыть, чистить и приводить

⁷³ Deloes C.H.D. Op. cit. P. 87.

свои дома в порядок. Инспектор заходил в каждый дом, осматривал кухню, все углы дома, и хозяйки должны были показать ему, что вся посуда перемыта и расставлена, что белье все выстирано, залатано и сложено в ровные стопки. Мэрия уделяла большое внимание улучшению внешнего вида колонии. Повсюду высаживались деревья, срубать юторые было запрещено⁷⁴.

Важно отметить, что отношения колонистов с соседями не всегда складывались хорошо. В некоторых документах встречаются нелестные характеристики, данные колонистами их соседям: «Мы хотим всегда сохранять хорошие отношения с молдаванами, им не хватает разве что образованности и работоспособности»⁷⁵.

Приезд немецкоязычных колонистов

В 1840 году произошло знаменательное для колонии событие, изменившее ход ее истории. Попечительный Комитет принял решение переселить в Шабо 20 немецких семей, ввиду того что количество семей колонистов не достигло запланированных 60 и часть отведенной земли пустовала⁷⁶. Шабовцы сделали все возможное, чтобы привлечь новых жителей. Они обратились ко всем колонистам, уехавшим из Шабо и переселившимся в другие провинции Российской империи. Благодаря этому из Крыма в Шабо вернулся Анри Цвики с множеством детей, а также некоторые семьи из немецкой Швейцарии и из Швабии, проживавшие в соседних колониях: Майеры, Алвины, Хайнцельманы, Хайнгстлеры, Вагнеры, Сингайзены, Штолеры и Райкхиммеры. В 1856 году из Швейцарии прибыли семьи Жюля Кавало, Жакоба Бертэ и Луи Марго.

⁷⁴ Ibid. P. 54.

⁷⁵ См.: Dulamangiu V. Op. cit.

⁷⁶ Anselme A. Op. cit. P. 52.

К сожалению, Комитет счел число колонистов недостаточным, и в Шабо были переселены несколько немецких семей. Они получили 1000 десятин земли, самой лучшей по мнению шабовцев, находящейся на юге от колонии. На этой земле, около деревни Акумбет, вновь прибывшие колонисты основали колонию Карлсталь. Впоследствии шабовцам удалось вернуть часть этой земли — ведь она ранее была общественной собственностью колонистов и сдавалась поочередно в аренду семьям Тардана, Кинера, Хайнцельмана.

Но вернуть земли шабовцы смогли только в результате долгих споров с Комитетом. Начиная с апреля 1840 года они регулярно выражали свое несогласие, по их словам, «потерять часть земли, той самой, которую дал Его Величество император Александр I!» При этом, по подсчетам от 16 апреля 1835 года, земли все равно не было достаточно для вновь прибывших колонистов, ведь 120 десятин надо было отдать во владение пастору. Особый интерес представляет следующее письмо от 20 апреля 1840 года: «Мы прекрасно понимаем, что Ваша цель — полностью заселить колонию, но вместо того чтобы расселить вновь прибывших колонистов поблизости от Акумбета, мы настойчиво просим Вас поселить их около нас в Шабо во избежание разногласий. Если Вы их поселите поблизости от Акумбета, они станут владельцами лучших земель, а мы больше не сможем пользоваться колодцами для скота или не сможем избежать ссор с ними, ведь нам каждый раз придется проходить через их участки⁷⁷. Участки, столь пригодные для пастбищ для нашего скота, будут застроены. А если все будет построено, Шабо перестанет быть колонией, в ней никогда не будет места ни для кузнеца, ни для других ремесленников, и от этого всем будет только хуже». Шабовцы

⁷⁷ Архив Общества бессарабских немцев. «Journal de la commune d'Achabag». С. 11.

предложили следующий вариант: образовать одну общую колонию, имеющую общую администрацию, одну церковь, где будет один пастор. Ведь поделить землю по справедливости было очень трудно. Грунт рядом с Шабо песчаный, там не росло ничего, кроме винограда. Кроме того, часть земли — это зыбучие пески, на которых совершенно ничего не могло уродиться. Таким образом, по мнению колонистов, стоило бы отобрать для Шабо виноградники, на тот момент находившиеся в собственности жителей Аккермана.

Шабовцы объясняли и причины, по которым им не удалось набрать достаточное количество колонистов: «Если население нашей колонии не увеличилось, не надо забывать, сколько семей умерли в пути сюда и сколько умерли тут. А если Вы ожидали больших успехов, то вспомните, какие лишения перенесли колонисты, чтобы приехать сюда, ведь они приехали за свои деньги и не получили от царя никаких займов даже в самые трудные года в отличие от других колонистов»⁷⁸. Колонисты просили поселить у них в колонии только 18 семей из Карлсталя, притом самых достойных. Позднее, в 1841 году, им пришлось даже обратиться к адвокату в Одессе, которые составил прошение на имя министра государственных имуществ Киселева. Они обещали адвокату гонорар в 1600 рублей в случае, если им удастся получить 1600 десятин. Письмо заканчивалось фразой: «Можете быть спокойны, швейцарцы всегда выполняют свои обещания»⁷⁹. Впоследствии колонистам удалось получить обратно часть земли.

Несмотря на это, долгое время отношения между старыми и вновь прибывшими колонистами были плохими. В тот год в Шабо переселились семь семей из соседней колонии

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Gander-Wolf H. Op. cit. P. 80.

Александрсгильф, шесть из Гросслибенталя, шесть из Вормса, три из Францфельда, две из Петерсталя, а также две из Одессы и одна из Хеленендорфа.

Приезд пастора Бюниона

К середине 1830-х годов колонисты накопили сумму для строительства церкви. 17 марта 1835 года они уведомили Котовича о том, что собираются закупить камень и заложить церковь⁸⁰. Начало строительства было запланировано на следующий год в заранее отведенном месте.

Часть колонистов сразу же загорелась идеей найти священника, а колонисты Якоб и Луи Гандер, первый помощник мэра, заверили, что на его содержание отложена нужная сумма. Найти священника было самой сложной задачей. Ведь требовалось разыскать человека, который владел как французским, так и немецким языками и который согласился бы на столь дальнее путешествие. В течение всех этих лет в Шабо время от времени проводил службу священник из Гросслибенталя, а иногда пасторы-лютеране из соседних колоний, например, из колонии Арциз. Немецкие пасторы отличались строгостью, так, один колонист получил в 1836 году от священника выговор за то, что присутствовал на службе нерегулярно. Пастор даже пригрозил, что сообщит о таком поведении в Комитет.

Колонисты ожидали, что будущий пастор будет также и учителем для детей. Для швейцарцев из франкоязычных кантонов родной язык всегда оставался сильным фактором самоидентификации. Так, они противились объединению их прихода с приходом соседней немецкой колонии Сарата. Сами родители, с утра до вечера занятые работой, не имели времени на обучение

⁸⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3771.

детей. По воспоминаниям одного путешественника, посетившего колонию в 1830-е годы, дети колонистов не приобретали никакого образования, не умели ни читать, ни писать, а также не получали никакого воспитания в отличие от местных детей, даже детей крепостных, которые обучались при церкви и знали молитвы⁸¹. В 1830 году колонисты наняли в качестве учителя одного из колонистов, Луи Мейо. Мейо было положено жалование в 100 рублей в год, а также 43 килограмма винограда, кров и камыш для отопления. Уроки шли с 9 до 11 утра, а по воскресеньям Мейо должен был разучивать со своими учениками молитвы⁸². После Мейо учителем был выбран Жермен, а затем Жан Бессон. В 1839 году немецкие семьи Хайнцельманн, Юндт, Сингейзен, Вагнер и Альвин обратились в мэрию с просьбой разрешить им нанять учителя немецкого языка, которому они бы сами платили жалованье. Этим учителем стал Фридрих Эманюэль Фреймарк, а после него Ульрих Ротюнер, которому было поручено преподавать и немецкий, и французский⁸³. В соседних немецких колониях уже существовали приходские школы. Так, в колонии Сарата школа открылась уже в 1829 году, и в ней училось 68 детей. В 1844 году там же была открыта средняя школа для мальчиков. И вот в 1843 году в Шабо прибыл пастор Франсуа-Луи Бюнион (1822–1880), которому было суждено стать инициатором многих изменений в жизни Шабо.

Бюнион прибыл в Шабо прямо из Швейцарии. Его приезд в колонию способствовали следующие обстоятельства. После смерти супруга вдова колониста Оливье Декомба известила о смерти мужа его брата, пастора в Бэ (Вех), и попросила

⁸¹ Deloes С.Н.Д. Op. cit. P. 89.

⁸² Архив Общества бессарабских немцев. «Journal de la commune d'Achabag Chaba 1831–1857». С. 79–80; В23. Письмо от 8.11.1832.

⁸³ Ibid. В77, 18.04.1840 В80, от 23.02.1841.

в письме найти священника для колонии. По инициативе брата газета *Feuille religieuse du canton de Vaud* поместила объявление о поиске пастора, «который станет духовным наставником для 40 семей из кантона Во, переселившихся в Шабо, недалеко от Одессы». Условия были следующие: 4500 рублей, из которых 600 — серебром, 24 фута виноградника и 480 футов пахотной земли, которую пастор сможет сдавать в аренду⁸⁴.

Свои первые впечатления от колонии Бюнион изложил в письмах швейцарскому пастору Делозу. Он отмечал приятное местоположение колонии, близость моря, а также Одессы. Он называл Шабо самым романтическим местом не только в Бессарабии, но и во всей Южной России, за исключением Крыма. В Шабо произрастали все злаки, а также лен, картофель, разные овощи и виноград. У колонистов было много скота. Они производили сыр из коровьего и козьего молока и продавали его в Одессе, а вино — в разных городах. Многие колонисты продавали свой виноград, а сами вино не производили.

Интересны приводимые Бюнионом заметки о языках, на которых говорили в Бессарабии. Он насчитал 13 диалектов. Прежде всего, это французский язык и говор кантона Во (патуа): «По-французски говорят в Шабо, а также в каждой семье, его изучают в школе, не только потому, что сейчас так модно, но и потому, что на этом языке были написаны известные литературные произведения и потому что это наэлегантнейший язык». Он отмечал, что в Одессе все магазины имели французские названия, иногда можно было услышать итальянский,

⁸⁴ Anselme A. Op. cit. P. 25. О жизни пастора Бюниона см.: Mayer J.-F. *L'Évêque Bugnion ou les Voyages extraordinaires d'un aventurier ecclésiastique vaudois*. Lausanne: Éditions 24 heures, 1989; Hilberer J.-E. *Le pasteur Bugnion et la colonie de Chabag en Bessarabie // Revue historique vaudoise*. 1914. № 22. P. 181–188.

и почти никогда — немецкий. На местном говоре (патуа) шабовцы говорили между собой, в Шабо, а также вне колонии, когда они не хотели, чтобы другие их понимали⁸⁵. Далее Бюнион упоминал молдавский язык. «На молдавском, — писал он, — говорят во всей провинции, особенно в той ее части, которая граничит с Прутом». Другие языки — греческий, татарский, турецкий, идиш, польский, немецкий, эстонский, болгарский, армянский, а также язык, который он определяет как «хинди или по крайней мере какой-то из монгольских языков, на котором говорят цыгане»⁸⁶.

Из архивных материалов известно, что первая проповедь Бюниона состоялась 24 декабря 1843 года и являлась изложением Послания к коринфянам: «И когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого».

Первые заметки о состоянии школы Бюнион также изложил в письме к Делозу. Трое учеников читали неплохо, один неплохо владел письмом, двое знали несколько правил арифметики, но не имели никакого представления об орфографии, нотах и религии, а также совсем не знали названий школьных предметов. Такие же сведения сохранились в отчете мэрии⁸⁷. Бюнион с энтузиазмом принялся за работу. «Благодарю Всевышнего, который благословил мой труд, и тогда родители моих учеников тоже стали помогать мне и согласились регулярно посылать детей на уроки», — писал он. Дети, видя интерес родителей, тоже стали стараться. Число учеников варьировалось от 40 до 60,

⁸⁵ Bugnion F.-L. *La Bessarabie ancienne et moderne*. Lausanne; Odessa: Neumann, 1846.

⁸⁶ Ibid. С. 60.

⁸⁷ Deloes C.H.D. Op. cit. P. 89.

самому младшему из них было 6 лет, а самому старшему — 16. Летом родители часто не пускали их в школу, потому что дети помогали им в уборке урожая. Полтора года спустя Бюнион записал: «16 учеников научились хорошо читать, 18 — неплохо, остальные пока учатся; 10 уже хорошо пишут, 30 пишут неплохо, 3 хорошо владеют орфографией, 12 — неплохо. 5 выучили арифметику и правила пропорций». Арифметика — самый трудный предмет, отмечал он, потому что ее преподавание было введено с большим опозданием.

Бюнион также столкнулся с новой трудностью — отсутствием катехизиса. Пастор сам составил его, но ему так и не удалось напечатать его из-за трудностей с типографией и проблем с цензурой. Оставался один выход: после дискуссии с немцами-лютеранами Бюнион согласился использовать Бернский катехизис, уже переведенный на французский язык и слывший «самым ясным». Бюнион надеялся таким образом сблизить две группы колонистов, ведь дети не имели общего языка. 7 из 13 были из франкоязычных семей, остальные же говорили по-немецки. Бюнион пользовался любой возможностью, чтобы научить немцев французскому и наоборот⁸⁸. Благодаря его стараниям каждое воскресенье в церкви проходили две службы, одна — по-французски, а другая — по-немецки. Он также организовал семейную службу (*culte de familles*), которую колонисты посещали с особым усердием и во время которой он разъяснял Священное Писание доступными словами. Иногда служба эта представляла собой просто молитву, а остальное время отводилось уроку истории Швейцарии или пению. Бюнион также проводил службы в других городах. Один раз в месяц он служил у колониста Сингейзена, проживавшего в Аккермане, где он организовал часовенку.

⁸⁸ Deloës C.H.D. Op. cit. P. 94–95.

Всех, кто посещал Шабо, удивляло, как это в одной деревне уживались франкоязычные и немецкоязычные колонисты и украинцы, о которых Афанасьев-Чужбинский писал: «...впрочем, они не переняли от колонистов ничего хорошего»⁸⁹. По его описаниям, колонисты читали книги и газеты на французском языке. Слава Бюниона быстро распространилась по округе. Он постоянно получал от помещиков, наслышанных о его успехах, предложения стать воспитателем для их детей. Некоторые даже предлагали большие по тем временам суммы — 4000 франков. Но Бюнион неизменно отвечал отказом⁹⁰.

Бюнион проявил себя как прекрасный организатор. По его инициативе в колонии была основана «касса взаимопомощи», в которую колонисты вносили небольшие суммы, не находившие применения, но вместе составлявшие некоторый капитал. Затем создано было Общество трезвости (*Société de Tempérance*), чтобы противостоять продаже вина, к которому быстро пристрастились рабочие соседней деревни — Посада. Члены его обещали полностью воздерживаться от употребления спиртного, вино дозволялось пить в небольших количествах и только в лечебных целях. Наконец Бюнион начал издавать газету, в которой давал различные практические советы колонистам. Газета эта выходила с 1845 года два раза в месяц. Сам Бюнион отмечал, что колонисты все больше и больше прислушиваются к его советам и стремятся к праведной жизни. Он записал: «Некоторое время назад я торжественно открывал три новых здания. Колонисты, которые имели обыкновение начинать праздник с песен и плясок, попросили меня начать его с молитвы». Делоэс комментировал этот факт так: «Можно было подумать, что люди, так

⁸⁹ Афанасьев-Чужбинский А. С. Поездка в Южную Россию. Т. 2. СПб: 1863.

⁹⁰ Deloës C.H.D. Op. cit. P. 101.

долго прожившие в полном отрыве от церкви, не смогут оценить заслуги нового пастора, его рвение, его призывы к праведной жизни и его преданность делу божьему. Можно было ожидать, что „старые меха не смогут вместить молодое вино“, но их преданность своему пастору растет по мере того, как они больше узнают его, как они сами пишут»⁹¹. Бюнион рассказывал, как был свидетелем одного события. Один бедный человек, будучи приглашенным русскими священниками петь на свадьбе в воскресенье, отказался от предложения и от денег, несмотря на то что ему было не на что жить. В другом письме он писал: «В прошлое воскресенье в 9 утра секретарь мэрии, человек уважаемый, спросил меня: „Нам необходимо рано утром послать важное письмо в Комитет, я сам узнал об этом только что, но ведь сегодня воскресенье, могу ли я это сделать? Если я не пошлю письмо, мы будем виноваты, а если я пошлю его, получится, что в воскресенье я работал, как быть?“ Я ответил ему, как отвечаю обыкновенно: все, что нужно сделать в воскресенье, надо отложить на понедельник»⁹².

Но самое большое достижение пастора — строительство церкви вместо часовни, которая уже не могла вместить всех верующих. Для начала требовалось найти средства на ее постройку. В швейцарских газетах были напечатаны объявления: «Подумайте об этих людях, которые приложили столько усилий, вынесли столько тягот и которые не смогут реализовать свою мечту без вашей помощи. Подумайте, скольких колонистов Шабо вы сделаете счастливыми, если поможете им в постройке церкви. Их молитвы будут услышаны Господом, и он отблагодарит всех, а они благословят вас»⁹³. В Лозанне даже был основан комитет

⁹¹ Deloes C.H.D. Op. cit. P. 101.

⁹² Ibid. P. 117.

⁹³ Ibid. P. 101.

помощи Шабо, и к концу 1844 года ему удалось собрать сумму в 500 франков из 3500 необходимых для строительства. Бюнион уговорил мэра Луи Тардана выделить 40 саженей камня, и каждый из колонистов помогал по мере сил.

Во время строительства произошел спор между колонистами, который отмечен всеми историками Шабо и передавался из поколения в поколение. Те шабовцы, которые придерживались православной веры, а также лютеране, ожидали, что шпиль церкви будет венчать крест, франкоговорящие швейцарцы, напротив, хотели установить петуха. Компромисс был найден: на шпилье церкви были установлены и крест, и петух. Примечательно, что даже шабовцы, оставшиеся в колонии после Второй мировой войны, еще помнили эту скульптуру петуха, ярко раскрашенную и в человеческий рост. И вот настал торжественный день. Лишь один колонист из первых переселенцев дожил до этого дня — Жорж Амеде Тестю, уже семидесятилетний старик. Колонисты заложили в фундамент церкви несколько монет, привезенных из каждого кантона: одну из кантона Во, «ввиду того что большинство колонистов приехали из этого кантона», одну монету кантона Женевы, символ протестантизма, одну монету из кантона Цюрих, «ввиду того что Цюрих — самый главный кантон Швейцарии», одну турецкую, потому что название колонии происходило из турецкого языка, а также выгравированную табличку с фразой: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа, Аминь. В год правления Его Величества Императора Николая Первого, Самодержца Всея Руси, в год 1846 от Рождества Христова, в день Вознесения Господня, Ф.Л. Бюнионом, пастором швейцарской колонии Шабо вблизи Аккермана, был заложен первый камень Храма Троицы. Храм был заложен для христианских служб по канонам реформатской церкви Ефремом Антоновым под руководством

комиссии, состоявшей из колонистов Луи Тардана, Антуана Гандера, Жана-Луи Жатона, Йоханнеса Хенгстеллера, Матиаса Юндта. Церемония состоялась после службы в присутствии всей колонии»⁹⁴.

Постройка была завершена, как будет записано в журнале колонии, «благодаря помощи Всевышнего» в 1847 году. Для окончания строительства не хватало бревен. Шабовцы надеялись приобрести необходимое количество леса в порту Одессы, но ввиду долгого пути каждое бревно обходилось в 70 франков — неподъемная сумма для колонии. Можно было надеяться только на чудо. И оно произошло. После сильного шторма один турецкий корабль, перевозивший лес из Крыма в Конс-тантинополь, потерпел крушение всего в нескольких километрах от Шабо. Бревна выбросило на берег, и шабовцам удалось сторговаться и выкупить их за 12 франков, а бревна оказались несравненно лучше тех, которые они намеревались приобрести в Одессе. Учителя из соседних городов, католики и протестанты, собрали нужную сумму для покупки серебряной чаши для причастия. И вот все было готово в новой церкви: хоры, стол для причастия и купель для крещения детей. В общей сложности на постройку было потрачено 3000 рублей. Церковь могла вместить 800 человек.

Торжественное открытие церкви состоялось в 1847 году. Для колонистов это был воистину торжественный день, праздник после 20 лет лишений и тяжкого труда. 14 мая 1847 года Бюнион получил из Петербурга официальное подтверждение своего назначения на должность пастора. С этого момента колонисты обязывались платить ему жалование в размере 170 рублей годовых, а также обещали содержать в порядке и на свои средства саму церковь и все строения. Пастору пола-

галось определенное количество дров, а также выделялось в пожизненное пользование 120 десятин полей и лугов и 2 десятины виноградника. Священник получал плату за каждый обряд крещения, конфирмации, бракосочетания, а также за отпевание. И он мог по необходимости пользоваться подводой и лошадьми для служения литургии в других колониях.

К сожалению, будучи человеком довольно авантюрного склада, некоторое время спустя Бюнион оказался повинен в противозаконных действиях, и ему пришлось бежать из колонии. Сначала он отправился на Кавказ, затем в Петербург, потом в Одессу и наконец обосновался на острове Реюньон, где даже основал свою церковь и провозгласил себя епископом. В 1872 году он описал в своих воспоминаниях годы, проведенные в Шабо. В самой же колонии после его отъезда место пастора долгое время пустовало. После Бюниона приехал пастор Ландманн, плохо изъяснявшийся по-французски, а после него Жош, который тоже задержался ненадолго. Затем колонисты через церковь обратились к Базельской миссии, и в Шабо был направлен пастор Винкельманн. Винкельманн происходил из кантона Берн и занимал пост учителя в Сент-Имье (то есть владел французским языком). Винкельманн прибыл в Шабо в 1861 году и сразу же расположил к себе колонистов. Винкельманн не только обучал их детей, но и составил труд по сельскому хозяйству и виноделию⁹⁵. Каждый год ученики проходили экзамены, на которых присутствовали все члены мэрии. В «Memento de cabinet» описана сессия 1865 года. В комиссию входили колонисты Жан Бессон, Оливье Декомба, Фритц Сингейзен, главы семейств Луи Форнэ, Франсуа Бессон, Шарль Тардан и Луи Гандер, а также русский школьный инспектор. Шарль Тардан лично просмотрел тетради по чистописанию и арифметике,

⁹⁵ Anselme A. Op. cit. P. 63.

⁹⁴ Gander-Wolf H. Op. cit. P. 190–193.

проверил задачи, а также чтение — ученики читали по-французски, по-немецки и по-русски⁹⁶.

Повествование Делозса о Шабо начиналось следующими словами: «Несмотря на то что колония Шабо насчитывает всего 200 жителей и находится в 700 лье от нас, она заслуживает нашего интереса, она была основана нашими соотечественниками, многие колонисты носят типичные фамилии наших мест, и у многих в жилах течет наша кровь». Швейцарские газеты время от времени рассказывали водуазцам о жизни Шабо. Так, во время Крымской войны водуазцы узнали, что колония тоже пострадала, но колонисты собрали хороший урожай пшеницы и картофеля и заготовили много вина. Интересно замечание о том, что картофель из года в год давал все худший урожай ввиду потепления в регионе климата. Вследствие войны колонистам было все труднее наладить сбыт продукции. Цены на пшеницу упали, вино повысилось в цене в два раза по сравнению с довоенной ценой. В Шабо был расквартирован гарнизон, и колонисты были обязаны обеспечивать солдатам и лошадям кров, пропитание же было за счет казны.

Шабо в 1850–1870-е годы

Все путешественники, посещавшие Шабо в эти годы, были очарованы видом колонии: улицы, усаженные акациями, цветочные клумбы — такое редко где встречалось в провинциальных городках России. Каждый домик имел огромный двор длиной в 180 и шириной в 80 метров, окруженный стеной (стены заменили прорытые некогда рвы для защиты от волков и от воров). Ворота, выходящие на улицу, были увиты плющом. Почти у каждого имелись собственный колодец, печь и пресс для

⁹⁶ Архив кантона Во. RMS296.9–0. “Memento de cabinet”, 1865.

винограда. Обычно двор был поделен на три части. При входе — цветник, за ним дом вдоль улицы, а дальше — хлев и другие постройки. Крыши домов были покрыты камышом, как принято в этой провинции. Женщины заняты рукоделием, вышиванием и шитьем. Колонисты также играли на разных музыкальных инструментах, а их оркестр выступал на всех местных праздниках. Колонисты любили старинную игру, в которую играли еще их предки, — свинку.

Сын Тардана, Шарль (Карл) Тардан, выкупил виноградник недалеко от колонии, в бывшем владении братьев Данц, старых знакомых его отца. Шарль Тардан учился виноделию в Швейцарии, и тут, в Шабо, он смог внедрить новые методы и посадить

Вид улицы в Шабо. Частично сохранившийся забор, надстроенный кирпичом. Фото автора

новые сорта винограда. Местные помещики даже посылали ему в обучение своих сыновей. В 1854 году он опубликовал книгу «Виноградарство и виноделие», которая удостоилась медали. Шарль Тардан лично сажал саженцы, вырывал сорняки и следил за виноградниками. Сам он называл себя «не ученым, а практиком». Книга начинается ставшими знаменитыми словами:

«Двадцать лет, как я оставил Швейцарию, мою родину, и поселился в тебе, благодатный юг благословенной России. И ты принял меня как родного, предложил мне все, чем пользуются твои собственные дети — дети великой и славной земли Русской.

Поверь, что все это я глубоко чувствую и перед целым светом говорю, что нигде я не был так счастлив, как под твоим гостеприимным кровом. Я научил и детей моих чувствовать твои благодеяния, молиться за тебя, за твое благоденствие и уверен, что и они вечно будут преданы тебе, как твои родные дети, и никогда не встретишь в их числе тех неблагодарных, которых ты радушно принимала, кормила, обогатила, — и они так мало ценят доброе. Чем же я могу отблагодарить тебя, вторая, более ценная моя родина? Ничем. <...> Вот несколько опытов по одной отрасли сельской промышленности — первого источника твоего благосостояния; я собирал их несколько лет, и, может быть, в числе их есть такие, которые не всем известны. Осчастливь же меня еще раз — позволь передать их тебе как знак моей глубокой благодарности за все твое доброе, как искреннейшее желание дать что-нибудь на твою пользу».

В книге имеется также атлас сортов винограда, составленный на основе их изучения во время поездок по Франции и Швейцарии. Тардана ценил и сам инспектор сельского хозяйства Южной России Д. Н. Струков. Он восхищался этим человеком, который, имея работников, сам трудился с ними на винограднике, сажал, сеял, а также делал вино. Тардану удавалось производить недорогой виноград прекрасного качества. Вино, изготовленное Тарданом, продавалось в Одессе на Новом рынке, в доме купца Великанова, а также в «Прокопоусе». К 1871 году

Сорта винограда в книге Тардана «Виноградарство и виноделие».

Коллаж Н. Бичуриной

в общей сложности в Шабо производился миллион ведер вина. А игристые вина производства Дони ценились в Петербурге. Афанасьев-Чужбинский писал в 1863 году: «У Тардана есть бочки десятилетних и более вин, которые держатся не для продажи: таким вином не стыдно бы угостить какого угодно знатока и любителя. Крымские вина, по моему мнению, далеко уступают бессарабским, собственно приготавливаемым в Шабо. Тарданы непрерывно улучшают лозы, ездят за границу и не отстают от современного состояния виноделия. Я убежден, что, если бы ближайшие местности знали о шабских винах, они бросили бы

разную мерзость, которую привозят из-за границы под именем вин дешевых и охотно пили бы бессарабское вино, стоящее значительно дешевле... Главными похитителями винограда, против которых колонисты принимают меры, оказываются — кто бы вы думали? — собаки. Животные эти, которых в обыкновенное время, кажется, и немного, к осени, к собиранию винограда собираются целыми толпами и, пользуясь тем, что лозы обрезаны очень низко, пожирают самые лучшие гроздья. Рвы и заборы собакам не помеха, и потому сторожа должны бодрствовать постоянно, и некоторые из них вооружены ружьями и нередко угощают похитителей мелкой дробью. Под вечер вокруг Шабы происходит иногда усиленная канонада»⁹⁷.

Эпоха великих реформ

По подсчетам историков, к 1869 году в Бессарабии обосновалось 263 000 иностранцев. Но после отмены крепостного права, с 1860 по 1900 год, приехало в десять раз больше — 2 638 000, что связано с невиданным экономическим ростом провинции.

С приходом к власти Александра II для Шабо, как и для других колоний, началась новая эпоха. Попечительный Комитет был упразднен. Ансельм отмечал, что Шабо — одна из немногих бессарабских колоний, никогда не получавшая от властей помощи. Колонисты мужественно переносили все тяготы жизни: засушливые года и заморозки, а также град, губивший виноградник⁹⁸. Кроме того, в журнале коммуны написано также о нашествии кузнечиков и море скота. «Мы привыкли терпеливо выносить все и не отчаиваться»⁹⁹, — писали колонисты. После упразднения Комитета колония была подчинена законам импе-

рии. Так, ранее в самой колонии могли селиться только колонисты, и человек, не имеющий к колонии отношения, не мог владеть землей в колонии или должен был получить официальное разрешение на это от мэрии. И вот с начала 1860-х годов в Шабо начали селиться люди отовсюду, покупать участки в степи, виноградники и дома. Таким образом, Шабо мало чем отличалось от соседних городов России. При Александре III в колонии была создана должность земского начальника.

Реформы затронули также школу. Было введено обязательное преподавание русского языка. Надо отметить, что шабовцы и сами выражали желание ввести уроки русского для своих детей. Известно, что колонисты посылали своих детей на учебу в разные города Российской империи. Историк Ансельм писал, что русификация колонии проходила довольно спокойно. К 1870 году русский язык вытеснил французский и в переписке колонии с местными властями. Но французский по-прежнему преподавался в школе. Для поиска нового учителя шабовцы обратились в Швейцарию, и 30 июля 1879 года в *Journal des unions chrétiennes* было опубликовано следующее объявление: «Требуется преподаватель-евангелист для колонии Шабо, расположенной в нескольких лье от Одессы. В этой колонии, которая насчитывает 80 семей, давно нету пастора, потому что пастор из Одессы приезжает два раза в год. С точки зрения материальной место не очень доходное, но каждый, заботящийся о спасении душ, не откажется. Жизнь там не дорогая. Пастор должен будет давать 30 часов французского языка в неделю 130 ученикам, а также два урока религии. Он будет служить службу каждое воскресенье, а также вести занятия в воскресной школе и уроки пения. Он будет крестить и отпевать, а также содержать журнал прихода». Благодаря этому объявлению в Шабо прибыл Жорж Жиро, о котором будет рассказано ниже.

⁹⁷ Афанасьев-Чужбинский А. С. Указ. соч. С. 436–437.

⁹⁸ Архив кантона Во. RMS296.9–0. «Memento de cabinet», 1864.

⁹⁹ Anselme A. Op. cit. P. 64.

Жизнь в Шабо в «старые добрые времена»

Андре Ансельм, историк колонии, в процессе подготовки книги, приуроченной к ее столетию, опросил старых колонистов о жизни при царской власти¹⁰⁰. Многие из них хорошо помнили те времена. Все сходились во мнении, что в ту пору жизнь текла размеренно, без особых потрясений. Как же жила колония?

При царе, писал Ансельм, дома обязательно должны были быть большими и просторными. В каждом из них большое пространство было отведено под погреб для съестных запасов. Пища была довольно однообразной, но стоила намного дешевле. Однако и доходы были меньше. Освещались дома при помощи масляных ламп, реже — восковыми свечами. Интересны способы лечения болезней. Вне зависимости от болезни больному давали или слабительное, или вызывали рвоту, а также предписывали строгую диету. В ходу были также микстуры, настойки и отвары из трав. Многие пили их для очищения организма весной. Кроме того, было распространено лечение пиявками.

Женщины и прислуга проводили длинные зимние вечера за рукоделием. Девушки вышивали, пожилые вязали носки. Для письма использовались гусиные перья. Колонисты одевались очень просто, мода очень изменилась с тех пор. Женщины носили простые платья, а также юбки со множеством складок, белые чулки, кожаные ботинки без каблука. Но колонистки любили носить и красивые разноцветные платки, согласно местному обычаю¹⁰¹.

Еще одно нововведение резко изменило жизнь шабовцев: военная реформа. В 1871 году рекрутство было заменено на всеобщую воинскую повинность. Таким образом, швейцар-

¹⁰⁰ Anselme A. Op. cit. P. 65.

¹⁰¹ Ibid. P. 6.

Шабо в начале XX века. Открытка. Архив семьи Кристен-Лоран

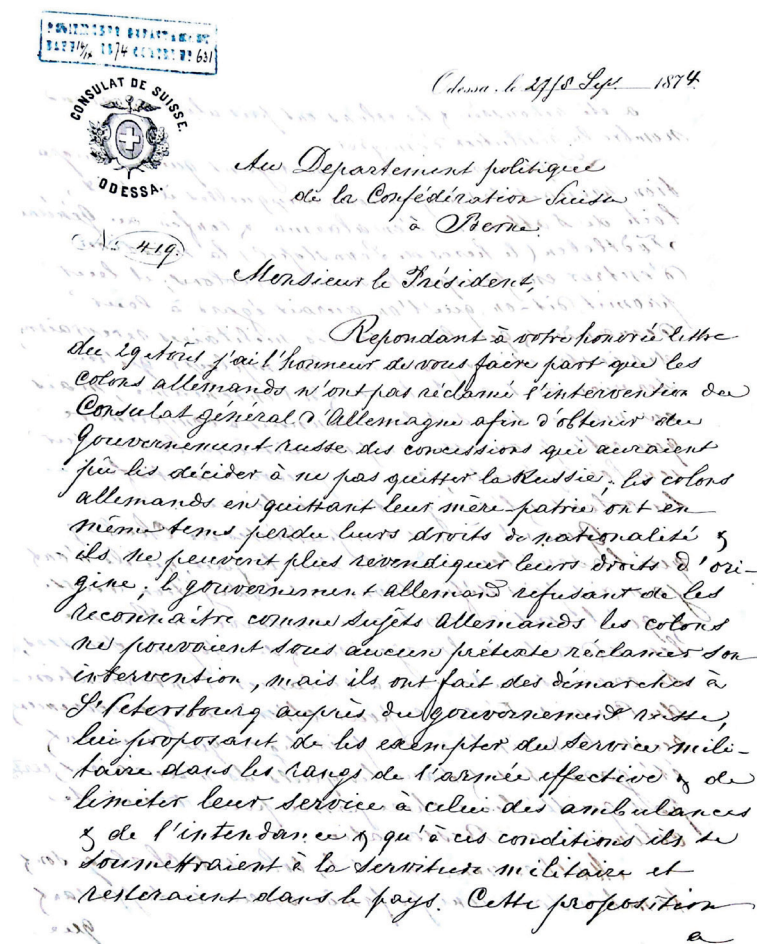
цы из Шабо тоже должны были служить в армии. Некоторые из них, чтобы избежать службы, даже думали уехать за границу — в Швейцарию, а то и в Америку. Но как покинуть процветающую колонию, где жили их предки? Колонисты обратились в Государственный Совет через посредство Консульства Швейцарии в Одессе. Они просили обратиться к российскому правительству и к Совету кантона Во. Швейцарские власти запросили точные сведения об условиях, на которых колонисты эмигрировали из Швейцарии, и, в частности, уточняли, не утратили ли они свое подданство. Консульство в Одессе обратилось за сведениями к другим консульствам, ведь в таком же положении оказались и другие иностранные подданные, поселившиеся на территории Российской империи, среди которых были в первую очередь немцы-меннониты. От Консульства Германии был

получен следующий ответ: немецкие колонисты утратили немецкое гражданство. Но немцам удалось договориться с Тотлебенем, губернатором Бессарабии и Новороссии, об исключении, утвержденном 23 мая 1874 года. Тем, кому религиозные убеждения не разрешали служить, было дозволено служить только в качестве пожарных, санитаров и т. д.

В августе 1874 года консул Швейцарии в Одессе писал: «Я надеюсь, что российское правительство согласится сделать исключение для швейцарских колонистов Шабо ввиду их небольшого количества и особенно ввиду услуг, которые колонисты оказали империи, введя культуру виноделия. Ведь благодаря их примеру местное население тоже стало заниматься виноградарством, и на данный момент бессарабские вина, некогда низкого качества, теперь ценятся очень высоко не только в Одессе, но и во всей России. Колонисты также выписали из Швейцарии прессы для вина, что лишний раз доказывает тот факт, что они постоянно беспокоятся о его качестве. Наши соотечественники сохранили язык, религию и обычаи своей родины, у многих из них там остались родственники, и они до сих пор отправляют туда детей на обучение»¹⁰².

Винкельманн излагал в своем письме консулу самые важные для шабовцев вопросы: «Колонисты желают сохранить швейцарское подданство, но не желают уезжать из России, потому что они любят Шабо. Разрешат ли им это?» Дело в том, что, не будучи российскими подданными, шабовцы не были обязаны служить в армии. Шабовцы были много наслышаны о тяжелой доле русских солдат. 28 сентября 1874 года Консульство Швейцарии в Одессе ответило Департаменту полиции в Берне:

¹⁰² Государственный архив Берна, E2#1000/44#160 «Verwendung bei der Russischen Regierung für die Schweizerkolonie 'Helvetia' Chabag, Bessarabien, betr. Befreiung von der Wehrpflicht», 1874–1875.

Переписка между Консульством Швейцарии в Одессе
и Политическим департаментом в Берне.

© Государственный архив Берна

«Наши соотечественники из Шабо, которые основывают свои права на том, что они не стали русскими подданными и сохранили гражданские права (*droits de bourgeoisie*), полагают, что могут просить вмешательства Государственного Совета с целью получить от русского правительства обещания сохранить привилегии, которые им были гарантированы в момент их поселения в России, ведь в противном случае они бы не решились приехать». Но, как следует из письма, колонисты глубоко заблуждались, полагая, что в архивах кантона Во хранится некий документ, в котором записаны данные им привилегии. Как писал консул, их ждало разочарование. В этом документе не содержалось указаний на особые привилегии, выданные исключительно колонистам Шабо. В нем были только общие положения. Консул заверял, что «российское правительство считает колонистов Шабо российскими подданными ввиду того, что, согласно пункту 114 на стр. 25, они приняли российское подданство, но в то же время сохранили и швейцарское, вследствие чего они и просят содействия Федерального совета»¹⁰³. Консула возмутили и претензии Винкельманна. «Неужели тот воображает, — писал консул, — что они смогут продать свои виноградники? Ведь в пункте 159 на стр. 34 четко прописано, что земля была дана не в личное пользование, а в пользование коммуны. В случае отъезда государство в праве передать ее в собственность новых колонистов или же русских крестьян». Консул видел единственное верное решение: не настаивать на особых правах колонистов, а

¹⁰³ Государственный архив Берна, E2#1000/44#160 «Verwendung bei der Russischen Regierung für die Schweizerkolonie 'Helvetia' Chabag, Bessarabien, betr. Befreiung von der Wehrpflicht», 1874–1875.

просить в виде исключения разрешить выкупить им небольшой участок земли, принадлежащий государству, и восстановить швейцарскую национальность без обязанности покидать Россию. В феврале 1875 года был получен ответ от Федерального совета: «С огорчением уведомляем Вас, что в результате детального рассмотрения Вашего запроса мы приняли решение, что не сможем защищать права шабовцев, поскольку они стали русскими подданными, приняв присягу императору»¹⁰⁴. Первые колонисты происходили из кантона Во. Но, согласно Гражданскому кодексу кантона Во, граждане кантона утрачивают свое подданство, если принимают присягу на верность другому правительству, но имеют возможность восстановить свои права в случае запроса в течение первых шести лет. Таким образом, если колонисты Шабо больше не являются швейцарскими подданными, Швейцария не имеет возможности защищать их интересы. Но, «поскольку судьба шабовцев заслуживает симпатии», Государственный Совет разрешил им восстановиться в правах в случае их отказа от российского подданства. Императорским указом от 1 января 1874 года были временно освобождены от воинской повинности иностранцы и их сыновья, родившиеся до их переезда в Россию, принявшие подданство в 1861 году, а также греки, русины, проживающие на территории Королевства Польского, и меннониты. Колонистам, достигшим призывного возраста, было дозволено покинуть Россию, если они выразят на это желание в срок до 13 сентября года их призыва. Судьба шабовцев известна по заметке 1892 года, опубликованной в газете *Conteur Vaudois*: «Наши соотечественники теперь считаются российскими подданными и вынуждены служить в армии». Один колонист, потомок Якоба Гандера, Жак Гандер, предпочел покинуть колонию со всей своей семьей — пятью или шестью

¹⁰⁴ Там же.

сыновьями, чтобы избежать службы в армии, и переселился в Австралию¹⁰⁵.

На начало 1900 года Шабо слыло успешной колонией. Колония удостоилась визита барона Викентия Раабена и князя Урусова, описавшего свою поездку в «*Записках губернатора*»¹⁰⁶. Мэр Шабо Гюстав Марго провел для него экскурсию на французском языке. Урусов записал:

«Недалеко от города Аккермана находится знаменитое своими виноградниками село Шабо, населенное швейцарцами. Шабо имеет обычное русское сельско-волостное устройство, причем село по своей обширности составляет одновременно и волость. Когда я подъехал к волостному правлению, меня на крыльце встретил одетый в черный сюртук господин, оказавшийся волостным старшиной. Я с удивлением приглядывался к новому для меня типу старшины, говорившего по-французски и немецки так же бегло, как и по-русски.

Зала заседаний волостного правления оказалась под стать старшине; в ней, кроме правильно расположенных скамей для членов схода, имелась кафедра для оратора, председательский стол с креслом и бюро для волостного писаря. На стенах висели планы села и приписанной к селу земли, представляющие собой образец умелого распределения участков по разрядам земли, по качеству и ценности почвы и по удобству землепользования.

Шабскому сходу не нужно было, как нашим крестьянам, постоянно бродить в полном составе по полям и лугам с сажеными палками в руках, отмеряя части каждого домохозяина. Здесь можно было, не выходя из здания волостного правления, по плану определить номер каждого владельца, произвести переделы и выделы и разрешить любую землеустроительную задачу, не выходя на „местоположение“, как говорят наши крестьяне.

¹⁰⁵ Une colonie suisse en Bessarabie // Conteur Vaudois. № 30. 23.01.1892. P. 3.

¹⁰⁶ Урусов С. Д. Записки губернатора. Кишинев, 1903–1904. URL: http://www.belousenko.com/books/urusov/urusov_zapiski_gub.htm#11.

Осмотрели мы и школы, между прочим, французско-немецкую, в которой дети швейцарских выходцев обязательно изучали один из двух языков, бывший когда-то для них родным».

Последующие годы, 1880-е и 1890-е, были самыми благодатными для жизни колонии. Шабо разрасталось. В 1892 году группа колонистов основала дочернюю колонию на Днестре, названную Основой, а некоторое время спустя, еще одну — Новое Шабо¹⁰⁷. Туда переселись потомки семей Тевна, Дони и Тардана. Основа насчитывала 40 домов, из которых 20 были швейцарские. В Основе тоже выращивали виноград, кукурузу, пшеницу и картофель, разводили скот.

В рубрике «Хроники виноградарства» в одной лозаннской газете от 1893 года была опубликована весьма интересная заметка «Виноградники на песках»¹⁰⁸. Путешественник, вернувшийся из Основы, рассказывал о том, как в России виноградники вырастают даже на зыбучих песках: «Колонист Жатон был виноградарем в колонии Шабо. Он был очень предприимчивым человеком. Во время одной из поездок по провинции он посетил деревню Каховка, находящуюся в степи, на берегу Днестра, на территории Крыма. Он был поражен схожестью этих мест с югом Франции, где так успешно разводился виноградник, и решил попробовать выращивать там виноград. К нему присоединились несколько мужественных шабовцев. Они тут же выкупили у хозяина земли, „пораженного свалившейся на него удаче“, участок земли на берегу реки по цене 30 рублей (80 франков) за десятину (1,10 га). Сегодня они владеют 100 десятинами виноградника, и там живут 10 семей». Примечательно, что земля в окрестностях тут же возросла в цене. Пример Основы увлек многих

¹⁰⁷ Etterlin J. Russlandschweizer und das Ende ihrer Wirksamkeit. Nebst Beiträgen von Ernst Thalmann und Fritz Bach 2, 1938, verm. Aufl. Zürich. S. 36.

¹⁰⁸ Chronique viticole // Gazette de Lausanne. 19.12.1893.

желающих. Рядом выросли дочерние колонии Ключевое, Луговое, Новые Судаки и Веселое. Филолог В. Ф. Шишмарев, посетивший их в 1928 году, познакомился с потомками семей Эшлер, Швенглер и Цвики. Он писал: «От Каховки до Нового Шабо виноградники протянулись сплошной полосой на 120 километров. К 1924 году виноградники занимали 3841 десятину». Сам регион стал «Украинской Шампанью», писал Шишмарев¹⁰⁹. По сведениям ученого, не все колонисты Основы порвали с Шабо; некоторые из них ограничились приобретением земли и приехали на Днепр только на время работ. Так, среди архивных бумаг семьи Бюксель хранятся планы их участков как в Шабо, так и в дочерних колониях. Многие под впечатлением неудач продали свои участки и вернулись в Шабо окончательно.

Позднее по примеру Основы организовался ряд поселков несколько выше ее по течению Днепра. Ключевое, расположенное в трех километрах от Основы, образовалось в 1891 году из группы, собранной в Одессе садоводом и виноградарем Вустером (Wuster); в состав ее входили одесские жители, родственники и знакомые Вустера, а также жители соседних с Одессой колоний. Группа Ключевого приобрела 500 десятин песков, как и из Основы, на самом берегу Днепра. Вся она, однако, скоро разбрелась, перепродав свои участки новым колонистам, которые оказались энергичнее и удачливее. Французов среди них не было; только одна семья швейцарских немцев; остальные — немцы, украинские колонисты. Осенью 1929 года в Ключевом насчитывалось всего 14 хозяев.

Луговое было основано в начале 90-х годов XIX века потомками семьи Бюксель. Осенью 1929 года в Луговом оставалось всего четверо хозяев, принадлежавших к этой фамилии. Новый Судак (или Новые Судаки) — самое молодое швейцарское посе-

¹⁰⁹ Шишмарев В. Ф. Указ. соч. С. 141.

ление, образовалось также в 90-х годах прошлого века. Франкоязычных швейцарцев здесь не было; немецкие швейцарцы явились сюда из Шабо и происходили из кантона Базель.

Новое Шабо¹¹⁰ (Шаба), лежащее ниже Херсона, образовалось около того же времени на земле, принадлежавшей некогда графу Грохольскому. Представителем французского элемента являлась здесь семья Фурне.

Веселое — между Малой и Большой Каховкой — более поздние колонии. В числе хуторян имелось только две швейцарские семьи — Декомба и Цвикки.

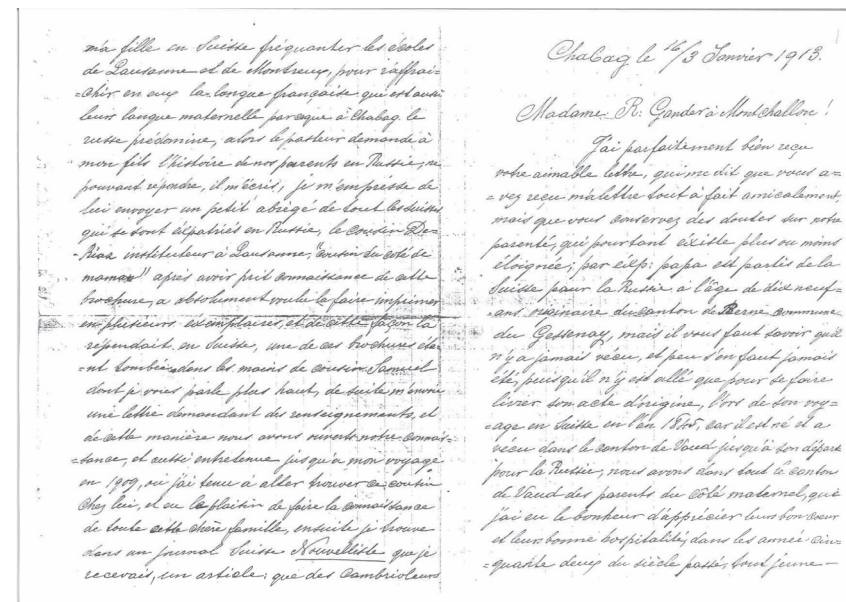
Пример и успех Основы увлек в начале 90-х годов прошлого века целый ряд жителей селений бывшего Днепровского уезда. Виноградарством, как мы уже видели, стали заниматься Британы, а затем зыбучие пески в Казачьих Лагерьях, Алешках, Голой Пристани, Больших Копанях, Кардашинке, Збуревском покрылись не одной сотней десятин виноградников. В Херсонском уезде примеру Основы последовали колонии Клестендорф, Мюльгаузендорф, Старошведская и Токаревка; в Николаевском районе — Новый Данциг, Нейкарльсруе, Эфенгарь. Крестьяне и помещики вошли во вкус новой культуры. От Каховки до Нового Шабо, по левому берегу Днепра, виноградники тянулись сплошной полосой на 120 километров. С 1902 года и до начала Первой мировой войны земство приняло ряд мер по рационализации виноградарства и виноделия в отмеченных районах.

Благодаря удивительному стечению обстоятельств и лично-му знакомству с потомками колонистов до нас дошли письма

¹¹⁰ Топоним Новое Шабо, писал Шишмарев, возник как противопоставление топониму Старое Шабо, точнее, Старая Шаба — бывшее казенное селение, которое было переведено в разряд посада города Аккермана (Шабский посад).

шабовца Луи Гандера¹¹¹. Письма датированы периодом с 1913 по 1915 год и адресованы родственникам в Швейцарии. В то время письмо шло месяц и десять дней. Гандер описал свой типичный день. С раннего утра он давал указания работникам, в шесть часов завтракал с супругой, а затем запрягал лошадь, объезжал хозяйство и наблюдал, как идут работы. Только по воскресеньям он мог позволить себе поспать подольше: служба в церкви начиналась в половине одиннадцатого. В одном из писем он в красках описывал празднование в Шабо православной Пасхи 1913 года: «Все прихожане собираются в церкви, где читается Евангелие. Но мало кто остается внутри, большинство прогуливается по двору со свечой в руках, разговаривают между собой. В полночь чтение Евангелия закончено, и тогда священник провозглашает: „Христос воскрес!“, и все отвечают: „Воистину воскрес!“ А потом поп благословляет провизию — индеек, уток, свиней, и можете себе представить, с каким аппетитом все они поглощают».

Семья Гандеров жила хорошо, сам он имел возможность навещать своих родственников в Швейцарии. Ему особенно нравилось то, что «в России мы живем более широко, страна большая, степь простирается до горизонта». Луи Гандер писал: «Я думаю, что, если бы земля не была круглой, мы могли бы отсюда любоваться вашими горами, но проблема в том, что дороги в десять раз шире ваших, но по ним невозможно проехать. Иногда приходится забросить старую дорогу и проторить новую рядом». В другом письме он писал: «В Швейцарии есть один обычай, совершенно тут не известный: предупреждать о своем визите за несколько дней. Тут у нас люди имеют обыкновение

Письмо Луи Гандера родственникам в Швейцарию.

© Архив семьи Гандер-Хеллер

заходить в гости, когда заблагорассудится, и чем больше хозяйева удивлены, тем веселее. Я думаю, что это объясняется необыкновенной гостеприимностью здешних жителей. Если вам негде переночевать, вы можете постучать в любой дом или хибару, и везде вас примут как дорогого гостя».

В письме от 3/16 мая 1914 года Гандер также восторженно отзывался о местных жителях: «Малороссы очень гостеприимны, гостеприимство у них в душе». Он также рассказал следующий случай. Однажды он с друзьями поехал закупить сено за 50 километров от Шабо. Но по пути обратно на 6 подводах в 15 километрах от дома их настигла снежная буря. Снег валил,

¹¹¹ Подробнее о письмах см. в статье Н. Бичуриной, автора находки: Bichurina N. En attendant la Fête des Vignerons: les lettres de Chabag // La Route du Tchai. 2019. № 2. P. 26–28.

ничего не было видно, они боялись заблудиться и полностью отчаялись. А заблудиться в степи означает верную смерть. Но вот, на их счастье, они заметили вдалеке огни — несколько домов, и вот перед ними маленькая деревенька. Шабовцы спросили у первого встречного старичка, где они находятся. Старичок тут же пригласил их переждать бурю у себя дома. Гандер писал: «Кто ни разу не испытывал такое отчаяние, не может представить себе, что значило для нас это приглашение». Шабовцы провели в домике целых три дня. «Эти люди, — писал Гандер, — отдадут вам последнее, они тут же забьют курицу или утку, а то и молодого поросенка, только чтобы вас накормить». И вот буря прошла, можно было ехать. На вопрос Гандера, сколько они должны за такой прием, старичок от всего отказался. Некоторое время спустя шабовцы прислали старичку сто литров вина¹¹².

В письме от февраля 1914 года он описал свадебную церемонию по случаю бракосочетания своей дочери Ольги. Церемония была очень простой в отличие от принятых у местных жителей. Тут были приняты разные излишества, совершенно непонятные для швейцарцев.

Как писал один швейцарский журналист, «колонисты были очень привязаны к старому укладу жизни при царе. Губернаторы всегда относились к ним благосклонно, жизнь была не всегда беспечная, но они жили достаточно зажиточно, всегда хорошо ладили с властями, им нравилось и наличие железной дороги, и близость к Одессе. И старая добрая „святая Русь“ имела для них свое очарование, и часто, когда звучали русские песни, у них на глаза наворачивались слезы»¹¹³.

¹¹² Архив семьи Гандер-Хеллер. Письма Луи Гандера от 26/13 июня 1913 года.

¹¹³ Les Suisses de Chabag // Gazette de Lausanne. 06.12.1925. P. 1.

Но колонисты не забывали и своих соотечественников. В Одессе с 1845 года существовало Общество взаимопомощи, в которое входили и многие шабовцы. Общество помогало швейцарцам, которые в пути на новое место жительства в Вену или Российскую империю — Варшаву, Ригу, Петербург, Тифлис или Москву — зачастую оказывались без средств к существованию. Известно, что их число заметно выросло после 1862 года, когда многие уехавшие в Америку разочаровались в жизни за океаном. В отчетах о швейцарцах, которым общество смогло помочь, встречаются упоминания о сыроваре из кантона Ури, кондитере из Вилдхау-за, воспитательнице, а также о булочнике, каменных дел мастере, мяснике, художнике, машинисте из Люцерна, кузнеце, мастере по дереву, мраморных дел мастере из Тичино, мельнике из Солотурна, сомелье из Тургау, гувернере из Женевы, литографе из Санкт-Галлена, швее из Лугано. В отчетах записаны и фамилии шабовцев, внесших пожертвования: в 1865 году упоминается шабовец Шарль Тардан, в 1873 году — Анри Тардан, в 1874 году — Огюст Тардан. В 1885 году шабовцы организовали благотворительный праздник в честь общества и дали в дар три бочки вина от семей Тардан, Мьевиль, Бергэ, Хайнцельманн, Бюксель, Форнэ, Гандер, Тапи, Тевна, Марго, Жатон, Бессон, Дони и Лоран.

Взаимоотношения колонистов с соседями

Как путешественниками, так и историками было замечено, что швейцарцы жили отдельно от местного населения. Один журналист писал: «Поодаль расположены дома русских, окруженные глиняными заборами. Они ведут хозяйство отдельно от ввиду больших различий в нравах»¹¹⁴. Шишмарев

¹¹⁴ Une colonie suisse en Bessarabie

писал: «Село Шабо к концу XIX — началу XX в. состояло из трех частей: северная — собственно колония, средняя — зажиточная часть местного населения, южная часть — сравнительно недавние поселения бедноты. Именно отсюда колонисты рекрутировали рабочую силу для обработки виноградников: часто это были дети или подростки, которые работали за ничтожное вознаграждение и получали вместо обеда стакан вина с хлебом»¹¹⁵.

Уже со второй половины XIX века Шабо перестало быть чисто швейцарской колонией. В колонию переселились немцы из соседних колоний. Тем не менее в школе преподавался французский язык, прежде всего благодаря настояниям родителей. Сами дети по-разному относились к этим занятиям, многое зависело от того, на каком языке они говорили дома. К тому времени нередкими стали смешанные браки между швейцарцами и местным населением, в частности, с русскими. Интересно, что Ансельм упрекал соседей колонистов в том, что от них последние переняли только плохое. «Привычное для русских настроение — то самое любимое словечко „ничего“ (ничего страшного, оставим как есть) — быстро вошло в швейцарские привычки. Смещение кровей только испортило швейцарцев»¹¹⁶, — писал румынский исследователь В. Дуламанжу.

В другой заметке, опубликованной за несколько месяцев до начала Первой мировой войны в газете *Conteur Vaudois*, приводилось следующее описание колонии: «Колония небольшая, всего 80 домов. Но она красивая, расположена в живописном месте, дома тут красивые и удобные, крыши покрыты железом или черепицей, но чаще всего камышом. Камыш — самый любимый материал для кровли и самый практичный. Зимой он лучше сохраняет тепло, а зимой — прохладу. Улицы колонии

¹¹⁵ Шишмарев В. Ф. Указ. соч.

¹¹⁶ См.: Dulamangiu V. Op. cit. P. 14.

широкие, красивые и прямые. Раньше по сторонам улиц были рвы, сейчас они были засыпаны. В центре колонии находится живописная церковь, дом учителей, школа и канцелярия мэрии. Ближе к лиману расположены сады, со всех других сторон колония окружена виноградниками. На границе со степью находятся поля, засеянные пшеницей, и пастбища для скота. У каждого колониста 60 десятин земли, а у некоторых еще и 20, 25 и до 30 десятин виноградника».

Другая заметка о Шабо, вышедшая в Швейцарии, была опубликована журналистом Улиссом Рива со слов его дальнего родственника Луи Гандера. «Земля в Шабо очень плодородна, — писал он, — а климат теплее, чем в Швейцарии. Но в то же время зимы намного холоднее, потому что провинция эта подвержена сильным северным ветрам. Дома обычно строятся из глины, поэтому в них чаще всего один этаж, потому что дерево очень дорогое. Колонисты готовят швейцарские блюда и говорят дома по-французски. И даже русские наемные работники иногда знают французский. Колонисты — большие патриоты. Политика их совершенно не интересует. Но они нередко посылают своих детей в учебные учреждения в Швейцарию»¹¹⁷.

Примечательно, что некоторые наемные рабочие из местных говорили иногда и на швейцарском диалекте. В одном из писем от 15 января 1914 года Анри Тардан, эмигрировавший в Австралию, вспоминал такой случай. Однажды Тардан охотился недалеко от Шабо, на болотах, где водились дикие утки и лебеди¹¹⁸: «Стояла жара, я изнемогал от комаров, я то и дело

¹¹⁷ La colonie vaudoise de Chabag // *Conteur Vaudois*. № 52. 28.03.1914,

¹¹⁸ La colonie vaudoise de Chabag // *Conteur Vaudois*. № 51. 19.04.1913. P. 1.

Карта Шабо и окрестностей в 1930 году,
составленная Полем Марго по памяти в 1940 году.

© Архив семьи Гаврилюк-Марго, Лозанна

увязал в трясине и медленно пробивал себе дорогу среди мокрых от росы камышей. И тут я услышал типичную фразу на патуа: „Le Diabe té raôdzai pô na tsaravoûta!“¹¹⁹ Я стал смотреть по сторонам, ожидая встретить шабовца. Какого же было мое удивление, когда я увидел типичного мужика с растрепанными волосами и в засаленном картузе! Мужик этот долго был в услужении одной семьи в Шабо и научился от них не только говору, но и некоторым метким выражениям».

В 1905 году началась война с Японией. Некоторые колонисты, например, колонист Дони, воевали в Японии. И война, и беспорядки 1905 года отразились на жизни колонистов, участились грабежи. XX век принес колонии новые испытания.

¹¹⁹ Le Diable te brûlera, bandit!

Глава 3. Шабо в межвоенный период

Путешественники, которым довелось посетить Шабо до Первой мировой войны, оставили о колонии самые восторженные отзывы. И сами шабовцы на всю жизнь сохранили очень теплые воспоминания о тех «старых добрых временах» при царе.

Первая мировая война не обошла стороной Шабо. Со слов Антони Бюксель, «Шабо процветало, пока не стало румынским». В начале Первой мировой войны была объявлена всеобщая мобилизация, и все рабочие из Посада были призваны в армию. В колонии был установлен строгий пропускной режим. Без пропуска нельзя было ни выехать из колонии, ни поехать на дачу в Бугаз. В эти же годы в результате усиления антинемецких настроений немцы-колонисты массово выезжали из Бессарабии. В 1918 году по Версальскому договору Бессарабия была передана Румынии. Шабо и дочерняя колония Основа оказались по разные стороны границы. Шабо было переименовано в Шабу (Şaba), Аккерман — в Четатеа-Альба (Cetatea-Alba). Изменения затронули также экономику. Колонисты потеряли бо́льшую часть своих сбережений, хранившихся в банках Одессы. Кроме того, практически каждую ночь в Шабо проникали банды грабителей.

Шабо в воспоминаниях колонистов

Шабо той поры навсегда осталось для шабовцев потерянным раем. Вот что рассказали о той поре Родольф Бюксель, Жермена Дони, Поль Марго и Самюэль Бюксель. Трое из них записали

свои воспоминания уже после возвращения в Швейцарию. Родольф Бюксель дал последнее интервью в 2014 году, а Жермена Дони — в 2019-м.

Родольф родился в Шабо в 1908 году, а скончался в 2018 году в США, куда его семья попала после долгих странствий по Латинской Америке. Предок Родольфа — Жак-Франсуа Бюксель — приехал в Россию из городка Романмотье в 1830 году с супругой Габриэль с шестью детьми. Один сын, дед Родольфа, Жан-Луи Бюксель (1825–1887), женился на Кристине Майер из соседней немецкой колонии Глюксталь. Их сын Саломон (1860–1929) и его супруга Матильда Куртц (1856–1954) и были родителями Родольфа. В семье говорили на двух языках, а также по-русски и по-румынски. Родольф — самый младший из десяти детей, у него было шесть сестер и три брата: Берта Элен (1885), Альфред Жорж (1866), Алин, Шарль, Адольф (Толи) Эдмонд, Эмили (Мизза), Люси (1895), Матильда Эрмина (1899) и Эльза: «Я самый младший их всех и живу дольше всех». Один из братьев умер от туберкулеза во время Первой мировой войны. Другой брат — Шарль, или Карл, — утонул в бочке с водой. Родольф рассказал со слов матери следующее. Это случилось осенью, во время сбора винограда. В бочки заливалась вода, чтобы дерево набухло и не пропускало вино. Шарль отлучился всего на несколько минут, перепуганная мать сначала искала его сама, потом его искали все вместе и наконец нашли в бочке с водой. Сестра Родольфа, Алин, впоследствии вышла замуж за Луи Аннена, учителя из Швейцарии, оба они вернулись на родину в 1940 году. Алин дожила до 102 лет.

В 1936 году Родольф женился на шабовке Иде Мьевиль, 1914 года рождения, также швейцарке, дочери Жана Самюэля и Луизы Декомба. Браки между семьями были частым явлением в колонии. В альбоме Жермены Дони (она называла Родольфа

дядей) сохранилась и свадебная фотография молодоженов: жених в строгом костюме и невеста в венке из цветов. Как принято в колонии, после свадьбы молодые переехали жить к родителям

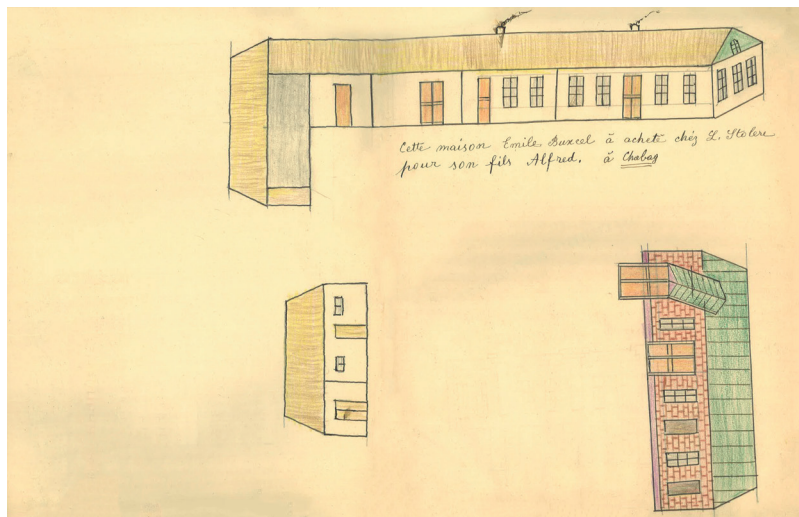

Свадебная фотография Р. Бюкселя.
© Фотоальбом семьи Робатель-Дони

Родольфа. Родольф помнил и наставления, данные его матери жене: «Этот дом всегда был гостеприимным, он всегда должен таким остаться». Бюксели жили богато. Они владели 51 гектаром земли, 130 гектарами пашенных земель, 30 из которых составляло приданое матери Родольфа, Матильды Бюксель. Это был довольно редкий случай, потому что в результате аграрной реформы, проведенной румынскими властями, иностранцам в Бессарабии не позволялось иметь более 100 гектаров земли. Хозяйство было большое и богатое: два хлева, летний и зимний, 18 лошадей, девятиметровые арбы, домашняя птица: куры, гуси, индюки. Индюк — птица довольно своенравная, они забирались на тростниковую крышу сарая и обдирали ее. К Пасхе хозяйка дома имела обыкновение откармливать индюка дикими орехами, в изобилии произраставшими в виноградниках. «У нас было все, — вспоминал Родольф. — Отец часто повторял: „Я не настолько богат, чтобы покупать вещи плохого качества, потому что такие вещи все равно приходится выбрасывать и покупать новые“».

Внутреннее убранство дома свидетельствовало о достатке владельцев. В доме Бюкселей о достатке говорило наличие стульев в стиле Людовика XIV, с выгнутыми ножками, выпиленных из-за границы, фортепьяно, массивных турецких ваз и потолка, расписанного мастерами из Одессы. «Денег было как грязи», — рассказывал сам Родольф. Журналист из Швейцарии Эрнст Цойгин посетил дом семьи Бюкселей в 1930-е годы, особенно ему запомнились картины, изображающие казаков, чучела животных и птиц в книжных шкафах и еще одна интересная деталь — земляной пол и ковры на стенах¹²⁰.

¹²⁰ Zeugin E. Pratteler Auswanderer im Osten Europas; ein Beitrag zur Geschichte des Auslandschweizertums zugleich Berichterstattung an die Bürgergemeinde Pratteln. Pratteln, 1938.

Дом Альфреда Бюкселя в Шабо.

© Архив города Романмотье-Енви, фонд семьи Бюксель

Вся прислуга семьи Бюксель набиралась из соседней русской деревни — Посада. Русские слыли очень работающими. Часто слуги проживали в семье долгие годы и практически становились членами семьи. Родольф помнил одну из них — Маню Толстыгу. Сначала Маня долго была служанкой, а потом мать Родольфа решила ее выдать замуж и подыскала ей жениха. На фотографиях, запечатлевших сцены сбора винограда, мы видим этих работников — русских и украинцев — в типичных картузах и платках на голове. Часто на сбор винограда нанимали поденных рабочих. Говорят, что на сборе винограда в Шабо работал когда-то и Максим Горький. В Посаде на тот момент проживало около семи тысяч человек. Все они говорили на смеси русского и украинского. Родольф сам когда-то говорил на этом языке, а также по-румынски и по-немецки.

Экспозиция музея при Центре культуры вина.
Воссозданный по фотографиям интерьер швейцарского дома.
Фото автора

Жермена Дони, с которой автору книги удалось встретиться в 2019 году, — родственница Родольфа, племянница его жены Иды. Дед Жермены участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов. В 1940 году ей было 7 лет, но она хорошо помнит свои счастливые годы детства в Шабо: «Мы жили очень хорошо. Мой отец был фермером и виноградарем, но мы были зажиточными людьми, конечно, не богатыми, но зажиточными». Шабо было очень большим селом. На одном конце жили немецкие швейцарцы, на другом — французские, а между собой все говорили по-русски, даже во времена румынского господства, рассказала Жермена.

Жермена рассказала такой интересный случай. Ее деду не нравилось, что одна из дочерей встречается с молодыми людьми из Посада, и он отправил ее в пансион для девочек в Швейцарию. И потом, уже после войны, именно она приюти-

Жермена Дони с родителями до войны.

© Фотоальбом семьи Робатель-Дони

Вид на Шабо и на лиман. Рисунок Поля Марго.

© Архив семьи Гаврилюк-Марго, www.chabag-ch

ла у себя в Лозанне своих родственников, вернувшихся из немецкого лагеря. Но в Посаде проживали и зажиточные местные семьи; так, тети Жермены происходили из русских семей, проживавших в Посаде. Хозяйка дома готовила как русскую, так и швейцарскую еду. На Пасху и на другие праздники готовили голубцы, селедку и борщ. Жермена и сейчас готовит эти блюда для своих домашних. Она готовит и форшмак, маринует огурцы и помидоры. Она рассказала, что в ее семье чаще подавали вино, чем водку.

Путешественники, посетившие колонию, описывали и другие угощения, подававшиеся к столу: домашнюю колбасу и сосиски, а также груши особого сорта «Добрая Луиза». На Пасху обыкновенно пекли пасху (кулич), на Рождество готовили кутью, а в обычные дни — вареники, пирожки и, конечно, квас. На Троицу обычно организовывали пикник в степи. Главным блюдом обыкновенно был жаренный на костре ягненок, а также

Свадебная фотография родителей Жермены Дони.

© Фотоальбом семьи Робатель-Дони

шашлык¹²¹. Ели и местные блюда — плацинду и мамалыгу, вспоминает другая шабовка, Эльвира Вольф-Штолер¹²².

Родольфу особенно запомнился крупный розовый виноград сорта Альварна — необыкновенно сладкий, который особо ценился на рынке в Одессе. Им также лечили больных в туберкулезном санатории в Бугазе. Многие имели дачу в Бугазе и сдавали комнаты на берегу лимана, куда из России приезжали на грязевые ванны. Местный врач Г. М. Шнейдер так описывал лечение в 1898 году: «Виноград как лечебное средство с каждым годом приобретает все больше и больше сторонников как среди публики, так и среди врачей. Ежегодно на наши виноградные курорты стекается масса больных со всевозможными болезнями и в короткое, сравнительно, время прекрасно поправляются. Особенно благотворно действует виноградное лечение как укрепляющее средство после лечения минеральными водами, ваннами, грязями и т. д. Одесса, привлекающая ежегодно своими лиманами тысячи больных, направляет их затем на виноградные курорты, из которых ближайший — Шабо»¹²³.

В 1920-е годы в колонии производилось 4 миллиона литров вина. Вот как один шабовец описал сбор винограда: «Когда в конце сентября все двory заполнены бочками, отовсюду раздаются удары молотка, скрип виноградных прессов, звучат русские и украинские песни, а в воздухе витает аромат молодого вина, Шабо превращается в храм Вакха, а работники — в фавнов».

¹²¹ Annen L. Des compatriotes malheureux. Les colons vaudois de Chabag // La Revue. 4, 10, 15 июня 1940.

¹²² Архив Общества бессарабских немцев. Воспоминания Эльвиры Вольф-Штолер.

¹²³ Юсыч М. Odessa incognita: Шабо — рай на земле. 2014. URL: <https://www.048.ua/news/598878/odessa-incognita-sabo-raj-na-zemle>.

Жизнь в Шабо в 1930-е годы.

© Архив семьи Кристен-Лоран, Корсо

По воскресеньям семьи собирались в тени акаций, мужчины играли в лапту (свинку) — типичную швейцарскую игру. На фотографиях из семейного альбома Марго женщины одеты в длинные белые платья по моде того времени. Местный учитель Луи Аннен, женившийся на сестре Родольфа, также вспоминал именно о периоде сбора винограда. Он рассказал о поездках на дачу в Бугаз. На фотографиях — шабовцы, чаще женщины с детьми, загорают на песке. Обычно там проводили все лето, пока мужчины следили за работами в ожидании сбора винограда. На берегу моря вырастали, как грибы, летние дачи — из бревен, из тростника, палатки, шалаши и летние кухни¹²⁴.

¹²⁴ Anselme A. Op. cit. P. 82–83.

Жизнь в Шабо в 1930-е годы.

© Архив семьи Кристен-Лоран, Корсо

В Шабо существовал хор, организованный по инициативе учителя Винкельманна. Во время поездки в Швейцарию Самюэлю Бюкселю было поручено закупить в Цюрихе партитуры народных швейцарских песен. Новый учитель — Жорж Жиро — возглавил хор в 1897 году, просуществовал он вплоть до 1914 года: «Мы решили, что не хорошо петь песни во время войны». После войны этот хор пел также и народные песни¹²⁵. Существовал также и театральный клуб, а пьесы ставились на разных языках — французском, немецком, русском и румынском, иногда на нескольких языках в один день.

¹²⁵ Архив кантона Во. P 1000/348, «Journal», Samuel Buxcel. С. 46–47.

Шабовцы на пляже в Бугазе

Жизнь в Шабо в 1930-е годы.

© Архив семьи Кристен-Лоран, Корсо

Жизнь в Шабо в 1930-е годы.

© Архив семьи Робатель-Дони

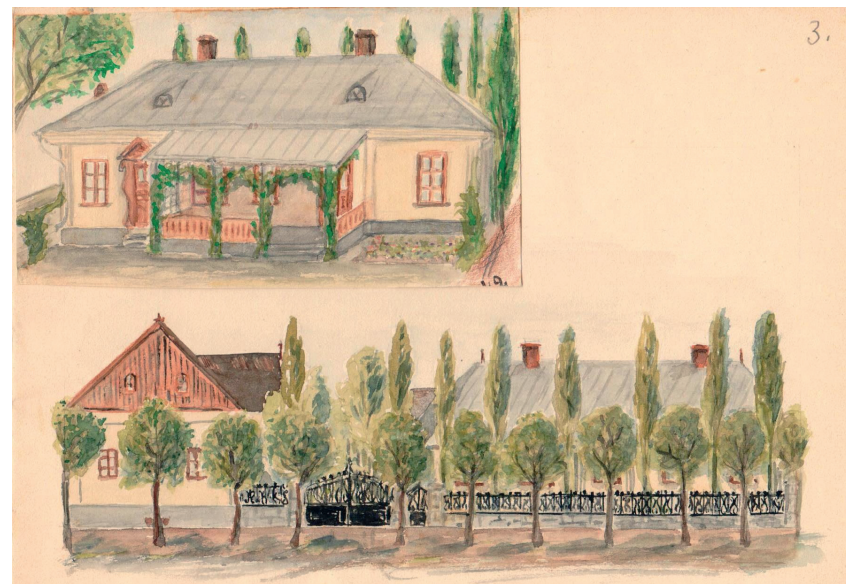
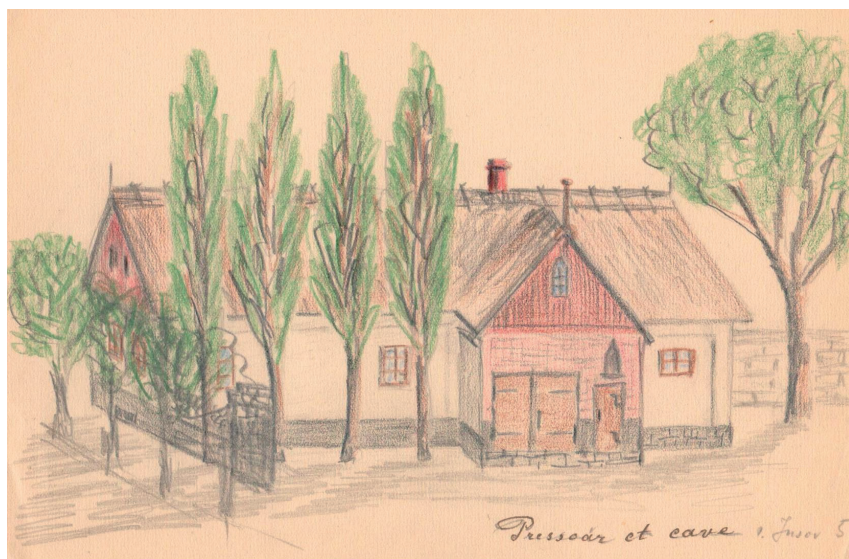
Швейцарское поселение в малорусской степи

Шабо очень отличалась от расположенных по соседству русских и украинских деревень. Вот как описывал свое первое впечатление от колонии Эрнст Цойгин, швейцарский журналист. Цойгин отправился в Шабо на поезде через всю Бессарабию. Все было для него новым в этой отдаленной провинции: поезд заполнили толпы молдавских крестьян и цыган, спящих прямо на полу вагона. В Шабо Цойгина встретили как дорогого гостя. Ему провели подробнейшую экскурсию по полям, засеянным пшеницей, кукурузой, овсом и ячменем. Вот что особо отметил Цойгин в своем репортаже. Земля Шабо давала обильный уро-

жай — почти везде был чернозем. Местные жители использовали для отопления коровий навоз, ветви виноградника, солому и камыш¹²⁶. Огромной проблемой была постоянная нехватка питьевой воды, ее приходилось добывать из колодцев глубиной от 6 до 30 метров. Для переноски воды использовались ведра, таким образом, зимой добыча воды была делом сложным. Но иногда выдавались и дождливые годы, и тогда страдал урожай. Летом обыкновенно стояла жара, а зимой температура опускалась до 15 и 20 градусов ниже нуля. На некоторых фотографиях видны сугробы снега высотой по пояс.

Цойгин отмечал, что Шабо в то же время и мало похоже на соседние немецкие колонии. Дома в них обыкновенно были расположены вдоль единственной улицы. В Шабо же на территории 45 гектаров было разбито пять улиц, параллельных друг другу, вдоль лимана и три — перпендикулярно к ним. В центре колонии были расположены церковь, школа и мэрия. Улицы носили следующие названия: Швейцарская, Почтовая, Церковная, а пересекающие улицы — Виноградарей, Новая, Инзова, Лагарповская и Четатеа-Альба. Все дома и хозяйственные постройки были очень просторными. Улицы имели ширину 30 метров, вдоль них стояли дома за заборами из белой глины. Всего в колонии насчитывалось 144 дома. Перед домами разбивали цветники, иногда вход увивал плющ или виноград. Цойгину навсегда запомнился аромат акаций, которыми были усажены улицы. По улице Четатеа-Альба располагались богатые виллы. В конце ее находилась живописная православная церковь. На Лагарповской, в центре колонии, размещались церковь и другие приходские строения. Рядом была и средняя школа, а за ней — приходская немецкая и французская. Эти две церкви визуально разделяли колонию

¹²⁶ Zeugin E. Op. cit. P. 52.

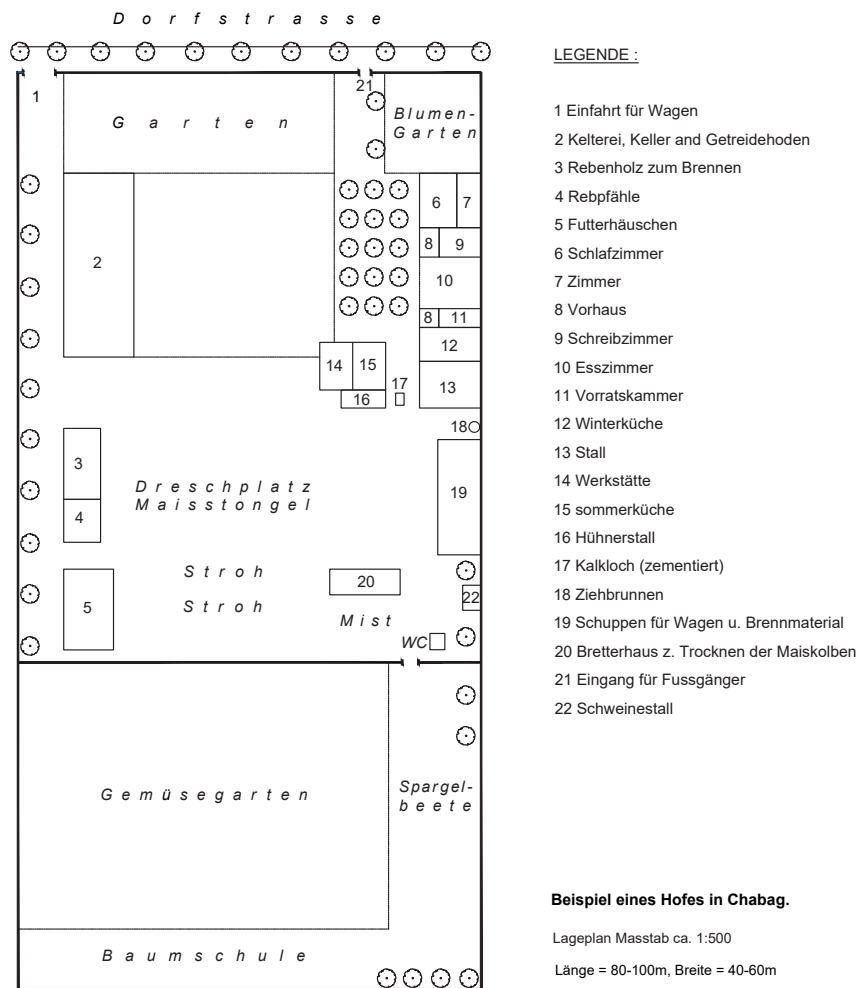

Дома швейцарцев в Шабо. Рисунки Поля Марго.

© Архив семьи Гаврилюк-Марго, Лозанна

на две части. На границе между ними находились почта, аптека, несколько лавок, а также кооперативный магазин, которым управлял Эдмонд Гандер. Рядом с ним было только что построенное здание Винсоюза. Во время поездки в Шабо автору удалось увидеть разрушенную церковь и дома.

Все дома были не похожи друг на друга, каждый владелец строил свой дом, руководствуясь собственным вкусом. Ансельм отмечал, что самые первые дома были чаще всего небольшими по площади и состояли из нескольких маленьких и плохо освещенных комнаток. Крыши их были покрыты тростником. Новые дома были выше и просторнее, в них чаще всего насчитывалось шесть или восемь комнат. Чаще всего для постройки

План типичного швейцарского дома в Шабо.

Рисунок Э. Цойгина, 1938 год.

(Zeugin E. Pratteler Auswanderer im Osten Europas; ein Beitrag zur Geschichte des Auslandschweizertums zugleich Berichterstattung an die Bürgergemeinde Pratteln. Pratteln, 1938)

использовались глина и камень, иногда кирпич. Дворы в Шабо казались менее просторными, чем в немецких аграрных колониях. Часто дворы имели общий забор, то есть дома были огорожены со всех сторон, что не встречалось в других колониях. Винные погреба около каждого дома напоминали о главном занятии ее жителей. Цойгин также описал дома, в которых он успел побывать, — как правило, одноэтажные, просторные, построенные из соломы, глины или кирпича. Крыши были покрыты тростником или черепицей. Дворы также были просторные — от 30–40 и до 80 метров, и иногда в одном дворе располагались два дома.

В архиве семьи Марго сохранились акварельные рисунки прадеда, шабовца Поля Марго, который уехал из Шабо в 1940 году и нарисовал дома по памяти. В 1947 году Поль Марго также оставил воспоминания о последних днях жизни в колонии. На одном из рисунков мы видим веранду, столовую, кухню и кладовку. Справа от входа расположены комнаты.

На одном из рисунков семьи Сингейzenов изображен план дома на три семьи. В центре — дом винодела Вальдемара Сингейzen-Штолера: летняя кухня, пристроенная к дому, конюшня, хлев для коров и курятник. Во дворе находились погреб и отдельный погреб для вина. В левой части двора находился дом Оскара Сингейzen-Вагнера, состоявший из трех комнат, кухни, погреба и летней кухни, а справа — дом Густава Сингейzen-Отта, виноградаря по профессии, винный пресс и хлев.

Поездка Шарля Госа

Другой швейцарский журналист, Шарль Гос, написал несколько репортажей о поездке в Шабо: «Эта небольшая колония представляет собой историческую достопримечательность, которую надо всеми силами стараться сохранить. Все путешественники, которым довелось ее посетить хотя бы однажды,

оставляли о ней восторженные отзывы»¹²⁷. Обратимся к описаниям Госа, для которого эта поездка навсегда стала одним из самых трогательных воспоминаний. «Шабо и правда находится, как говорят, у черта на куличиках, в самом глухом краю Бессарабии», — писал он. Дорога до колонии заняла у него 14 часов, восемь из которых — по бескрайней степи, по старой железной дороге. В 12 часов ночи поезд отошел от Галаца: «Я чувствовал себя героем повести Чехова, встречающим рассвет в степи. Бесконечная бледная равнина, редкие деревеньки, отдельные избы, кукурузные поля, стада баранов. И вот мы уже практически на берегу моря, конечная станция — Четатеа-Альба». На перроне Госа уже ждали трое швейцарцев из Шабо — Луи Тевна, Жорж Жиро и Огюст Эмери. Все трое были закутаны в шубы и шапки. И вот уже гость закутан в длинную шубу, усажен в телегу, и все отправились в путь по бескрайней степи: «Вот как произошло мое первое знакомство с Шабо. Я был взволнован. Пронизывающий ветер дул порывами. Меня закутали в шубу весом не менее 50 кг. Мы сели в открытый экипаж и пустились в путь. Всего десяток километров отделяли нас от Шабо, и по дороге мне рассказали историю колонии. Я слушал. Спустя десяток километров показались крыши и шпиль церкви, словно какой-нибудь швейцарской деревни — Эшаллен или Шезо. „Шабо“, — произнес кто-то из моих новых знакомых. На противоположном берегу лимана — советская граница, из Шабо лишь видно несколько изб и здание колхоза».

Гос расположился в доме Жюля Тевна. В гостиной с низким потолком уже шумел самовар, шабовцы заходили по очереди знакомиться с дорогим гостем из Швейцарии. Что же больше всего поразило Госа? Колония, писал он, была поделена на три

¹²⁷ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag», март 1938 (б/даты).

части — русскую, немецкую и швейцарскую. Дома колонистов очень напоминали русские избы. У каждого домика были свой двор, огород, хозяйственные постройки, погреба и даже копильня — Госу, как дорогому гостю, показали всю колонию. Ему даже продемонстрировали самых любимых коров, произошедших от завезенных первыми колонистами. Гос писал: «Повсюду я чувствовал себя как дома». Вечером его уже ждал ужин в его честь.

Интересен также рассказ Цойгина об охоте. В окрестностях Шабо, особенно в зарослях камыша в лимане, водилась в большом количестве дичь — дикие утки, гуси и цапли. По воспоминаниям Ансельма, там встречались даже пеликаны. Для охоты на зайцев, лис, куропаток и перепелов устраивали многодневную охоту. Цойгин рассказал, что охотники имели обыкновение

Поездка на охоту. В ногах у шабовца бочонок вина.

© Фотоальбом семьи Робатель-Дони

выезжать рано утром на лошадях или в коляске, проезжать через поля, через степь и жить по нескольку дней во времянок¹²⁸. На одной из фотографий охоты запечатлены Эмиль Бюксель, Вальтер де Бург (атташе при Швейцарской миссии в Бухаресте) и Стратан, местный префект. В тот день они подстрелили 100 зайцев!¹²⁹

Другим любимым хобби шабовцев была рыбная ловля. В соседних деревнях, где были соленые озера, местные жители разводили рыбу. А еще можно было рыбачить на море. В соленых озерах около Бугаза ловили кефаль, и в мае организовывался большой «Праздник кефали» (Kefalschmaus). На другой фотографии шабовцы изображены за поеданием ухи.

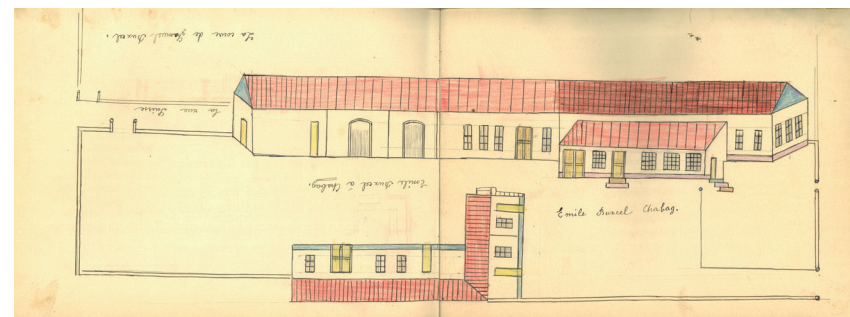
Согласно архивным материалам, в Шабо проживали люди совершенно разных профессий, а именно: три инженера, а также три кузнеца, два бочара, три плотника, один жестянщик, один сантехник, еще несколько семей разводили шелковичных червей. Имелась также и больница в Посаде и, кроме того, санаторий на берегу моря, в котором проходили лечение туберкулезные больные и работали один хирург, две акушерки, один зубной врач. Имелась и аптека, открывшаяся в 1936 году. Были также две модистки для женщин и портниха для мужчин. В 1892 году было открыто почтовое отделение. Лавки и магазины находились в Аккермане, но в 1908–1909 годах в Шабо тоже были открыты небольшой кооперативный магазин и лавка. Были также банк Banca Populara, переименованный в Banca Alpina, два ликерных завода, одна кирпичная и черепичная фабрика, мельница с дизельным мотором, ветряная мельница и конюшня. В урожайные годы колония производила около 4 миллионов литров вина. Все оборудование для виноделия закупалось в Швейца-

¹²⁸ Zeugin E. Op. cit. P. 52.

¹²⁹ Chabag // Feuille d'avis de Lausanne. 17.01.1931. P. 2.

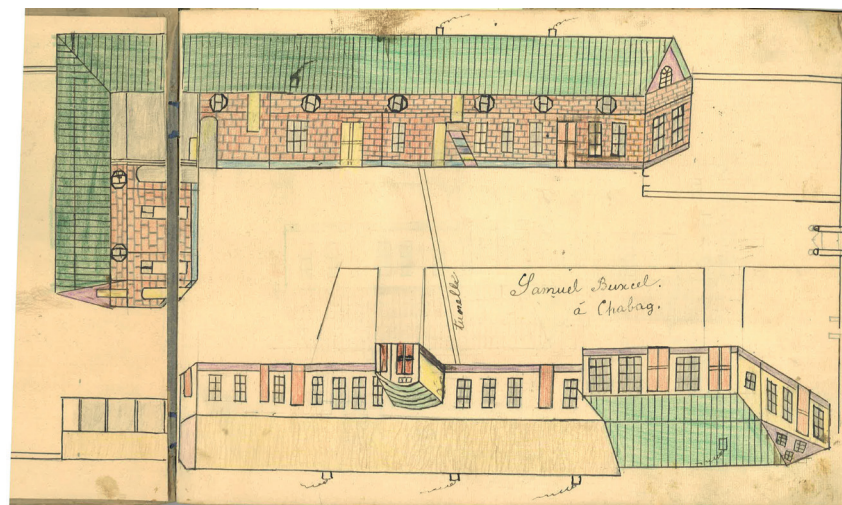
рии. Шабовцы содержали также коров, но только для собственных нужд.

«Чего нам только не хватало в Шабо! — писал впоследствии Самюэль Бюксель в своем дневнике по приезду в Швейцарию

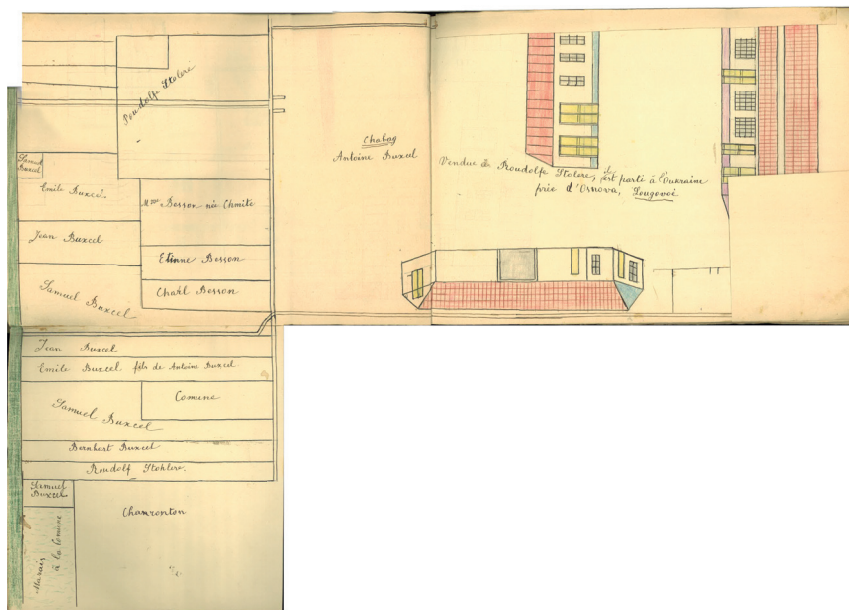
Дом Эмиля Бюкселя в Шабо.

© Архив города Романмотье-Енви

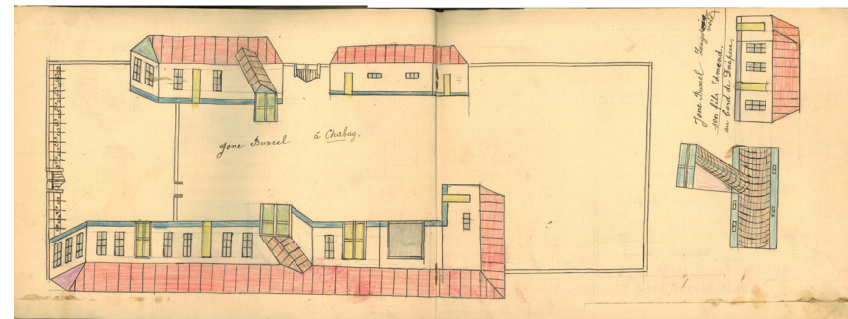
Дом Самюэля Бюкселя в Шабо.

© Архив города Романмотье-Енви

Дом Антуана Бюкселя в Шабо и наделы семьи Бюксель.

© Архив города Романмотье-Енви

Дом Джона (Жоне) Бюкселя в Шабо.

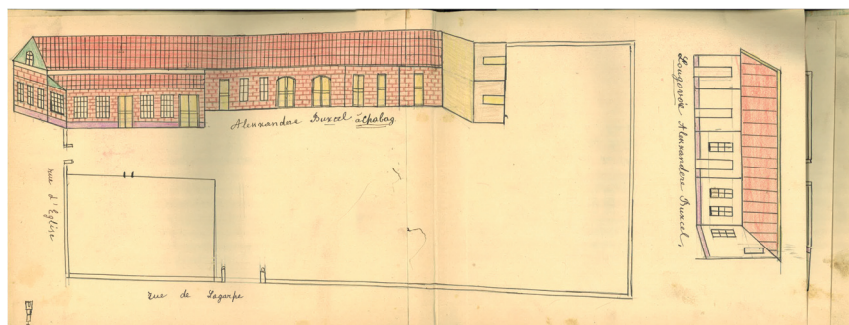
© Архив города Романмотье-Енви

в 1947 году. — Нам не надо забывать, что мы могли вспомнить о Швейцарии раньше, но нам жилось так хорошо, что мы никогда не вспоминали о ней. А сейчас уже слишком поздно. Мы должны быть благодарны за все, что у нас есть!»¹³⁰

По официальным сведениям, на 1936 год в Шабо проживало 126 семей, 70 из которых были из кантона Во — 400 человек — и 27 из немецких кантонов — 250 человек. Один швейцарский журналист писал: «Колония насчитывает около 1000 жителей. Многие из швейцарских семей утратили связь с родиной. Некоторые породнились с румынами, с немцами и русскими»¹³¹. Но, по мнению журналиста Госа, все шабовцы чувствовали себя прежде всего швейцарцами. Присоединение Бессарабии к Румынии способствовало усилению взаимосвязей с франкоязычной культурой и с родиной. Этому во многом способствовали министр Швейцарии в Румынии де Салис, консул Швейцарии Биланд, а также Новое швейцарское общество в Бухаресте.

¹³⁰ Chabag // Feuille d'avis de Lausanne. 17.01.1931. P. 2.

¹³¹ Drei Waadtländer Familien kehren nach hundert Jahren heim // Schweizer illustrierte Zeitung, март 1994. S. 30–32.

Дом Александра Бюкселя в Шабо.

© Архив города Романмотье-Енви

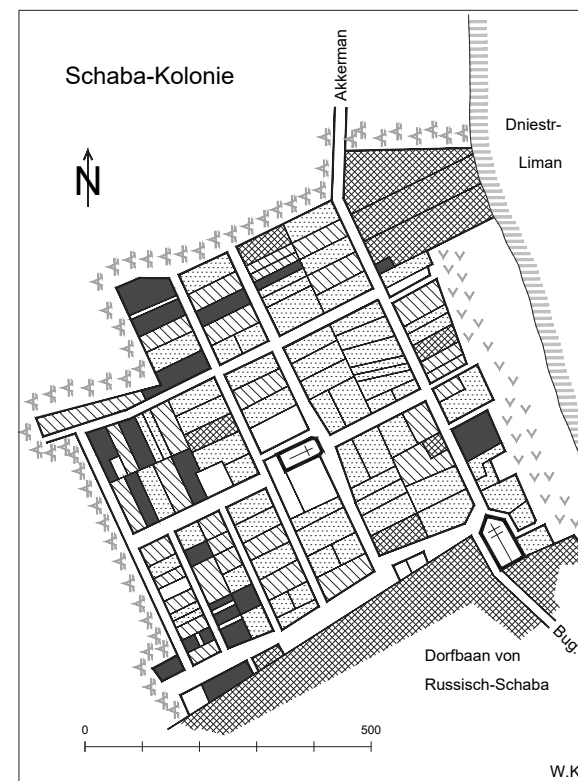
В 1930 году Биланд подарил колонистам старинный арбалет времен Вильгельма Телля, хранящийся в музее при колонии. В школе также висела карта Швейцарии.

Восторженное впечатление о колонии составил и Вернер Кюндиг, посетивший Шабо в 1932 году¹³². Президент прихода Жорж Жиро произнес в его честь приветственное слово на немецко-швейцарском диалекте. Представьте себе удивление гостя, который никак не ожидал услышать свой диалект так далеко от родины. Все другие, отметил Кюндиг, говорили на диалекте, смешанном со швабским, ведь в соседних колониях проживали жители из Швабии. Кюндиг вспоминал, что Жиро показывал ему изображения Берна, повторяя при этом: «Вы знаете, я так хочу вернуться в Швейцарию и там умереть».

Жорж Жиро — школьный учитель, а впоследствии консульский агент — одна из знаковых фигур в истории Шабо. Вот что писал Жиро в своей автобиографии: «Я родился в Шампо, в районе Мутье (Mouthier), 7 июня 1872 года. Я окончил начальную школу в Берне, а потом лицей в Поррентрюи, где получил диплом учителя. Тамшний директор разыскивал учителя, который был владел и немецким, и французским. И поскольку я один говорил на двух языках, это место предложили мне. Я очень хотел уехать за границу, и я согласился. Ах, лучше бы я отказался тогда!»

Журналист Шарль Гос описал свои впечатления от посещения музея колонии, архива и библиотеки, которые находились в здании школы. На стене висел швейцарский флаг, каждый год на 1 августа флаг поднимали в честь праздника. Среди

¹³² Künzig J. Zürichtal und Schaba — zwei Bauerndörfer im Schwarzmeergebiet // Syntagma Friburgense: historische Studien Hermann Aubin zum 70. Geburtstag dargebracht. Lindau: J. Thorbecke, 1956. S. 87.

Höfe 1940 im Besitz von ursprünglich

- westschweizerischen Familien
- deutschschweizerischen Familien
- reichsdeutschen Familien
- vorwiegend kleinrussischen Familien
- Gemeinde und Staatsbesitz

План колонии Шабо, предположительно рисунок В. Кюндига (Zeugin E. Das Ende einer schweizerischen Kolonisation im Osten Europas. 2. Teil der „Pratteler Auswanderer im Osten Europas“. Prattelen: Max Muff, 1970)

экспонатов музея были статуя Вильгельма Телля, гравюры, изображающие пейзажи Швейцарии, портреты майора Давеля, генерала Дюфура. В библиотеке имелись книги и самого Госа. Их приобрел и привез сюда один шабовец, служивший в армии в Швейцарии. На карте Швейцарии флажками были помечены города, откуда приехали колонисты, рядом висели старинные швейцарские ходики, а также письма первых переселенцев и гербы кантонов.

Шабовцы рассказали журналисту, с каким нетерпением они ждут швейцарские газеты и почту из Швейцарии. Газеты передавали от семьи к семье, а затем в библиотеку, где архивариус бережно складывал номера в архив. Были запланированы торжественный вечер и рассказ Госа о Швейцарии. По такому случаю зал был специально украшен: на стенах висели швейцарский флаг, гербы кантонов и гирлянды. Все шабовцы, стар и млад, внимательно слушали гостя. «Ни в одной из моих поездок, от Америки до Гавайев, я никогда не испытывал такого чувства общности, как тут, среди этих швейцарцев, хранящих верность своей родине, которую многие из них никогда не видели своими глазами», — записал Гос. Гос зачитал также приветствие от имени Мотты, федерального советника, с которым увиделся незадолго до отъезда. Мотта сказал: «Передайте швейцарцам от меня мой личный привет и привет от Швейцарии». Гос также отметил два момента этого вечера. Ему запомнилось, что во время показа слайдов с видами Швейцарии одна мать говорила своему ребенку: «Смотри, это твоя родина». А вечером все собравшиеся стоя хором пели швейцарскую песню «Roulez tambours»¹³³. Интересно отметить, что каждый год, в течение четырех лет, шабовцы отправляли Госу открытку за подписью всех колонистов.

¹³³ Künzig J. Op. cit.

В столетний юбилей колонии, в 1922 году, историк колонии Андре Ансельм писал: «Шабо может по праву гордиться тем, что она является одной из самых богатых и процветающих бессарабских колоний»¹³⁴. Румынизация сначала мало затронула жизнь колонии. Изменены были лишь названия улиц. По выражению В. Ф. Шишмарева, румынская эпоха была эпохой «лингвистической реакции», то есть возрождения французского языка. Ученый посетил колонию в конце 1920-х годов и изучил историю колонии и особый говор, на котором говорили колонисты. Ансельм писал: «Родной язык все больше и больше забывается. Сегодня многие колонисты знают его очень плохо и в разговоре часто переходят с французского или немецкого на русский»¹³⁵. В 1928 году Шишмарев писал:

«Приднепровские выходцы из Шабо, оставшиеся более или менее в прежних культурных условиях, продолжали идти тем путем, на котором их застала мировая война. Не только диалект забыт окончательно, но и французский книжный язык как орудие обращения сохранился лишь в ничтожном меньшинстве семей; впрочем, и в этих семьях к нему прибегают только представители старшего поколения. Люди среднего возраста, от 30–45 лет, говорят обычно по-русски, но в той или иной мере знают, хотя уже не все, по-французски; дети их и не говорят на этом языке, и в огромном большинстве случаев даже не понимают его. Вытесненное из семьи знание французского языка среднее поколение имело еще возможность пополнить в местной школе, отчасти путем частных уроков. Младшее же поколение руководства в этом отношении почти не имело; а преподавание в школе велось на русском языке, и дети, естественно, говорили между собой постоянно по-русски. Только там, где французский язык еще не умер в семье, они сохраняют некоторое знакомство с ним; но такие случаи, по моим наблюдениям, были редкими исключениями.

¹³⁴ Anselme A. Op. cit. P. 76.

¹³⁵ Ibid.

Французской общественной библиотеки в приднепровских колониях не существует и не существовало. В частных библиотеках русские книги преобладали; французские мне приходилось встречать довольно редко и в незначительном количестве. До 1914 г. их еще приобретали. Со времени же мировой войны почти ничего не приходило на Днепр. Что касается до газет, то колонисты давно уже перешли на советскую прессу».

По инициативе Луи Аннена группа из двенадцати семей, дороживших знанием французского языка, решила создать читательский клуб. Шабовцам разрешено было выписывать французские газеты, а впоследствии «Альянс Франсез» даже открыл отделение в Шабо. Распространению французского языка в колонии способствовали также и Консульство Швейцарии в Галаце и Миссия в Бухаресте¹³⁶. Один шабовец писал своим родственникам: «Каждый день, когда приезжает почтальон, мы интересуемся, будут ли сегодня Gazettes. Мы получаем их не так часто. Ведь все газеты из-за границы подвергаются обязательной цензуре, а работники почты завалены работой, и поэтому часто нам приходится долго ждать. А иногда мы сразу получаем целую пачку газет, притом не свежих»¹³⁷.

Полина Марго, Луиза Тевна и Антония Бюксель основали «Женский комитет», при котором устроили уроки французского языка для детей. Немецкоязычные колонисты организовали уроки немецкого. В течение нескольких лет в школе были немецкий и французский классы. Многие колонисты также отправляли детей учиться в Швейцарию¹³⁸. В 1930 году Жорж Жиро добился от Швейцарской организации помощи молоде-

¹³⁶ Anselme A. Op. cit. P. 77.

¹³⁷ Chez les Suisses de Chabag (Bessarabie) // Gazette de Lausanne. 13.03.1939.

¹³⁸ Архив семьи Гандер-Хеллер. Письма Луи Гандера. 1913 год.

жи суммы в 600 франков на школу. При школе был также создан театр, в котором ставились пьесы на русском, немецком, французском и румынском языках.

За год до войны, в 1939 году, Шабо посетил румынский филолог Василе Дуламанжу. Он оставил интереснейшие записи о говоре, на котором говорили колонисты перед войной, и о его отличиях от литературного французского языка. Французский язык, на котором говорили колонисты, испытал сильное влияние русского языка. Так, например, шабовцы ставили прилагательное перед существительным, как в русском языке, например, во фразе: «Poste ça au grenier à une prorge place». По-русски эта фраза звучала бы следующим образом: «Отнеси на чердак на чистое место». Вот еще один пример: «Donnez-moi le noir habit, au lieu de habit noir». Или еще: «Quelles pommes de terre il faut prendre, les nôtres ou les achetées?» Это предложение так похоже по своей структуре на русскую фразу. Француз сказал бы так: «Faut-il prendre nos pommes de terre, ou celles que nous avons achetées?» Дуламанжу выявил также много заимствований из местных языков. Так, вместо «aubergine» говорили «tomate bleue». Широко употреблялись слова «дядя» («мужчина», «господин») и «тетя». И даже клички домашних животных, скорее, были русские: например, Жучка. Лошадей звали Маша, Маруся. Названия блюд тоже были русскими, например, уха. «Этот язык похож на какой-нибудь французский диалект», — заключал автор.

Столетняя годовщина Шабо

По случаю столетия колонии 10 и 12 ноября 1922 года был организован большой праздник, на который был приглашен консул Швейцарии в Бухаресте де Салис. В архивах сохранился

рассказ консула о празднике¹³⁹. Путь до Шабо занял у него в общей сложности 18 часов. На многих участках железнодорожные пути были полностью разрушены во время войны. Поезд отправился от Галаца в 10 часов утра и прибыл в Четатеа-Альба в 3 часа дня. На перроне консула с супругой встречали Луи Аннен и Альфред Бюксель, а в Шабо их принимали в доме Эмиля Бюкселя. Ранним утром 10 ноября залп из 100 орудий ознаменовал начало праздника, колокольный звон созвал колонистов на службу. Церковь была богато украшена хризантемами. По случаю праздника из Кишинева приехал пастор Гускевич. Сначала он рассказал историю колонии. Затем другой пастор из соседней немецкой колонии произнес проповедь, а хор запел немецкую песню «Das ist der Tag des Herr». Из церкви процессия направилась на кладбище, где прошла служба в память об основателях колонии. Хор пел по-немецки и по-французски песни «Rufst du mein Vaterland» и «Écoutons le bon vieux temps».

В час дня колонисты, гости и представители румынской администрации собрались на банкет в зале при церкви. Звучали тосты на французском, русском, румынском. В девять часов все пришедшие — 5 или 6 тысяч человек — собрались в школе на праздничный концерт. Молодежь танцевала, Жиро дирижировал хором. На второй день был устроен детский праздник. 150 детей собрались в здании прихода с учителями, родителями и друзьями. И наконец на третий день были запланированы две службы — по-немецки и по-французски. Последний ужин состоялся в здании школы. Де Салис написал по возвращении: «Мы попрощались с нашими гостеприимными хозяевами и уехали».

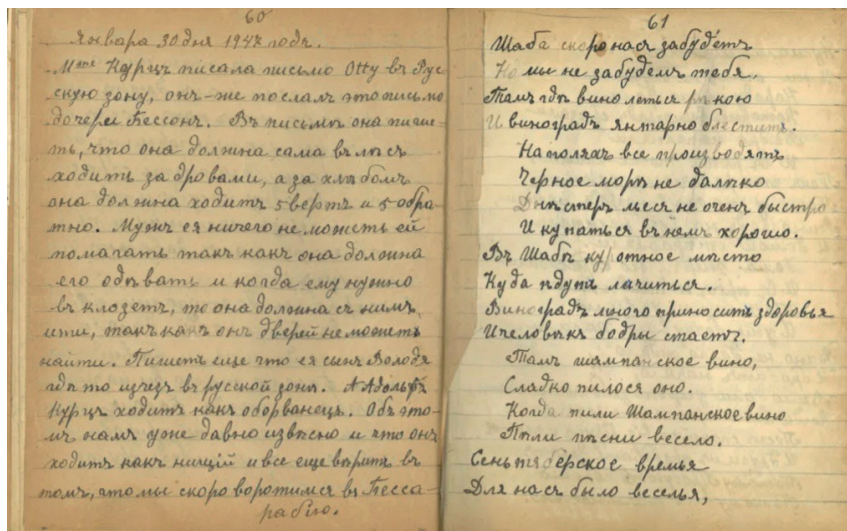
¹³⁹ Архив Общества бессарабских немцев. 19.02.1923, письмо консула Швейцарии в Галаце министру Швейцарии в Бухаресте «Geschichte- und Centenarfeier der Schweizer-kolonie in Chabag zu übermarchen».

Мы не забудем эту маленькую деревню с ее широкими улицами, музыкантов, певцов и всех наших соотечественников». А много лет спустя Самюэль Бюксель написал песню в честь Шабо¹⁴⁰:

Шаба скоро насъ забудеть
 Но мы не забудемъ тебя.
 Тамъ гдѣ вино летѣся рѣкою
 И виноградъ янтарно блестить.
 На поляхъ все производять
 Черное море не далько
 Днестръ льсѣ не очень быстро
 И купаться въ немъ хорошо.
 Въ Шабѣ курортное место
 Куда ѣдутъ лечиться.
 Виноградъ много приноситъ здоровья
 Et la personne devient en bonne santé.
 Тамъ шампанское вино
 Сладко пилося оно.
 Когда пили Шампанское вино
 Пѣли пѣсни весело.
 Сентябрьское время
 Для насъ было веселья.
 Кушали и пили
 И ни очемъ не тужили.
 Народу много брали
 Некоторые виноградъ срѣзали
 Въедро наполняли
 И в рот тоже клали.
 Так что рабочіе не тужили

¹⁴⁰ Архив кантона Во. P 1000/348, «Journal», Samuel Buxcel, Сохранена орфография оригинала.

Потому что они виноградъ любили
 Виноградъ на возъ насыпали
 И домой отправляли.
 Дома энергично сбрасивали
 И въ пресь накладывали
 Пресь еще не давили
 А уже бочку вина налили.
 Вино не долго ждало
 И бродить начало,
 Винодѣли усердно за бочкой следять
 Когда вино перестанетъ роптать.

Дневник Самюэля Бюкселя и первая страница песни о Шабо

Начало упадка колонии

Когда же начался упадок колонии? По свидетельствам историков, огромный урон колонии нанесли Первая мировая война и присоединение Бессарабии к Румынии. Первая мировая война ознаменовала начала экономического краха колонии, за ней последовали экономический кризис и неурожай 1929 года¹⁴¹. Начально присоединение к Румынии было воспринято многими с энтузиазмом. Одна швейцарская газета писала: «Мы от всей души поздравляем колонистов. Шабо будет спасено от большевиков, этого великого бедствия и еще долгие годы будет процветать под защитой румынских властей»¹⁴².

Но вот что писал Цойгин в 1931 году: «Шабо полностью разорено, в колонии не осталось ни одной зажиточной семьи. Колонисты — люди очень работающие, но они лишились возможности сбывать свою продукцию». Ведь Шабо было расположено вдалеке от столицы и всех торговых путей. «Днестр теперь — граница нашего мира»¹⁴³, — говорили сами колонисты.

Вывозить продукцию стало слишком дорого, а вино и злаки произрастали и в других регионах Румынии. Колонистам пришлось экономить на всем, следить за качеством продукции и продумывать новые пути сбыта. К тому же деньги обесценились, и цены на продукцию упали.

Поль Марго описал и разорение виноградников. Некогда процветающее хозяйство стало приходиться в упадок¹⁴⁴. По воспоминаниям Антонию Бюксель, до Первой мировой войны вина

¹⁴¹ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag», «Aperçu historique», март 1938.

¹⁴² Colonie vaudoise en Bessarabie // Journal d'Yverdon. 28.03.1927. P. 5.

¹⁴³ Zeugin E. Op. cit., P. 49.

¹⁴⁴ Архив семьи Марго-Гаврилюк, Paul Margot, «Les Suisses et la culture de la vigne sur les sables mouvants». www.chabag.ch.

190 года.

 изъ Виннаго Склада
 САДОВЛАДѢЛЬЦА-ВИНОДЕЛА
С. И. Бюксель
 ↳ Шабo, Бессарабской губернии. ↳
 Говио

Изд. И. Н. Стефинова—Александр.

№ боч.	Вед.	Ка.	Бут.	ЦѢНА		СУММА	
				Рубл.	Коп.	Рубл.	Коп.

Бланк заказа вина со склада С. Бюкселя.
 Архив Общества бессарабских немцев, Штутгарт

Дегустация вина.
 © Фотоальбом семьи Робатель-Дони

возили на баржах до Одессы, а оттуда в Херсон, Москву и Петербург. После 1918 года можно было пользоваться портами Галац, Браиль и Рени. Но цены на перевозку грузов выросли в несколько раз. В 1929 году заморозок погубил 70% урожая, вспоминал Поль Марго¹⁴⁵. Это было последней каплей. Колония стала приходить в упадок. Сады стояли заброшенными, поля зарастали сорняками. Закрылись таверны. Такое же впечатление составил себе и Шарль Гос при виде заброшенных виноградников и услышал в ответ: «Это были наши виноградники... но у нас нет средств на их восстановление... мы разорены».

Взаимоотношения с румынами

Как складывались отношения колонистов с румынами? Известно, что в 1920 году Шабо посетил король Фердинанд с супругой. Мэр колонии Бессон приготовил в их честь приветственную речь по-французски. Шабовцы приняли этот визит как выражение благосклонности. В 1937 году колонию также посетил новый король — Кароль II, он даже оставил свою подпись на стене погребца Жана Тевны. В то же время из архивных документов следует, что местные власти не всегда были корректными по отношению к колонистам. В первые же дни после присоединения офицеры румынской армии заставили русских рабочих забрать все строительные материалы и свезти их к казарме. Отношения с колонистами также были натянутыми. Самюэль Бюксель рассказал несколько таких случаев: «Вскоре после при-бытия румын один шабовец гнал свое стадо из Будаков в Софиенталь. Навстречу ему идет румын и спрашивает документы и куда тот идет. Шабовец, не понимая ни одного слова по-румынски, объяснил, что он гонит стадо в Шабо. Ру-

¹⁴⁵ Архив семьи Марго-Гаврилюк, Paul Margot, Journal. www.chabag.ch.

мын закричал: „Нарој!“, шабовец ответил: „Я уже напоил“. Румын закричал еще громче: „Нарој!“ Шабовец, решив, что румын плохо его понял, повторил ему это, но румын хлестнул его кнутом. На его счастье, мимо проходили немцы, которые говорили по-молдавски и которые смогли объяснить румыну, в чем дело. Это стало для шабовца хорошим уроком».

Кроме того, многие колонисты претерпели ущерб во время военных действий и требовали репараций. Жорж Жиро пострадал больше всех: его участок были экспроприирован для строительства железной дороги Четатеа-Альба — Одесса. В феврале 1922 года Жиро узнал, что железная дорога будет передана в Министерство путей сообщения, и заручился обещанием, что ему полностью возместят ущерб. В июне того же года собственники вилл в Шабо и Бугазе, пострадавших во время военных действий, собрались в суде в Шабо в присутствии эксперта для оценки ущерба. Шабовцы требовали, чтобы им вернули все стройматериалы. Румыны попытались обвинить воровстве французов из корпуса Бертоло. Но шабовцы были свидетелями того, что виновники грабежей — румынские солдаты. Жиро направил министру Швейцарии в Бухаресте несколько срочных телеграмм с просьбами помочь в разрешении спора. Министр обратился к Ионеско, министру иностранных дел Румынии, и объяснил, что вилла Жиро была ограблена самими румынскими солдатами, поставленными в качестве охраны, ведь никто не мог бы проникнуть внутрь без пропуска¹⁴⁶. И только благодаря энергичным протестам Жиро получил компенсацию.

В 1920 году пришла новая тревожная весть: шабовцам грозит экспроприация земель. Согласно новой румынской

¹⁴⁶ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Письма Жиро от 4 и 11 июня 1921 года.

Здание администрации Шабо в румынский период.

© Архив семьи Кристен-Лоран, Корсо

конституции, иностранцам не разрешалось владеть землями вне черты города. До сей поры румынское правительство оставляло колонию в покое. Но колонисты могли быть поставлены перед сложным выбором: принять румынское гражданство или потерять часть земли. Известно, что именно поэтому в тот момент многие шабовцы приняли румынское подданство и поэтому их дети проходили военную службу в румынской армии.

В 1938 году власти вновь предупредили шабовцев о грядущей экспроприации. Швейцарская миссия в Бухаресте направила запросы в разные инстанции¹⁴⁷. Особенно Жиро насторожил

¹⁴⁷ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Письма от 3 октября и 13 ноября 1938 года.

тот факт, что местные власти запросили свидетельства о собственности всех иностранцев, проживающих в Бугазе и в Шабо-Торге. Он тут же направил телеграмму в Швейцарскую миссию, и министр Швейцарии в Бухаресте направил ноту протеста Арманду Кэлинеску. Ведь экспроприация противоречила тексту конвенции, заключенной между Швейцарией и Румынией¹⁴⁸. Министр напомнил, что некоторое время назад румынские власти пообещали жителям Шабо, что те смогут сохранить за собой право собственности на свои земли. Это же было подтверждено во время визитов в колонию королей Фердинанда I и Кароля II. Безусловно, данное правило уже было прописано в новой конституции, но оно никогда не применялось в отношении колонии Шабо ввиду того, что данный порядок был установлен еще до присоединения Бессарабии к Румынии. К тому же был еще один важный нюанс: в Шабо издавна был установлен особый тип земельной собственности. Вся пахотная земля находилась в ведении администрации колонии и таким образом являлась общественной собственностью, только сады были личной собственностью колонистов. Министр Швейцарии также указывал, что колония Шабо сыграла важную роль в борьбе против большевистского элемента во время революции в России, что за это она получила благодарность от румынских властей и наконец, что колонисты внесли огромный вклад в дело развития и процветания сельского хозяйства и виноградарства в этом некогда заброшенном регионе. Министр предлагал следующее решение вопроса: если бы колония Шабо снова могла считаться городской, это дало бы право колонистам сохранить привилегии. В противном случае возникал ряд вопросов. Смогут ли колонисты сами реализовать земли? Сколько времени будет отведено

¹⁴⁸ Ibid. Письмо из Швейцарской миссии к Жиро от 10 октября 1938 года.

на реализацию? Смогут ли они перевести деньги, вырученные от продажи, на счета в иностранном банке? Смогут ли они сохранить за собой свои дачи? В марте 1938 года был получен долгожданный ответ от Тэтэреску, который министр Швейцарии тут же передал через Жиро: экспроприация была приостановлена, суд Четатеа-Альба, по всей видимости, сам инициировал ее без ведома высших инстанций. И лишь 12 июля 1938 года Жиро получил телеграмму от Швейцарской миссии: «Румынские власти сообщают, что экспроприация отменена»¹⁴⁹.

Но вскоре произошел новый неприятный инцидент: шабовцам было предписано сдать властям свои швейцарские паспорта, чего никогда не происходило прежде. Ведь в случае чего квитанция о сдаче паспорта не могла считаться подтверждением их национальности¹⁵⁰. Инцидент был разрешен благодаря вмешательству миссии и министра внутренних дел¹⁵¹.

Сами шабовцы писали в своих воспоминаниях, что эта политическая нестабильность оказывала негативное влияние на моральный настрой колонистов. В марте 1938 года премьер-министр Кэлинеску и Отдел иностранных дел Политического департамента в Берне были проинформированы о «некоторых разногласиях между франкоязычными и немецкоязычными колонистами». Как следовало из архивных материалов, разногласия и споры длились долгие годы, вплоть до 1940 года. Франкоязычные колонисты упрекали немецкоязычных в том, что те «отреклись от демократических традиций и симпатизируют тоталитарным идеям, царящим в Германии»¹⁵². Упрек был пре-

¹⁴⁹ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Телеграмма в Швейцарскую миссию от 12 июля 1938 года.

¹⁵⁰ Ibid. Письмо от 23 июля 1938 года.

¹⁵¹ Ibid. Письмо от 5 октября 1938 года к Кэлинеску.

¹⁵² Ibid. Письмо от 30 марта 1938 года.

жде всего адресован колонистам, женатым на немках. Немецкоговорящие колонисты же жаловались на то, что франкоговорящие колонисты всегда были больше по численности и не хотели считаться с их мнением и их голоса никогда не учитывались в дебатах, касающихся колонии в целом. При этом немецкоговорящие колонисты пытались оправдаться, утверждая, что они вовсе не сторонники Гитлера¹⁵³. Конфликт принял серьезный оборот. В июне 1938 года Кэлинеску сообщил де Веку, новому министру Швейцарии в Бухаресте, что префект Четатеа-Альба много раз сообщал ему о ссорах между колонистами. Префект намеревался сделать выговор самым беспокойным колонистам и, если они не успокоятся, готов был выслать их из колонии. Де Век тут же связался с шабовцами и предупредил, что беспорядки только ухудшат их положение, и тогда он уже ничем не сможет им помочь¹⁵⁴.

Надо отметить, что разногласия между двумя группами колонистов — франкоязычными и немецкоязычными — имели долгую историю. Все началось еще в 1840-е годы, когда российские власти поселили в Шабо несколько семей из немецкой Швейцарии. Пока колония была богатой, разногласия были практически незаметны, но чем больше было проблем, тем ссоры разгорались сильнее, и с особенной силой они возобновились перед началом Второй мировой войны¹⁵⁵. В апреле 1936 года Де Век направил в Шабо двух сотрудников Миссии в Галаце, Мадам Фижи и Поля Чумпфера, для проведения среди колонистов «социального опроса» с целью выявить причины трений между колонистами. По окончании опроса министр написал в Берн:

¹⁵³ Ibid. Письмо от марта 1938 года à la Division des Affaires Étrangères du Département politique fédéral, Berne.

¹⁵⁴ Ibid. Письмо от 24 июня 1938 года.

¹⁵⁵ Anselme A. Op. cit. P. 72.

«Между двумя группами действительно существуют некоторые разногласия. Но в этом нет ничего нового, они существовали с самого начала, но никогда не выходили за рамки политических споров. Время от времени разногласия разгораются с новой силой»¹⁵⁶. Главным поводом для новых разногласий, по всей видимости, послужил экономический кризис, затронувший все семьи без исключения и ухудшивший отношения внутри колонии. Второй момент — неприятный инцидент, произошедший во время распределения гуманитарной помощи, посланной колонистам из Швейцарии. Дело в том, что помощь была прислана компанией Zwicky SA из Бухареста. А в колонии проживало несколько семей с фамилией Цвики, практически все они были самыми бедными во всей колонии. Эти семьи посчитали, что вся помощь предназначалась исключительно для них, и направили жалобу в Швейцарское общество. Сотрудникам миссии удалось уладить инцидент и помирить стороны. И во время опроса, касающегося благосостояния каждой из семей, многие немецкоговорящие колонисты не забывали называть и франкоязычные семьи, и наоборот. Помощь была таким образом распределена по справедливости благодаря делегатам от каждой группы — Мишелю Марго и Оскару Бюкселю.

Уже тогда в это время многие колонисты начали обвинять немецкоязычных колонистов в «гитлеризме». Эти обвинения в первую очередь касались одного колониста — Оскара Бюкселя. Впоследствии в своем дневнике Самюэль Бюксель написал о нем: «А потом появился нехороший человек и все разрушил». Что означали эти слова? Ведь, согласно отчету сотрудников миссии, колонисты вовсе не интересовались политикой. Оскар Бюксель не был похож на шефа или лидера группы, но многие

¹⁵⁶ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag».

из франкоговорящих швейцарцев считали его таковым, написано в отчете. В отчете Чумпфера имеется также приписка следующего содержания: «Во время моего визита в Шабо я попытался объяснить и одним, и вторым, что разногласия между ними не улучшают их ситуацию. В случае конфликта выиграют только румыны, а колонисты рискуют потерять все»¹⁵⁷. 7 апреля министр получил отчет и поблагодарил своих сотрудников за проделанную работу по примирению сторон. Но разногласия не прекратились и после его визита. В 1938 году по просьбе министра Жиро составил список колонистов возрастом от 18 лет, имеющих швейцарское происхождение (acte d'origine¹⁵⁸). В списке были 175 человек, данные о всех их родственниках, сведения о детях и о гражданстве. В конце списка от пометил: «Лица под номерами 40 и 78 — самые главные подстрекатели, не достойные называться швейцарцами». Один из них — Оскар Бюксель¹⁵⁹.

Несколько лет спустя, уже после возвращения в Женеву, Жорж Жиро записал свои воспоминания о предвоенных годах. Он рассказывал, что незадолго до начала войны немецкоговорящие колонисты подверглись нацистской пропаганде. Оскар Бюксель провозгласил себя Орстфюрером. Благодаря красноречию, красивым словам, обещаниям ему удалось сплотить вокруг себя некоторое количество колонистов, а также внедриться в административную Шабо. Франкоговорящие швейцарцы сетовали

¹⁵⁷ Ibid. Письмо Поля Чумпфера (Paul Tschumpfer) де Веку от 6 апреля 1936 года.

¹⁵⁸ Имеется в виду место гражданской приписки в Швейцарии. Для швейцарских граждан до сегодняшнего дня обязательна приписка к коммуне города или села, где исторически жила семья, откуда она родом. Это так называемое место происхождения. При этом отец может приписать детей к своей коммуне, даже если они родились в другой стране.

¹⁵⁹ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Письма от 3 апреля и от 30 мая 1938 года.

на то, что единственным центром «швейцарского менталитета» в Шабо осталась только церковь¹⁶⁰.

Последние годы перед войной Жиро стал консульским агентом. Предложение занять эту должность он получил в ноябре 1938 года от де Века. Изначально де Век планировал создать в колонии консульство. Ведь Швейцарская миссия была расположена в 600 километрах от колонии, а ближайшее консульство — в 300 километрах. Де Век был уверен, что, если бы в Шабо находился агент, имеющий официальные полномочия, это бы значительно облегчило связь с Бухарестом. Когда же оказалось, что румынские власти не разрешают создавать консульства в селах, не являющихся столицами областей, де Век решил создать консульское агентство. По правилам, консулом мог стать исключительно швейцарец, не имеющий второго гражданства, — в этом смысле Жиро оказался идеальным кандидатом. В случае положительного ответа Жиро де Век мог в кратчайший срок согласовать его кандидатуру с Политическим департаментом в Берне. Должность агента не предполагала никакого жалования, но агент располагал некоторой суммой на почтовые расходы. Он имел право повесить на своем доме соответствующую табличку и швейцарский флаг. Жиро идеально подходил на эту роль и уже преуспел на этом поприще. Вот уже 20 лет как колонисты обращались через него в консульство.

Жиро тут же ответил согласием и добавил: «Я рад, что смогу быть полезным Швейцарии»¹⁶¹. Он также добавил следующие

¹⁶⁰ Государственный архив Берна, J2.257#2001/124#1610 «Korrespondenz SEK — Eidgenössisches Politisches Department bert. eine kirchliche Betreuung der Schweizerkolonie in Chabag, Bessarabien», 01.01.1940 — 31.12.1940. Отчет «Suisse de Chabag réfugiés en Allemagne», 1943–45. Письмо де Века от 05.02.1944 в Политический департамент в Берне.

¹⁶¹ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag».

строки: «Я не богат, но мое материальное положение позволяет мне жить безбедно, что немаловажно для представителя страны». Письмо заканчивалось фразой: «Я проживаю тут более 36 лет и, к сожалению, слишком хорошо знаю колонию». 29 мая 1939 года кандидатура Жиро была утверждена королем. Жиро тут же направил в Консульство список вопросов: «В каком случае я должен поднимать флаг? Надо ли мне также поднимать по праздникам и румынский флаг? Должен ли я также помогать соотечественникам, проживающим вне Шабо?» Жиро просил разрешения повесить на фасаде своего дома табличку, подчеркивающую свой статус, это бы выглядело более солидно и имело бы психологический эффект¹⁶².

Семья Жоржа Жиро.

© Архив семьи Кристен-Лоран, Корсо

¹⁶² Ibid. Письмо от 5 августа 1939 года.

За первые несколько лет Жиро было сделано довольно многое, например, получить субсидию на оснащение школы и зарплату для двух учителей¹⁶³. Кроме того, постоянно в помощи нуждался кто-то из колонистов. Так, в апреле 1939 года в Шабо возвратился Луи Форнэ, колонист из Нового Шабо, которое находилось на территории, отошедшей к СССР. Луи Форнэ родился в Пиду, в кантоне Во, 1 октября 1878 года. Его семья происходила из Пиду, отец его — Эдуард Форнэ, а мать — Ежени Тардан. Он прожил в Шабо почти всю свою жизнь, кроме периода с 1909 по 1930 годы, когда он жил в Новом Шабо, в поместье, купленном ему родителями. Вот что он рассказал: «В 1930 году мне удалось бежать от большевиков и вернуться в Шабо. Ведь мой дед приехал в Шабо еще в 1826 году, и мой отец тоже шабовец. Я никогда не жил в другом месте, кроме 21 года в Новом Шабо. Но большевики отобрали у меня все имущество, и вот я вернулся в Шабо, где у меня остался виноградник — мое единственное средство к существованию». Бедный Луи не представлял себе жизнь вне Шабо, ему шел 62-й год, он не мог уже приспособиться к жизни в другой стране, даже в Швейцарии. «Прошу Вас убедить румынские власти позволить мне дожить последние годы жизни в родной деревне», — писал он. Жиро направил запрос властям, Арманду Кэлинеску, на тот момент председателю Совета министров и министру внутренних дел¹⁶⁴. К сожалению, дальнейшая судьба Луи нам неизвестна.

Жиро также помог вдове Лоран отправить на учебу в Швейцарию своих дочерей, а кроме того, организовал поездку и обучение в Швейцарии сына Жана Тевна. Но он с подозрением относился ко всем приезжавшим в Шабо, опасаясь шпионов¹⁶⁵.

¹⁶³ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284
«Schutz der Schweizer in Chabag». Письмо от 5 августа 1939 года.

¹⁶⁴ Ibid. Письмо от 31 декабря 1939 года.

¹⁶⁵ Ibid. Письмо Жиро де Веку от 15 апреля 1940 года.

Кроме того, все чаще и чаще до Шабо доходили слухи о скором начале войны. Жители были обеспокоены. Жиро не всегда мог ответить на их вопросы. Что будет с ними, если вдруг Румыния тоже вступит в войну? И какие меры предприняты консульством для защиты их интересов в случае военного конфликта? Не заберут ли в армию шабовцев призывного возраста?¹⁶⁶ Из архивов нам стало известно, что Жиро попросил консульство заготовить противогазы, уточняя, что они предназначаются исключительно для швейцарских подданных и лиц швейцарского происхождения. Что касается возможной эвакуации жителей, сотрудники миссии и Швейцарского общества сходились в одном: ввиду гигантского расстояния, разделяющего Шабо и миссию, они не смогут предупредить в срок лично каждую семью. Согласно официальным распоряжениям, консулы и консульские агенты должны были в первую очередь оказывать помощь лицам, чье швейцарское подданство доказано документами. Такой же позиции придерживался сам де Век. «Что касается тех швейцарских граждан, которые, оставаясь верными нашему национальному духу и нашим традициям, также по своей воле и вопреки имеют румынское гражданство, я не смогу по их поводу идти на конфликт с румынскими властями. В первую очередь я буду помогать лицам, имеющим только швейцарское подданство», — писал он. Известно, что многие шабовцы были вынуждены получить румынское гражданство, чтобы не потерять право собственности на землю. Им миссия передала через Жиро следующую рекомендацию: «По возможности избегать конфликтов с румынскими властями».

Из переписки Века со швейцарскими властями в Берне можно сделать заключение о его мыслях по поводу будущего колонии. «Высказанные мысли — мои личные размышления.

¹⁶⁶ Ibid. Письмо от 4 сентября 1939 года.

Я прошу Вас не считать их поводом к беспокойству, но принять их во внимание», — писал он. Так, в январе 1940 года в письме Имхофу, в Секретариат швейцарцев за рубежом¹⁶⁷, он объяснял: «С каждым днем я все больше и больше убеждаюсь в том, что, несмотря на то что положение Румынии на международной арене улучшилось, нельзя надеяться, что ее территория не станет театром военных действий». Весной 1940 года в переписке между де Веком и Жиро все чаще встречается упоминание о необходимости составить план по эвакуации швейцарских граждан. Жиро было поручено составить списки швейцарцев, которых надо будет эвакуировать, а также подыскать транспорт. Но выяснилось, что школьный автобус неисправен и что префект уже экспроприировал все автомобили для транспортировки документов. Жиро удалось заручиться поддержкой полковника, но он осознал, что после начала военных действий тот будет заменен более высоким чином. Оставалось рассчитывать на личный транспорт шабовцев¹⁶⁸. Приводим указания, полученные Жиро от Швейцарской миссии в Бухаресте: «Багаж: предупредите всех швейцарцев, с которыми Вы знакомы, что, если они имеют намерение эвакуироваться в кратчайшие сроки, им необходимо заготовить запас провизии и багаж и быть готовыми выехать при первом знаке. Автомобили: дайте указания всем шабовцам, имеющим автомобили, заготовить паспорта, багаж и съестные припасы и порекомендуйте следовать до Галаца. Самолет: всем, кто планирует улететь на самолете, порекомендуйте добраться до Галаца, не теряя ни минуты. Дома: постройкам ничего не угрожает. Желающие остаться могут остаться в своих домах в ожидании наших указаний». Жиро

¹⁶⁷ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Письмо от 15 января 1940 года.

¹⁶⁸ Ibid. Письмо от 3 января 1940 года.

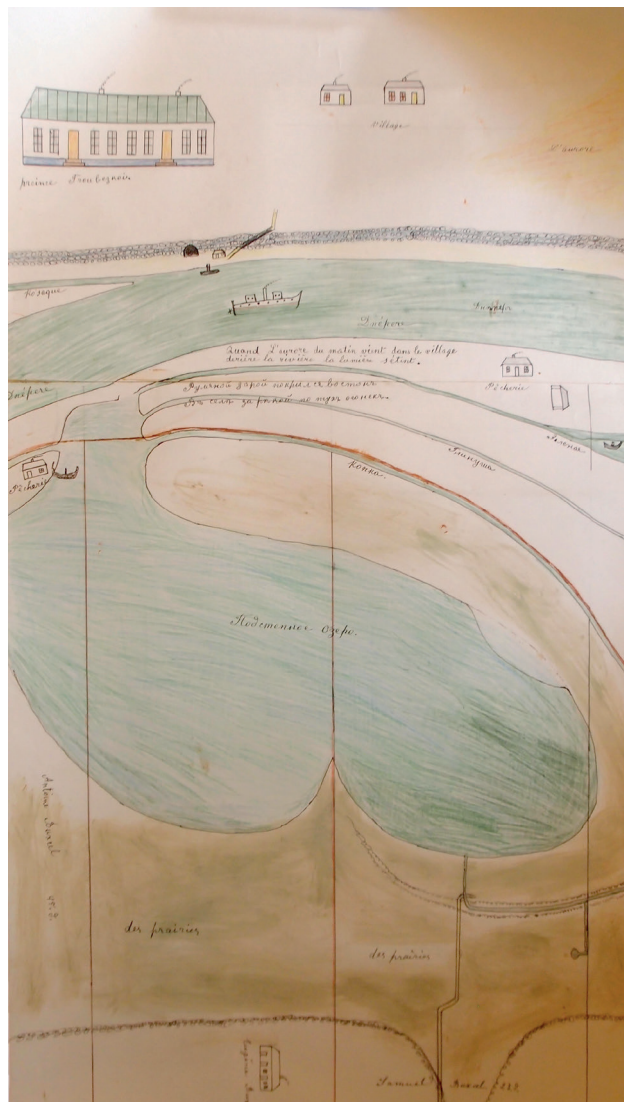
всеми силами старался не допустить паники¹⁶⁹, но в то же время подготовиться к отъезду. В таком же двойственном положении находились все сотрудники Консульства. С одной стороны, они были не в праве заставлять швейцарцев покинуть свои дома и хозяйство, с другой — они были обязаны поставить граждан в известность о том, что, поскольку Швейцария не имеет дипломатических отношений с СССР, все, кто окажется на территории СССР, не смогут рассчитывать на протекцию со стороны швейцарских властей.

В мае 1940 года де Век все еще надеялся, что война распространится на территорию Румынии еще не скоро. Он находился в тесном контакте с официальными лицами Румынии. По их сведениям, поскольку к весне 1940 года военные действия на севере Европы усилились, можно было надеяться, что на юге Европы наступит некоторое затишье. Он также передал мнение высокопоставленного румынского чиновника о том, что советская агрессия в Бессарабии представляется маловероятной. СССР только что вышел из кровопролитной войны с Финляндией, в которой было задействовано 40 дивизий, на покорение Бессарабии понадобилось бы вдвое больше. При этом СССР взял бы на себя риск войны на Кавказе и наступления на Восток. Вряд ли СССР захочет подвергаться такому риску¹⁷⁰.

Жиро не разделял оптимизм де Века. С декабря 1939 года в Шабо был расквартирован батальон пехоты, для их проживания власти потребовали освободить сараи и конюшни. Солдаты начали возводить укрепления вокруг колонии. Сотрудники местной администрации в спешке паковали и увозили свою мебель. Для отвода глаз некоторые высокие чины купили дома

¹⁶⁹ Ibid. Письмо от 29 декабря 1939 года.

¹⁷⁰ Ibid. «Chez les Suisses de Chabag (Bessarabie)». 13 марта 1939 года.

Надел семьи Бюксель около Основы, на Днепре.

© Архив города Романмотье-Енви

в Шабо, местные власти даже начали ремонт санатория в Бугазе, пристроили красивый портик на въезде, как рассказывали шабовцы, работавшие на стройке. Это несколько успокоило Жиро. Сам он давно планировал купить недвижимость недалеко от Бухареста. Поэтому накануне аннексии Бессарабии, 28 июня 1940 года, Жиро отсутствовал — он отправился в Бухарест в надежде реализовать покупку дома.

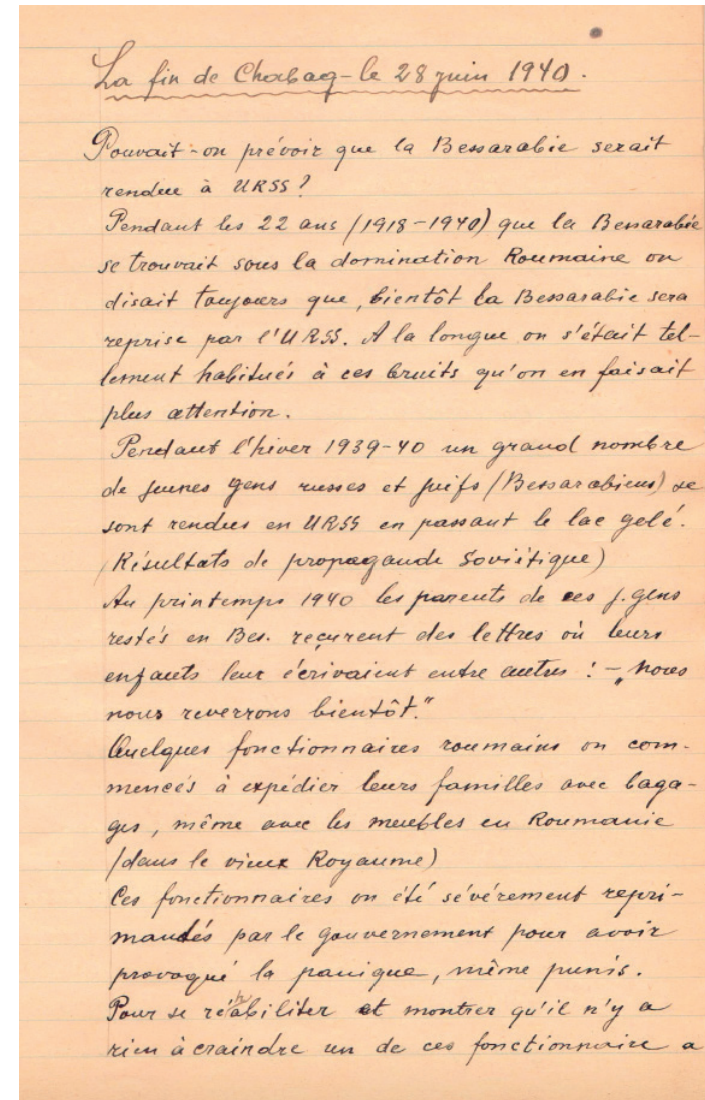
Глава 4. Шабо во время Второй мировой войны

Последние месяцы существования колонии

Шабовец Поль Марго в своих дневниках называл лето 1940 года «последними днями существования Шабо»¹⁷¹. Много раз впоследствии он задавал себе один и тот же вопрос: мог ли кто-то весной 1940 года предвидеть, что Бессарабия будет передана СССР? Безусловно, в течение более чем 20 лет пребывания Бессарабии в составе Румынии до жителей доходили слухи о том, что уже совсем скоро провинция отойдет к СССР. В конце концов этим слухам верить перестали. Поль Марго рассказывал, что зимой 1939–1940 годов многие молодые люди из Посада — русские и евреи, поддавшись советской пропаганде, перешли границу по замерзшему лиману на территорию СССР. Оттуда они посылали родственникам, оставшимся в Бессарабии, восторженные письма, заканчивавшиеся фразой: «Вот посмотрите, мы вскоре увидимся». Что это означало?

27 июня 1940 года, накануне ввода советских войск в Шабо, жители колонии не имели ни малейшего понятия о том, что на противоположном берегу лимана готовится нечто грандиозное. Но в самой колонии, со стороны границы, уже несколько дней были мобилизованы части румынской армии. На вопросы шабовцев военные отвечали, что нет повода волноваться,

¹⁷¹ Архив семьи Гаврилюк-Марго, Paul Margot. Journal. P. 1.

Первая страница дневника Поля Марго.

© Архив семьи Гаврилюк-Марго, Лозанна

просили жителей не поддаваться панике и уверяли, что граница на замке, а отношения с русскими — самые мирные. Шабовцам оставалось лишь верить им на слово. 28 июня все румыны — как военные, так и гражданское население — массово бежали из Шабо. Советский Союз объявил о вводе войск в Бессарабию в два часа дня. На самом деле, Шабо будет занято войсками уже в полдень.

Швейцарский дипломат, министр Швейцарии в Румынии Рене де Век, описал события тех дней в своем отчете, направленном в Министерство иностранных дел в Берне. В десять часов вечера 27 июня жители Шабо получили телеграмму от Швейцарской миссии. Но многие уже крепко спали и узнали новость только на следующее утро. Сам де Век отправил зашифрованные телеграммы с пометкой «срочно» утром того же дня, сразу после получения информации об ультиматуме. Телеграммы предназначались всем консульским агентам в разных городах: агенту Жиро в Шабо, агенту Кюнцле в Чернаути (Черновцы), агенту Гарину в Кишиневе и агенту Сибенманну в Галаце. Телеграмма гласила: «Предупредите всех швейцарцев, с кем вы можете связаться, что, если они хотят быть эвакуированы, они должны срочно собрать багаж и съестные припасы и приготовиться к отъезду по нашему сигналу»¹⁷². Но, как писал впоследствии де Век, дальнейшие события развивались столь стремительно, что ему не хватило времени организовать эвакуацию должным образом. Изначально он предполагал, что СССР предоставит на эвакуацию достаточно долгий срок, и не ожидал, что телеграфная связь будет прервана.

Швейцарское консульство в Бухаресте в срочном порядке связалось со всеми своими агентами. Агент в Чернаути сооб-

¹⁷² Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Письма де Века в Département politique fédéral от 09.07.1940 и от 02.07.1940.

шил, что передал информацию всем швейцарским подданным, но сам принял решение остаться в городе. Он телеграфировал: «Красная армия будет здесь через несколько часов. Мэр города передал мне, что командование дало обещание не допустить беспорядков»¹⁷³. Ответа от агента из Кишинева получено не было. Впоследствии де Веку станет известно, что сам агент, Поль Гарин, и другие франкоговорящие швейцарцы покинули город вместе с французскими гражданами, что им удалось добраться до Москвы, откуда они направились в Румынию. В Галаце обстановка оставалась спокойной, в связи с чем де Век рекомендовал всем швейцарским беженцам из региона Четатеа-Альба следовать через Галац.

28 июня 1940 года глазами шабовцев

Что же на самом деле происходило в Шабо 28 июня? Поль Марго и Родольф Бюксель навсегда сохранили этот день в памяти. Вот как Поль Марго описывал те события в дневнике. 27 июня, в десять часов вечера, когда дочь Жиро получила срочную телеграмму от консульства с текстом: «Срочно пакуйте вещи», большинство шабовцев уже спали глубоким сном. Ранним утром новость об аннексии Бессарабии была передана по радио. Первой мыслью многих было как можно быстрее добраться до Галаца. Но с раннего утра все повзкю и телеги были экспропрированы румынскими военными. К тому же шабовцы опасались, что им придется проезжать через русские села, которые, скорее всего, перешли на сторону советской армии. Оставалась железная дорога. На перроне в Четатеа-Альба уже скопилась толпа народа. Поезда были переполнены. Шабовцы приняли решение оставить часть багажа. Некоторым удалось сесть

¹⁷³ Ibid.

на первый поезд, отправлявшийся утром, в 8 часов 40 минут. 30 шабовцам удалось сесть в вагон третьего класса следующего поезда, отбывавшего в 10 часов. Префект Стратан, хорошо знавший многих из них, посоветовал им сесть в маневренный вагон, в котором перевозились ящики с документами Министерства финансов. «Чиновники приняли нас довольно холодно, они сидели на ящиках, заполненных миллионами банкнот», — записал Поль Марго. Последнее воспоминание Поля Марго: 2 часа дня, состав трогается. Толпа, стоявшая на вокзале, бежит в сторону города и исчезает в облаке пыли. Оттуда доносится звон колоколов, и вот уже на колокольне реет красный флаг.

Вот что рассказал Родольф Бюксель о моменте бегства его семьи из Шабо: «Мы бежали, мы все бросили. У нас даже не было денег, а ведь мы были так богаты!» В доме остался погреб, полный вина, запасы ржи и даже в печи — свежеспеченный хлеб. Жена Родольфа Ида Мьевиль едва успела сбегать к матери и взять пару буханок в дорогу.

Состав, в котором ехали семьи Марго, Бюксель и другие шабовцы, состоял из двух локомотивов и 60 вагонов, заполненных военными, гражданским населением, мебелью и ящиками с оружием. В пути поезд совершал остановки вдали от больших станций, в степи и на безлюдных полустанках. Стояла жара. Раскаленный воздух разьедал легкие, катастрофически не хватало воды. Колодцы на станциях были пусты, лишь на дне еще можно было набрать немного воды вперемешку с песком. «У нас была с собой провизия, но мы жалели, что не взяли вина», — вспоминал Поль Марго. Из окна поезда шабовцы наблюдали за взятием Болграда. Парашютисты выбрасывались в месте, где проходила граница, и помечали ее белыми флажками. И вот они у границы. Механик локомотива, коммунист, бросил состав и пустился в бег. К счастью, среди пассажиров оказался механик. На сле-

дующий день, 29 июня, в 5 часов вечера, шабовцы прибыли в Галац. Но станция была уже заполнена составами, прибывшими из Бессарабии. Шабовцы высадились в 4 километрах от города, практически в болоте, и несли вещи и детей до ближайшей деревни, где румынские скауты разместили их на ночлег в здании школы. На следующее утро прибыл консул Швейцарии в Галаце Сибенманн. Благодаря его стараниям шабовцы получили паспорта, а вечером поужинали в дорогом ресторане.

Шабовцы планировали как можно быстрее добраться до Бухареста, но Сибенманн убедил их, что в городе тоже небезопасно. Следующую ночь они не сомкнули глаз, отовсюду доносились стрельба и крики. И только 1 июля им удалось сесть на поезд до Бухареста. На каждой станции по вагонам скауты проходили и разносили брынзу, горячий чай и хлеб. 2 июля, в 5 часов вечера, поезд прибыл в Бухарест. На перроне шабовцев встречал Манфред Эггерманн, президент Швейцарского общества. Эггерманн договорился с членами швейцарской общины Бухареста, что те временно поселят беженцев из Шабо у себя. Всего шабовцы провели в семьях около двух месяцев, «к нам относились как к членам семьи», писали они¹⁷⁴. Лишь 15 человек смогли сразу вернуться в Швейцарию на поезде. Де Век напишет в своих мемуарах: «Всем была предоставлена возможность покинуть Шабо, но многие не захотели ею воспользоваться. Я надеюсь, что потом, когда жизнь вернется в нормальное русло, мы сможем всех их перевезти в Старое Королевство»¹⁷⁵.

Другие швейцарские семьи, не уехавшие по железной дороге, были вынуждены бежать на подводах. Некоторым волею

¹⁷⁴ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Письмо от 17.08.1940.

¹⁷⁵ De Weck R. Journal de guerre (1939–1945). Un diplomate suisse à Bucarest / Ed. S. Roth. Genève: SHSR, 2001. P. 117.

судьбы пришлось остаться. Жермена Дони рассказала историю одной девушки, Фелиситэ Декобма, которой не удалось уехать в тот день. Колесо подводы ее отца сломалось, и, несмотря на настойчивые просьбы родственников, семья осталась, чтобы починить его. «В тот день мы видели их в последний раз», — поведала нам Жермена. Декобма были сосланы в Сибирь, Фися не по своей воле вышла замуж за солдата, и всю жизнь ее считали шпионкой. И только многие годы спустя ей позволили вернуться в Швейцарию.

Всего в последние дни июня Шабо покинули около 300 швейцарцев. Но практически никому из них не будет суждено добраться до Швейцарии сразу, многие вернутся только в 1943 и 1944 году. Кто мог представить себе, что их ожидают долгие годы пребывания в трудовых лагерях Третьего рейха?

Вот как описала те месяцы Жермена Дони. Из Румынии семья Дони вместе с другими семьями из Шабо направилась в Швейцарию самым, как им представлялось, надежным путем — через Венгрию. Но на немецком блокпосте им сообщили, что все переселенцы из Бессарабии автоматически перенаправляются в Судетскую область. Почему немцы не дали шабовцам вернуться на родину? «Мы — швейцарцы, — объяснила Жермена, — мой отец даже отслужил в швейцарской армии. Но немцы ответили нам тогда: „Путь в Швейцарию закрыт; вашей страны больше не существует“»¹⁷⁶.

Все беженцы (300 человек) были перенаправлены в лагерь, предназначенные для немецких переселенцев, находившиеся в Судетской области, а именно в Брюзау, Кростау и Хинтервассер. Шабовцы и другие переселенцы из Бессарабии проживали в бараках по 200 человек, уставленных двухъярусными кроватями. Мужчины работали на заводах, женщины вели хозяйство

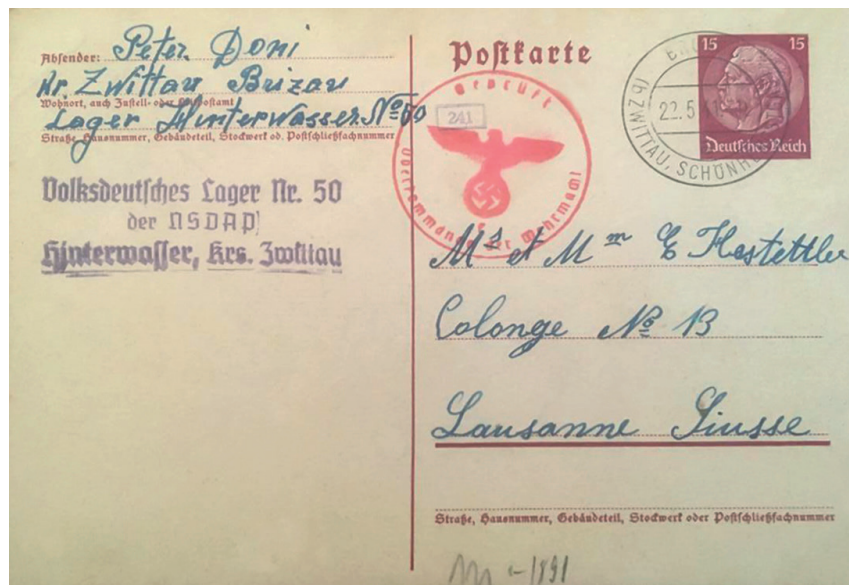
¹⁷⁶ Интервью Жермены Дони-Робатель, сентябрь 2019 года.

Празднование Рождества в лагере.

© Архив семьи Робатель-Дони

и выращивали овощи для пропитания. Питание было организовано неплохо, но практически не было мяса, основу рациона составлял картофель. Женщинам приходилось перешивать старую одежду, купить новую было практически невозможно. По воспоминаниям Жермены Дони, швейцарцы не чувствовали себя пленными. Дети посещали школу. На Рождество в лагере устраивался праздничный ужин. В 1943 году семью Дони и других швейцарцев переселили на ферму. Жермене позволялось играть с детьми немецкого офицера, жившего по соседству, что было запрещено детям местных крестьян. Дома они продолжали говорить по-французски. Однажды, вспоминала Жермена, она

Открытка, отправленная Пьером Дони из лагеря
родственников в Швейцарию.

© Архив семьи Робатель-Дони

в шутку произнесла перед немцами несколько русских слов. Тут же немцы с обыском пришли к ее родителям, думая, что те русские. С тех пор мать запретила ей говорить по-русски.

А что происходило в Шабо после 28 июня? Вот что рассказал Жорж Жиро. 27 июня он едва успел выехать в Бухарест¹⁷⁷, как его дочь получила срочную телеграмму от консульства и тут же побежала предупредить соседей. Сам же Жиро, узнав на одной из станций новость об аннексии Бессарабии, вышел на первой же станции и сел на поезд, идущий в обратную сторо-

¹⁷⁷ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Письмо Швейцери от 21.06.1940.

ну. На одном полустанке он узнал от беженцев из Шабо, что его дочь уже выехала в Бухарест. Сами шабовцы убедили его не возвращаться в Шабо, вряд ли он смог бы чем-нибудь помочь, ведь почти все швейцарцы уже уехали сами¹⁷⁸. Жиро с семьей практически сразу же вернулся в Швейцарию, в Женеву, и только его сын, на тот момент секретарь де Века, остался в Бухаресте. Жиро жалел об одном: ему не удалось вывезти документы колонии, в том числе поименный реестр всех жителей, ведь для многих это было единственным доказательством их швейцарского происхождения.

Как стало известно из архивных источников, на начало июля 1940 года в Швейцарском Доме в Бухаресте, принадлежащем общине, проживало 32 шабовца¹⁷⁹. Эггерманн с трудом находил средства на их содержание. Каждый день он ходил на вокзал встречать поезда из Галаца в надежде встретить новых беженцев из Шабо. Но, к его удивлению, не все беженцы были рады его видеть: «Швейцарское общество организовало на вокзале подобие пункта информации, обозначенного табличкой. Большинство шабовцев сразу обращались к нам. Но вот в один день целая группа шабовцев прямым шагом направилась к пункту немецкого командования»¹⁸⁰. Объяснение этому факту Эггерманн

¹⁷⁸ Там же. «Rapport détaillé» au Département Politique Fédéral via W. Imhof, Secrétariat des Suisses à l'étranger. Письмо от 11.07.1940, dans «Colonie suisse de Chabag. Bessarabie. 1930–1940».

¹⁷⁹ Вот фамилии, фигурирующие в списке от 9 августа 1940 года: Николя Лоран (3 чел.), Амалия Бюксель, Эрманн Бюксель (3), Франсуа Дони (3), Шарль Бессон Besson (1), Александер Юндт (1), Шарль Тевна (3), Шарль Тевна junior (1), Жозеф Бюксель (3), Александр Бюксель (4), Эжен Бюксель (1), Сэрж Декомба (1), Леон Юндт (3), Артур Гандер (3), Поль Юндт (3). Государственный архив Берна. E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag».

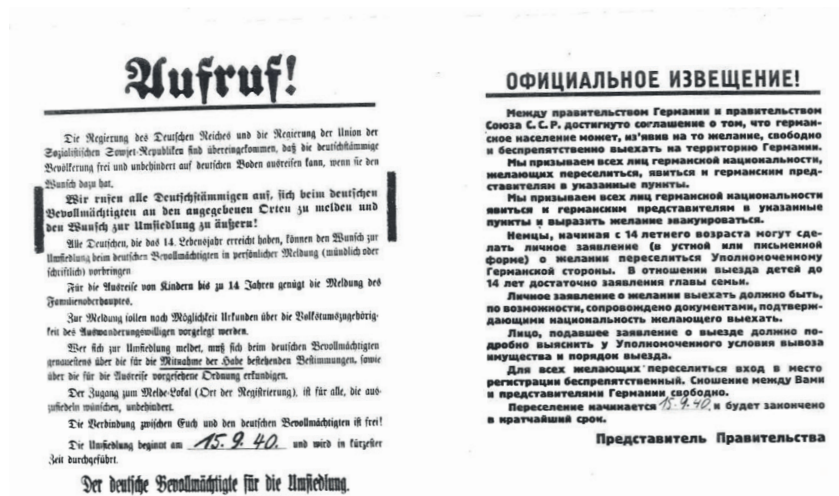
¹⁸⁰ Ibid.

получил от одного из прибывших и изложил его рассказ в письме де Веку от 11 июля 1940 года.

Во главе этой группы шабовцев был тот самый Оскар Бюксель, зарекомендовавший себя как сторонник Гитлера. Де Век отзывался о нем в нелестных выражениях: «Этот человек родился в России, был воспитан в Германии, от швейцарца у него лишь только фамилия и паспорт». Оскар Бюксель был швейцарцем, но паспорт он попросил лишь тогда, ему стало удобнее иметь швейцарский паспорт, чем немецкий. Другой беженец, примкнувший к группе Бюкселя, изложил причины, побудившие многих искать прибежища в Германии и примкнуть к немецким переселенцам. За несколько дней до аннексии Бессарабии представитель Третьего рейха нанес визит всем лицам «немецкого происхождения» (Volksgenossen), проживавшим в Шабо, и попросил предоставить ему подробные списки имущества. Он пояснил, что между Третьим рейхом и СССР было заключено некое соглашение, согласно которому все немецкие колонисты будут вывезены в Германию, все их имущество, оставленное в Бессарабии, описано, и по прибытии в Германию они смогут получить репарации. Де Век комментировал: «По всей видимости, правительство Берлина планирует поселить этих людей где-то на территории Польши. Это лишний раз подтверждает тот факт, что Рейх не мог не знать о намерениях СССР об аннексии Бессарабии. Это предложение выехать в Германию распространяется на всех лиц немецкого происхождения, в том числе и швейцарцев из Романмюлье (как Бюксель)»¹⁸¹. В дальнейшей переписке с Берном де Век неоднократно будет возвращаться к этому инциденту.

По рассказам некоторых шабовцев, впоследствии вернувшихся на родину, от возвращения в Швейцарию их отговорили сами

¹⁸¹ Государственный архив Берна. E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag».

Листовка с призывом эмигрировать в Третий рейх.

Архив Общества бессарабских немцев, Штутгарт

сотрудники швейцарского консульства в Бухаресте. Так, Ингрид Юндт рассказывала¹⁸²: ее семье и еще десяти шабовцам удалось добраться до Бухареста на машине. Но на приеме в консульстве им было сказано, что швейцарская граница закрыта и что консульство вынуждено отказать им в разрешении на въезд. Официальным поводом для отказа послужила информация о высоком уровне безработицы на родине. Такой же ответ был дан и другим шабовцам, прибывшим в Бухарест в последующие дни. Примечателен тот факт, что все они имели при себе швейцарские паспорта, многие из года в год оплачивали все налоги, в том числе

¹⁸² Rauber U. «Heim ins Reich» geschickt // Beobachter. 26.06.1998. S. 20–29. URL: <https://www.beobachter.ch/burger-verwaltung/schweizer-fluchtlinge-heim-ins-reich-geschickt>.

военный сбор. Так, Александр Юндт, родственник Ингрид, хотя и служил в царской армии, будучи также гражданином Швейцарии, регулярно платил военный сбор в консульстве. В тот день в Бухаресте он никак не ожидал услышать от консула, что Швейцария не может принять эмигрантов, желающих вернуться, и что власти рекомендуют им оставаться на территории Румынии. Другой шабовец, Артур Гандер, признался, что эти слова консула преследовали его долгие годы, вплоть до возвращения на родину в 1946 году. Ведь с 1922 по 1940 год он заплатил всего за воинские сборы 2811 франков. Но что могли ответить шабовцы дипломатам? «Если сотрудник посольства говорит вам, что граница закрыта, как вы можете не верить его словам?» — объясняла Ингрид Юндт. Известно, что осенью 1940 года на родину вернулось всего несколько десятков шабовцев, прежде всего это были пожилые люди, имевшие счет в банке. Остальных ожидала та же судьба, что и семью Дони, — примкнуть к немецким беженцам.

Ингрид Юндт подробно описала в своих воспоминаниях, как она и другие беженцы добирались до места их проживания — городка Землин в окрестностях Белграда. Путь лежал сначала на баржах по Дунаю, затем на грузовиках ¹⁸³. После двух дней в палаточ-

¹⁸³ Дизендорф В. К истории российских немцев. Статьи и доклады последних лет. Роттенбург, 2009. С. 51. URL: <https://wolgadeutsche.net/diesendorf/Sammlung.pdf>. Для разгрузки железной дороги переселенцев из Бессарабии перевозили по Дунаю на 28 пароходах, предоставленных Германией. Погрузка на пароходы производилась в портах Рени (33 тысячи человек) и Килия (20 тысяч человек), оказавшихся на советской территории, а также в румынском порту Галац (34 тысячи человек). Доставка к портам осуществлялась на грузовиках, повозках и по железной дороге. Первоначально переселенцы поступали в большие сборные лагеря Прахово и Землин, находившиеся в Югославии, откуда их доставляли поездами в Германию.

ном лагере ее семью перевезли на поезде в окрестности Дрездена, в Гроссрорсдорф. Затем их поселили в лагерях Хинтервассер и Кростау, в окрестностях Брно. «В комнате, кишевшей блохами и клопами, жило около 100 человек», — вспоминала Ингрид. Женщины были вынуждены работать на фабрике. Молодые люди тут же были мобилизованы и погибли на фронте. Так, на фронт были отправлены братья Артур и Антон Штолеры. Младший в 23 года погиб на поле боя в 1943 году, а старший был взят в плен советскими войсками. Он вернулся на родину в 1959 году. Некоторые шабовцы поселились около городка Визеля (Wisell), на территории Словении, на фермах, отобранных у словенских крестьян. Но что это была за жизнь! Каждый день мог стать последним. По ночам местные крестьяне приходили грабить переселенцев. «Это был нонсенс, — рассказывали они, — мы — шабовцы — стали оккупантами! Немцы дали нам оружие и разрешили стрелять в крестьян». Некоторые шабовцы погибли от пуль партизан. Некоторое время спустя Комиссия по переселению отправила шабовцев в Польшу, в Штирию и в Саксонию. Ввиду таких условий жизни даже те из них, кто добровольно записался как немецкие переселенцы, убедились в тщетности их надежд когда-нибудь получить репарации. С этого момента их единственной целью стало вернуться на родину.

Шабовцы в Бухаресте

Министру Швейцарии в Бухаресте Рене де Веку было поручено найти жилье и работу беженцам из Шабо. Для начала он направил официальный запрос в Королевское министерство иностранных дел. Ранее правительство Румынии обещало, что всем беженцам из регионов, аннексированных СССР, будет предоставлена возможность переселиться на территорию Румынии и даже перевезти свое имущество. Рене де Век просил

распространить это право на шабовцев, имеющих румынское гражданство. В поддержку своей просьбы министр приводил довод о том, что шабовцы были всегда оставались лояльными к королю и румынскому правительству. В ответ на этот запрос де Век заручился обещанием министра иностранных дел Аржентояну затронуть данный вопрос в переговорах с советской делегацией. Де Век сообщил в Берн: «Министр иностранных дел уведомил меня о том, что до 3 июля все жители территорий, отошедших к СССР, независимо от их гражданства смогут найти убежище в Румынии и перевезти свое имущество. Но аннексия территории происходит столь быстрыми темпами, что вряд ли всем удастся выехать. Аржентояну заверил меня, что в Королевстве найдется место для всех выехавших из Бессарабии»¹⁸⁴. Камнем преткновения в переговорах был вопрос о репарациях. Де Век выражал сомнения в том, что, даже если Румыния примет решение возместить урон от оккупации румынам, вряд ли это коснется швейцарцев. В его памяти еще был свеж спор 1914–1918 годов, когда, несмотря на вмешательство Федерального совета, беженцам так и не были выплачены репарации. Из Берна ответили, что Швейцария не имеет отношения к данной проблеме и речь о репарациях с ее стороны идти не может.

На начало июля в Швейцарском Доме в Бухаресте проживало 32 человека. Еще двое служили в румынской армии, и пятеро нашли пристанище благодаря Ассоциации немцев. С каждым днем становилось все очевиднее, что такое положение не может длиться вечно. По мнению де Века, шабовцы были прирожденными фермерами и виноделами, они не были приспособлены к городской жизни, и праздное существование не шло им на пользу. Лучше было бы поселить их где-нибудь в деревне, где

¹⁸⁴ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag», письма де Века от 02.07.1940 и от 09.7.1940.

они могли бы обрабатывать землю. С этим вопросом де Век обратился к румынским властям¹⁸⁵. «Многие из беженцев из Шабо имеют румынское гражданство, — писал он, — но некоторые имеют только швейцарское. Шабовцы всегда верно служили Румынии и монархии. Возможно ли будет поселить их в каком-нибудь поместье, где они могли бы разводить виноград?» Данная мысль проводится и в письме Имхофа, сотрудника Секретариата швейцарцев за рубежом. «Возрождение колонии Шабо, — писал Имхоф, — будет благом для Румынии и будет способствовать усилению связей между нашими странами»¹⁸⁶.

Осуществление этого замысла потребовало многих усилий. Первоначально румынские власти не только не поддерживали де Века, но отправили его к немецким властям, ссылаясь на договоренности между Германией и СССР. Но одно непредвиденное событие ускорило планы министра. 14 июля 1940 года де Век узнал, что всех шабовцев, на тот момент находящихся в Шабо, планируется также переселить в Германию¹⁸⁷. Эта информация была доведена до сведения Отдела иностранных дел в Берне, а также до министра иностранных дел Румынии Гафенку. В письме, адресованном в Берн, де Век писал о необходимости не допустить переселение: «Мы преследуем иную цель — поселить наших колонистов на территории Румынии»¹⁸⁸. Но как перевезти в Бухарест шабовцев, которые пока находились в Шабо?

Де Век задействовал все свои связи. Он заручился поддержкой Ионеску, президента Румынского комитета Красного Креста.

¹⁸⁵ Ibid. Письмо от 18.07.1940.

¹⁸⁶ Ibid.

¹⁸⁷ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Письмо де Века от 24.07.1940.

¹⁸⁸ Ibid. Письмо де Века от 6.08.1940.

Единственный вариант — вывезти шабовцев в Бугаз на машинах, а затем переправить по морю в Констанцу. Ему стало известно, что в скором времени в Бугаз направится пароход «Пелеш», который должен был забрать из санатория в Бугазе больных — тех, кого аннексия Бессарабии застала врасплох. Отправление было назначено на 30 июля. Но до самого последнего момента де Век не был уверен, что его план сработает. Ведь советские власти могли разрешить покинуть Шабо только тем, у кого были при себе швейцарские паспорта. Он также не мог быть уверен в том, что все шабовцы согласятся переехать. И вот за несколько дней до отправления парохода власти дали разрешение эвакуировать из Шабо всех швейцарцев, которые выразят на это согласие¹⁸⁹. 30 июля «Пелеш» opravился из Констанца и взял курс на Бугаз. Из-за шторма эвакуация затянулась, но к концу дня 33 шабовца и все пациенты санатория находились на борту.

Впоследствии де Век узнал из рассказов шабовцев, как проходила эвакуация. Сообщение де Века шабовцам гласило: «Всем колонистам Шабо, имеющим швейцарские документы, и шабовцам швейцарского происхождения, имеющим румынское гражданство, предоставляется возможность переехать в Румынию на борту судна „Пелеш“». Но до колонистов это сообщение дошло в несколько видоизмененном виде. Во-первых, сообщение было передано только лицам, имеющим швейцарские документы. Континеску, президент Румынского Красного Креста, запросил список эвакуируемых, опасаясь, что вместе с шабовцами в Румынию проникнут большевики. Шабовцев одного за другим заводили в кабинет, где им сообщали: «Ваше правительство требует, чтобы вы выехали в Румынию». Многие испугались, что в случае отказа им грозит депортация в Си-

¹⁸⁹ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Письмо де Века от 27.07.1940.

бирь¹⁹⁰: «И лишь когда мы увидели судно с румынским флагом, мы поверили, что спасены». Шабовцам было дозволено взять неограниченное количество румынской валюты. Рубли же подлежали отдаче в обмен на квитанции, по которой сданные деньги отойдут государству в случае отсутствия заявителя в течение более полугода. Таким образом, благодаря стараниям де Века шабовцы наконец смогли воссоединиться со своими друзьями в Бухаресте.

Шабо после 28 июня 1940 года

Как же жило Шабо при новой власти? Во многих источниках встречается недостоверная информация о том, что деревня была разрушена в первые дни оккупации. Но вот что рассказал один шабовец в своем интервью одной лозаннской газете от 27 сентября 1940 года: «Больше всего я боялся, что будет происходить в момент смены власти — в период между уходом румын и приходом советских войск. Но советские войска сохраняли дисциплину и не бесчинствовали». Но, как и все соседние колонии, Шабо сильно пострадало от ночных набегов бандитов, которые разграбили дома. Некоторое время спустя все имущество колонистов было передано только что созданному колхозу. При этом цены на продукты увеличились в несколько раз, а вино выросло в цене в пять раз. Почти все швейцарцы уехали, но в Шабо остались те, у кого на момент отъезда не было швейцарских паспортов. Они не теряли надежды тоже переехать в Румынию вместе с немецкими переселенцами из соседних колоний¹⁹¹.

Что стало с теми шабовцами, которые не решились покинуть родное село, родной дом, построенный их предками, родную

¹⁹⁰ Ibid. Письмо де Века от 13.08.1940.

¹⁹¹ Gazette de Lausanne. 27.09.1940. P. 1.

Полуразрушенный фасад церкви в Шабо. 2019 год.

Фото автора

землю и оставить имущество?¹⁹² Один только Жан Тевна бросил 120 000 литров вина. Церковь тут же была заколочена. Были экспропрированы церковные книги, реестры колонии и даже чаша для причастия. «Какой-то молодой человек в залатанных штанах, назвавшийся инспектором народного образования, опечатал дверь нашего музея, где хранились все наши сувениры и другие предметы, а также все полученные из Швейцарии газеты», — рассказывал Арнольд Лоран¹⁹³. Все это и все книги из би-

¹⁹² La fin de Chabag // Gazette de Lausanne. 28.02.1941.

¹⁹³ Арнольд Лоран родился 27.11.1870, женился на Валери Дони, родившейся 06.05.1872, вернулся в Швейцарию 22.10.1946 и скончался в 1950 году.

блиотеки были увезены в Аккерман, а затем в Одессу. Таблички с названиями улиц также заменили на новые: уже не было ни Strada Elvetiana, ни Strada Laharpa. Из колонистов остались только семьи Тардан, Дони, Бессон, Тевна, Декомба и Майер. Некоторые из них покинут колонию в октябре.

Национальный праздник Швейцарии — 1 августа — беженцы из Шабо отмечали в Швейцарском доме в Бухаресте, многие заготовили тосты и благодарственные речи в адрес де Века и Эггерманна. Эггерманну удалось найти и внести из собственных средств залог за небольшое заброшенное поместье Чернавода, куда он планировал переселить шабовцев. Некоторые из колонистов уже нашли работу в Бухаресте в качестве бухгалтеров или разнорабочих. Но их зарплаты все равно не хватало на жизнь, а ведь пора было готовиться к зиме, закупать теплую одежду.

Эггерманн подробно описал свои первые впечатления от поместья Чернавода, находившегося в 400 километрах от Бухареста, в провинции Добруджа. Одну половину поместья занимали виноградники, а вторую — пахотные земли, мельница и сеновал. Здесь можно было поселить десять семей. Согласно условиям контракта, 60 % дохода должно было идти швейцарцам, а 40 % — хозяевам. По подсчетам Эггермана, на восстановление поместья требовалось около 10 000 франков. Если дела пойдут хорошо, можно было бы устроить остальные семьи в других поместьях по соседству¹⁹⁴. Но Эггерманн не принял в расчет тот факт, что мечтой самих шабовцев было вернуться как можно быстрее на родину.

Швейцарские газеты тут же распространили новость о «возрождении швейцарской деревни» и объявили сбор денег

¹⁹⁴ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Письмо де Века от 13.08.1940.

в помощь колонистам¹⁹⁵. Эггерманн запросил также субсидию от Конфедерации: ведь дешевле обойдется поселить колонистов в Румынии, чем переселить их в Швейцарию¹⁹⁶.

В Бухаресте на тот момент находилось около 60 шабовцев. 33 человека прибыли в начале июля и еще 33 — в начале августа. Но денег катастрофически не хватало. Те из них, кто переехал в Чернаводу, должны были получить зарплату только после продажи первого урожая. Помощь от Швейцарии в размере 500 франков была потрачена на закупку инвентаря. 25 августа 1940 года де Век отослал проект колонии в Королевское министерство иностранных дел, подчеркнув «интерес, который представляет для экономики страны возрождение колонии Шабо на территории Старого Королевства»¹⁹⁷, и просил посодействовать возвращению из СССР всех шабовцев, обещая поселить в другом поместье.

Шабо в сентябре 1940 года

Как же все это время жили шабовцы, оставшиеся в Шабо? Из архивных источников стало известно, что вторая большая группа беженцев из Шабо — около 250 человек — уехала 9 и 12 октября с немецкими переселенцами в Судетскую область. В этот период в общей сложности в Германию переехало 80 000 немцев. Об этих днях мы можем судить по рассказам Антонии Бюксель-Хогер¹⁹⁸ и Поля Марго, записавшего рассказ одного родственника.

¹⁹⁵ Journal de Genève. 07.09.1940.

¹⁹⁶ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Письмо де Века от 06.08.1940.

¹⁹⁷ Ibid. Письма де Века от 14.08.1940 и 25.08.1940.

¹⁹⁸ Архив Общества бессарабских немцев. Buxcel A., «Geschichte von Schaba».

9 октября 1940 года старики, женщины и дети сели на поезд, мужчины пустились в путь на повозках¹⁹⁹. Первая ночевка — в Софиентале, некогда большой немецкой колонии, где обоз соединился с обозами беженцев из немецких колоний Будаки, Шаболат и Тейфаль. 13 октября — второй день в пути. Обоз, из 265 повозок растянулся на 3–4 километра. Беженцы следовали через Посталь и Беркендорф, когда-то богатые немецкие колонии, а теперь полностью опустевшие. Деревни больше напоминали кладбища — слышались лишь лай собак и мычание скота. Вечером беженцы остановились на ночлег в колонии Сарата. Всю ночь они грелись у костров, жарили сосиски, пили вино, согревались горячим чаем. 17 октября обоз перешел Прут. «И только тут, в Румынии, я почувствовал себя на свободе», — писал один беженец. Следующие три дня беженцы провели в Галаце, где их разместили в палаточном городке, лошадей тут же экспроприировали для армии. На пятый день, в 7 часов вечера, шабовцы погрузились на пароходы до Белграда, а потом до Землина. Оттуда шабовцев направили в Судетскую область. «Нас приняли хорошо, — писала Антония Бюксель. — В первые 40 дней карантина мы особо ничем не занимались, ели, гуляли, играли в карты, в домино. С нетерпением ждали писем». По сведениям Грива, в тот месяц Шабо покинуло 250 человек, а осталось 38²⁰⁰.

Как эти события освещались в швейцарской прессе? В феврале 1941 года вышла заметка следующего содержания²⁰¹: «Все, кто не хотел или не имел возможности покинуть село, были увезены в Судетскую область вместе с 80 000 немцев, согласно плану переселения лиц немецкого происхождения. Дети, женщины

¹⁹⁹ La fin de Chabag // Gazette de Lausanne. 28.02.1941.

²⁰⁰ Grivat O. Op. cit. P. 139.

²⁰¹ La fin de Chabag // Gazette de Lausanne. 28.02.1941.

и старики были перевезены в грузовиках в Галац, а оттуда в Белград и теперь проживают в хороших условиях. Мужчины же совершили переезд на телегах 12 октября и также добрались до Судетской области». В другой газете от апреля 1942 года была опубликована заметка следующего содержания: «Другая часть колонистов, осознавая, что Швейцария не сможет принять всех эмигрантов, предпочла принять приглашение немцев присоединиться к плану по переселению немцев на территорию Рейха. Они проживают в лагерях или в переселенческих пунктах. Некоторые же находятся в Штирии, где работают на фермах»²⁰².

В воспоминаниях, написанных в Германии в 1943 году на немецком языке, Антония Бюксель подробно описала тот долгий путь в Судетскую область. Повествование начинается словами: «Сегодня три года как мы уехали из Шабо».

Рассказ начинается 9 октября 1940 года. Стоял прекрасный осенний день. В саду цвели хризантемы, созрел виноград. Семья Антонии была вынуждена бросить все имущество, а с каждым предметом связано столько воспоминаний. Накануне отъезда шабовцы сходили на кладбище проститься с предками, возложили венки на их могилы. Со слезами на глазах ей пришлось сдать скот в колхоз: «Мне показалось, что корова все понимает и только не может сказать: „Зачем ты меня бросаешь?“» Коровы теперь принадлежали совхозу, но по вечерам все равно по привычке приходили на двор своих хозяев. Но никто не мог заставить Бюкселей остаться: «Мы прожили под властью большевиков три месяца. Нам хватило, чтобы понять, какая судьба нам уготована». С собой им было разрешено взять только немного одежды, постельное белье, обувь, кухонную утварь и лошадей.

²⁰² Государственный архив Берна. E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Письмо от 09.04.1942.

10 октября — последний завтрак дома. «Трудно описать, что я почувствовала в тот момент, когда последний раз окинула взглядом свой двор», — писала Антония. В воротах уже ожидали солдаты. Антония простилась с ними по-французски: «Адьё». Мужчины запрягли лошадей, женщины и дети сели в грузовики, а некоторым пришлось путешествовать в вагонах для перевозки скота, без окон. Вместе с Антонией следовали ее 13-летний сын, две невестки и внуки. Каждому разрешено было взять по 85 килограммов багажа. Через 24 часа пути состав подошел к станции Рени, в месте слияния Дуная и Прута, на границе между Румынией и Бессарабией. На пристани уже был разбит палаточный лагерь. Комендант выкрикивал фамилии, проверял документы и давал сигнал перейти мост. На другой стороне реки висел огромный плакат с надписью «Добро пожаловать в Германию». «И в этот момент мы все заплакали. Мы были свободны от власти большевиков!» — вспоминала Антония. Багаж подвергался тщательному досмотру. Дело в том, что переселенцам не разрешалось провозить больше 2000 леев и запрещалось везти русские деньги. Шабовцы могли сдать большую часть сбережений немецкому командованию под расписку, но не все успели это сделать. А поскольку многие из них продали мебель и другие предметы в последние дни перед отъездом, им ничего не оставалось, как везти деньги с собой. В страхе они избавлялись от денег, бросали их — кто в реку, кто советским солдатам.

Пристань уже была заполнена людьми и багажом. Пять дней шабовцы провели в пути, питание было организовано хорошо, и само путешествие напоминало круиз. По прибытии в Землин их перевезли до Кростау (Chrastavec) на грузовиках. Супруг Антонии тем временем был в другом лагере — Айнсидель-Карлсталь (Einsiedel-Karlsthal). Некоторое время спустя их обоих переселили в Брюзау, где уже проживало 500 человек. Их бывшая соседка, Гладис Бессон, вскоре скончалась во время эпидемии

скарлатины. Рождество вся семья Антонии отмечала в Брюзау. «Нам казалось, что мы у себя дома», — вспоминала она. Здесь было почти все, как в Шабо: пастор, певцы из шабского хора, их любимые рождественские песни. Затем часть шабовцев снова переселили в Кростау, и семья Антонии попала в лагерь Хинтервассер, а потом в Штирию. В Штирии ее семья отмечала следующее Рождество 1941 года, а затем и еще одно, и только в августе 1943 года семья снова была переселена в другой лагерь, Крумм-Нуссбаум (Krumm-Nussbaum), который в основном был населен российскими немцами, и откуда они вскоре вынуждены были переселиться в Мариа-Анцбах (Maria-Anzbach) до сентября 1944 года. Там было организовано хорошее питание, были почта, церковь, магазин. В один прекрасный день комендант известил их: уезжайте, кто может. Антония с супругом направились к сыну в Судетскую область, и только 14 сентября 1945 года смогли наконец ступить на швейцарскую землю.

В архивах Берна можно ознакомиться с перепиской тех лет между Отделом иностранных дел и Швейцарской миссией в Бухаресте. Переписка позволяет составить представление о мотивах некоторых решений того периода в отношении переселения «лиц германской национальности» и, в частности, шабовцев. В самом начале 1941 года де Век сообщал: «Мне не удалось точно установить, на каких условиях немецкое командование организует репатриацию негерманского населения. Согласно дошедшим до меня сведениям, данные переселенцы должны записаться в списки „лиц германской национальности“. Означает ли это, что им было дано немецкое гражданство? Сможете ли Вы дать мне разъяснения по этому поводу?»²⁰³ Де Век считал важным уточнить статус этих лиц

²⁰³ Государственный архив Берна, J2.257#2001/124#1610 «Korrespondenz SEK — Eidgenössisches Politisches Department bert. eine

с целью дать указания представителям Швейцарии, как поступать с ними и по отношению к румынским властям. В марте 1941 года он писал снова: «Наши соотечественники в Бухаресте создают мне много беспокойств»²⁰⁴. Некоторые из шабовцев уже к тому времени вернулись на родину²⁰⁵. «Некоторые же присоединились к „Volksdeutsche“ по приглашению Рейха, но ведь некоторые из них не имеют немецких корней и даже не владеют немецким языком», — отмечал де Век. Ему не удалось составить полный список всех шабовцев, покинувших Шабо. В одном из документов, датированном маем 1941 года, упоминались несколько «лиц швейцарской национальности, находящихся в Германии, прибывших по приглашению немецкой стороны и не пожелавших остаться в Румынии или переехать в Швейцарию»²⁰⁶: Матильда Бюксель-Курц, Амалия Бюксель-Курц, Жюль-Жерманн и Корнелия Бюксель-Штолер, Люси Бюксель, Ида Бюксель-Мьевилль, Александер и Антония Бюксель-Бекер, Ежен Бюксель и Альфред Бюксель, Артур и Анна Гандер-Сингейзен и Валентин Гандер, Поль и Теофила Юндт-Лафасан и Иветта, Александер Юндт, Лео и Хильда Юндт Штолер, Шарль Бессон и Эмилия Лихомски-Бюксель, Густав Сондерэггер с семьей. Это только один из списков.

kirchliche Betreuung der Schweizerkolonie in Chabag, Bessarabien», 01.01.1940–31.12.1940. Письмо де Века от 01.02.1941.

²⁰⁴ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag», 23.03.1941.

²⁰⁵ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag», от 01.02.1941, Umsiedlungslager Hartberg, Gau Steiermark. Письмо де Века от 23 марта 1941 года.

²⁰⁶ Ibid. Письмо де Века от 06.05.1941.

Жизнь в поместье Чернавода

О судьбе переселенных в Черनावоду шабовцев мы узнаем из писем Манфреда Эггерманна в Берн. Начиная с марта 1941 года дипломат выражал опасения в связи с судьбой проекта и, в частности, с настроениями шабовцев. Их было легко понять. Шабовцы были вынуждены покинуть свои дома и хозяйство. Они жили богато, а теперь потеряли все, переезд их пришелся на зиму, условия жизни в поместье оставляли желать лучшего, они сильно тосковали по Шабо. Кроме того, обнаружился ряд других проблем административного характера. Например, румынские власти не разрешали выкупить поместье, ввиду чего за него надо было платить ренту. Контракт был подписан на имя Эггерманна. Управляющим же был назначен румын, некто Братасанк. Шабовцы изначально одобрили его кандидатуру, но несколько недель спустя они уже накопили жалобы. Взаимопонимание между ними полностью отсутствовало. Братасанк в свою очередь отзывался о шабовцах как о лентяях, неспособных и не имеющих желания возродить имение. Те в от-вет упрекали его в том, что он относится к ним как к своим рабам и ничего не смыслит в хозяйстве. По мнению Эггерманна, виноваты были обе стороны, и никто не соглашался идти на уступки. В довершение всего шабовцы ссорились между собой ²⁰⁷, а некоторые даже вызывали полицию.

23 февраля Эггерманн и Жан Строелин выехали в Черनावоду по просьбе де Века с целью провести инспекцию ²⁰⁸. Приведем его отчет. Поместье было расположено на другом конце

²⁰⁷ См. различные документы из дела «Schutz der Schweizer in Chabag». Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284. Письмо де Века от 23.05.1941.

²⁰⁸ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag», письмо де Века от 23.05.1941.

села, на берегу Дуная. На первый взгляд, все имение показалось им заброшенным. Дул холодный ветер. Посередине был огромный пустырь, где обычно припарковывались немецкие военные грузовики. Визит стал для шабовцев полной неожиданностью, но они выразили готовность показать гостям все хозяйство: конюшню, скотный двор, «по середине которого куча навоза, пройти над которой можно только по тонкой дощечке», записал Эггерманн. Скот был в лучшем состоянии, чем в прошлый раз, отметил он. Лошади выглядели ухоженными. Далее Эггерманн и Строелин нанесли визиты каждой семье. Каждая семья занимала отдельный домик из красного кирпича, а два холостяка — Декомба и Форне — вели хозяйство вместе. Затем Бернар Бюксель, его сын Ремонд, Эдмон Гандер и главы семей Дони и Форне показали гостям овчарню. Она была не в лучшем состоянии, отметил Эггерманн. Стены текли, повсюду были лужи воды и грязи. Крыша тоже была вся в дырах. Само строение казалось не очень большим по размеру, но в нем уместилось бы вполне стадо из 300 овец. Затем гостей провели через дворы к полям, где паслись овцы, и показали поля, засеянные пшеницей.

По окончании экскурсии Эггерманн и Строелин собрали всех мужчин — глав семейств — и вручили им письмо де Века. Гандер зачитывал его вслух, остальные шабовцы комментировали каждый пункт. У них накопилось много просьб. Они хотели бы получить разрешение на отлов рыбы в реке. Они также хотели попробовать выращивать рис. Но для этого необходимо было сначала выровнять землю. Братасанк же отдавал предпочтение более простым сельскохозяйственным культурам. Луи Гандер заметил, что поля находятся в некотором удалении от имения. Но колонисты планировали выращивать злаковые культуры, а также овощи, даже построить ледяной погреб и н заняться разведением птицы. Это бы позволило наладить

сбыт яиц на рынке. Кроме того, шабовцы нуждались в средствах на ремонт строений и на приобретение трактора.

Самая большая проблема, объяснял Эггерманн, это взаимоотношения между шабовцами и управляющим. Они не признают его авторитета. Если быть с ними слишком вежливыми — они ничего не будут делать, но в то же время они не исполняют его указаний. Они сами осознавали необходимость иметь управляющего, но хотели избавиться от Братасанка. Некоторое время спустя шабовцы обратились к де Веку с жалобой на самого Эггерманна. Они требовали разъяснить, на что тот тратит доходы от имения. «Эггерманн довольно плохо изъясняется по-французски», — комментировал де Век²⁰⁹. В чем же конкретно заключались их упреки? Во-первых, денег не хватало даже на предметы первой необходимости. Починка обуви стоила от 400 до 450 леев. Братасанк же по непонятной причине выдал данную сумму Бюкселю, но отказал Дони. Гандер даже обвинил того в желании посеять разногласия между ними. Все упреки высказывал Гандер, все остальные кивали головами в знак согласия. Жаль, что время не позволило поговорить с каждым в отдельности. Эггерманну стало понятно, что восстановить хорошие отношения будет непросто. Но больше всего его поразило то, что все шабовцы хотели побыстрее уехать отсюда и вернуться в Швейцарию. Эггерманн пытался объяснить, как трудно будет найти работу на родине. Тогда шабовцы спросили: «А что, если поехать к нашим родственникам в Германию? Они шлют нам восторженные письма». Эггерманн вынужден был напомнить, что беженцы в Германии так и не получили обещанные земли и работают на фабриках. «Их невозможно переубедить! Они полностью поверили, что получат земли взамен

²⁰⁹ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag», письмо де Века от 23.05.1941.

забранных у них. И мои патриотические речи не имеют на них воздействия», — отмечал он. А когда колонисты узнали, что Швейцарское общество в Бухаресте объявило сбор денежных средств в пользу швейцарских беженцев из Бессарабии, они заподозрили Эггерманна в том, что он забрал эти деньги. «Это полный абсурд», — прокомментировал Эггерманн. Он сделал все возможное, чтобы увеличить выделенные на содержание имения суммы. Но ссоры не прекращались: «На все проявления доброго отношения с моей стороны, они отвечают недоверием, они требуют быстрых действий, и мои воззвания к их патриотическим чувствам бессмысленны», — писал дипломат.

На фоне вышеописанных событий не стало неожиданностью следующее послание де Века в Берн, в котором он писал: «С сожалением сообщаю, что попытка воссоздать в имении Чернавода зачаток новой колонии потерпела фиаско»²¹⁰. На тот момент все колонисты, за исключением троих, покинули имение. Некоторые из них нашли временную работу в Румынии, другие же воспользовались возможностью, предоставленной им как «немцам». «Большинство из них не понимает ни слова по-немецки. Если те, кто остался на территории Румынии, еще могут надеяться в будущем вернуть свои дома и земли в Бессарабии, то уехавшие в Германию, скорее всего, будут высланы за ее пределы, как только их так называемые благодетели не будут больше нуждаться в их услугах. И тогда наша община снова будет вынуждена помочь лицам, которые нас предали и которые будут изгнаны из Германии... Я чрезвычайно разочарован, но вынужден известить Вас о том, что наш проект, в который мы все, швейцарцы в Бухаресте, так верили, не оправдал наших надежд»²¹¹.

²¹⁰ Ibid. Письмо де Века от 11.07.1941.

²¹¹ Ibid. Письмо де Века от 02.07.1941.

Для Эггерманна это стало и личным фиаско. «Кто виноват?» — спрашивал он сам себя в одном из писем. Во-первых, считал он, Оскар Бюксель и его приверженцы. Задолго до начала войны они предали свое Отечество, служили иностранной державе и посеяли разногласия между шабовцами. Но не менее виноваты были и те маловерные люди, которые поверили в него, пренебрегая всеми предупреждениями, исходившими от Швейцарской миссии. Безусловно, колонистов из Чернаводы не трудно понять. В последние годы на их долю выпало немало сложностей. И очень возможно, что Эггерманн при всем своем порыве помочь им слишком увлекся экономией и выделял им недостаточно средств для восстановления имения. Он стремился превратить забытое имение в процветающую колонию. Письмо Эггерманна заканчивалось следующими словами: «...выражаю сожаление о том, что наша патриотическая миссия провалилась».

Это письмо объясняет резкую смену отношения самого де Века к шабовцам. «Ввиду того что отеческая опека и помощь натолкнулись на ответное нежелание что-то предпринимать, переход к строгим мерам вполне обоснован», — объяснял он в одном из писем, адресованном в Департамент иностранных дел. Для этого необходимо было прежде всего разъяснить статус колонистов и их гражданство. Так, являлось ли принятие ими немецкого гражданства основанием для отказа в швейцарском гражданстве?²¹² Де Век отмечал: «Важно достоверно выяснить, на каких условиях Третий рейх приглашает переселиться в качестве „Volksgenossen“ лиц не немецкого происхождения. Получают ли они при этом немецкое гражданство? И если да, то какую позицию должны занять швейцарские власти по отношению к этим лицам?»²¹³

²¹² Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Письмо де Века от 23.05.1941.

²¹³ Ibid.

В следующем письме он высказывал следующую точку зрения: «С моральной и этической точки зрения сложно допустить, чтобы некоторые граждане, которые в течение многих месяцев выживали благодаря помощи своих соотечественников, перешли на сторону другой державы, служили ей, а когда им не удалось устроить свою жизнь там, вновь вернулись бы в Швейцарию, восстановились в правах и просили помощи от общества. Ведь их случай разительно отличается от судьбы швейцарцев, родившихся за рубежом, которым другое государство по праву дало другое гражданство, которого они не просили. Поступок шабовцев нельзя назвать иначе, как предательством». Де Век спрашивал: «В ожидании официального решения о мерах по урегулированию национального статуса беженцев не считаете ли Вы нужным проинформировать об этом представительства и консульства Швейцарии в интересах защиты прав и интересов государства?»²¹⁴ Другое послание де Века гласило: «Какие меры следует принять в отношении швейцарских граждан, которые оказались недостойными его? Безусловно, сам факт обладания двойным гражданством не является необходимым условием для лишения швейцарского гражданства»²¹⁵. Тем не менее он мог воспользоваться этим аргументом для лишения гражданства Оскара Бюкселя, главного ответственного за перипетии, которые привели к моральному разложению шабовцев и краху колонии.

Шабовцы не потеряли надежды получить репарации за оставленное имущество. Некоторые еще надеялись выручить за него хоть какие-то средства. В архивах сохранился запрос и список имущества Луи Аннена, на тот момент уже проживавшего в Швейцарии. Аннен рассчитывал реализовать имущество, оставленное

²¹⁴ Ibid.

²¹⁵ Ibid. Письмо де Века от 25.09.1941.

в Шабо, через сестру своей жены, Эмилию Лихомски-Бюксель²¹⁶. Швейцарские власти перенаправили все запросы румынским властям. После разрыва дипломатических отношений между СССР и Швейцарией прямые переговоры не представлялись возможными. В Берне знали, что в Москве была создана специальная комиссия, которой поручили рассмотреть вопрос о репарациях румынам за имущество, оставленное в Бессарабии. Швейцарская миссия передала запросы в Королевское министерство иностранных дел, но, по мнению дипломатов, шансы на благоприятный исход были ничтожно малы, данный вопрос вряд ли мог быть рассмотрен комиссией. Советские власти вряд ли могли согласиться выплатить репарации, румынские же власти, в свою очередь, отрицали свою ответственность. Тем не менее консульство советовало предоставить сотрудникам Министерства иностранных дел списки имущества швейцарцев, покинувших Бессарабию. Документы эти могли понадобиться в случае пересмотра границ. В архивах сохранились списки, составленные Полем Марго и его сыном Жоржем, а также семьей Блюнчли, проживавшей в Буковине. В другом списке, датированном июлем 1941 года²¹⁷, фигурируют 24 дома, принадлежавшие швейцарцам, на тот момент в полностью или частично разрушенном состоянии²¹⁸.

Возвращение в Шабо

Итак, бо́льшая часть швейцарцев покинула Шабо в июне и в октябре 1940 года. «Последние жители покинули Шабо вечером 12 октября, и швейцарская колония прекратила свое

²¹⁶ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag», 09.04.1943.

²¹⁷ Ibid. 3.07.1941.

²¹⁸ Там же. Письмо Министерства иностранных дел Румынии к Швейцарской миссии от 09.07.1941.

существование. Все потеряно», — писал Полю Марго один шабовец²¹⁹. По его сведениям, 15 человек добрались до Швейцарии, 25 находились на территории Румынии, 250 — в Германии, и лишь 38 человек остались в Шабо. «Наша церковь, где мы крестили детей, венчались, — все закрыто и неизвестно, что с ней будет. Я хотел было забрать церковные списки, но мне отказали, пришлось все оставить соседям — они пока живут в Шабо. Я не смог забрать даже чашу для причастия и церковную утварь», — писал он.

И вот в июле 1941 года пришла радостная для беженцев весть: Шабо занято наступающими немецкими войсками. Наконец у шабовцев появилась надежда вернуться домой. Оставался, однако, открытым вопрос о том, смогут ли они восстановить права на имущество и будет ли это зависеть от их гражданства²²⁰. Дело о защите швейцарских интересов в Бессарабии и Буковине было поручено де Веку. Первым делом де Век передал А. Кретциану, полномочному представителю Румынии, секретарю Министерства иностранных дел, списки имущества, принадлежавшего швейцарским гражданам²²¹. Но де Век не был уверен, что румынские власти не откажут. И вот 20 сентября наконец он получил долгожданный ответ: швейцарским беженцам позволили вернуться домой. Для получения разрешения на въезд на территорию Бессарабии каждой семье следовало предварительно направить запрос в Кабинет министров²²².

²¹⁹ Архив семьи Гаврилюк-Марго, Margot Paul. P. 17. Письмо от 25 января 1941 года.

²²⁰ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Письмо де Века от 26.07.1941.

²²¹ Ibid. Письмо де Века от 22.09.1941.

²²² Государственный архив Берна, J2.257#2001/124#1610 «Korrespondenz SEK — Eidgenössisches Politisches Department bert. eine kirchliche Betreuung der Schweizerkolonie in Chabag, Bessarabien», документ

Де Век направил в Шабо своего личного секретаря, сына Жоржа Жиро. Он прибыл в Шабо 6 сентября²²³. Первый визит Жиро нанес префекту. Прежде всего необходимо было решить следующие вопросы. Не утратили ли швейцарцы прав на принадлежавшее им имущество? Могут ли они беспрепятственно вернуться в свои дома? Могут ли колонисты, не желающие возвращаться, продать свое имущество или сдать в аренду? Но префект ответил, что префектура не уполномочена решать данные вопросы, и Жиро следовало обращаться в Министерство иностранных дел. Таким образом, вернуться в Шабо в ближайшее время не представлялось возможным. Жиро писал: «Как и все села Бессарабии, которые я посетил по пути в Шабо, Шабо полностью опустело, поля заброшены, везде царит разруха. Поля и сады давно стоят заброшенными, а для восстановления виноградников понадобятся годы». А что же было с домом Жиро? К счастью, ни одна из бомб его не задела, но он был занят мэром и еще двумя семьями. Практически все дома были или полностью разрушены, или разграблены, нигде не сохранилось никакой утвари. Жиро успел обойти несколько домов и переговорить с семьями, пережившими войну, которые рассказали, что румынские войска разорили все, что оставалось. Возможно, кое-какая мебель, телеги, утварь сохранились в Посаде. На месте Жиро составил новый список домов, разрушенных во время войны²²⁴.

Де Век записал в отчете: «Сын Жиро, которого я направил в Шабо, чтобы разузнать, представляется ли возможным возвращение туда швейцарцев, рассказал мне много интересного. Так, например, в нескольких километрах от Шабо еще остались рус-

«Suisse de Chabag réfugiés en Allemagne», 1943–45. Письмо де Века от 20.09.1941, письмо из Швейцарской миссии.

²²³ Ibid. Письмо де Века от 30.09.1941.

²²⁴ Ibid. Письмо де Века от 05.06.1942.

ские. Они забаррикадировались на небольшом острове и оттуда продолжают сбрасывать бомбы на Бугаз и Шабо. Румынам так и не удалось выбить их оттуда. Шабо полностью разорено, и виноваты в этом не русские, а „крестоносцы“ антибольшевизма»²²⁵. Жиро рассказал, что румынские войска обходились с местными жителями с особой жестокостью. Было украдено все что можно. Они перебили всех евреев, тела их несколько дней пролежали на улицах.

По мнению Жиро, урон, нанесенный войной, превышал несколько миллиардов леев. Железнодорожные станции Романешти, Париж, Арциз, Сарата, Четатеа-Альба были полностью разрушены, а также более трети домов. Урон, нанесенный колонии Шабо, превышал 250–300 миллионов леев. Урожай 1940 года обещал быть особенно удачным, но пшеница вся погорела, а то, что осталось, никто не собрал. В селах проживали только военные, служащие и их семьи, из жителей никто не вернулся. Румынская армия представляла собой жалкое зрелище. Жиро встречались военные, получившие приказ воссоединиться со своей частью, но не получившие ни денег, ни надлежащих пропусков. Как рассказал Жиро, никто не спешил вернуться в объятия Родины. Но все были полны благодарности Гитлеру за то, что он остановил большевиков.

Жиро также пересказал свидетельства жителей о жизни при советской власти. Население не имело никаких прав, все перестали друг другу верить. Русские никого не убивали, но ссылали недовольных в Сибирь. Советская армия производила хорошее впечатление: войска полностью моторизованы, питание налажено хорошо. При каждом удобном случае комиссары пытались убедить жителей, как хорошо им будет при советской власти. В кооперативах можно было купить

²²⁵ De Weck R. Op cit. P. 219. 10 сентября 1940 года.

Сохранившаяся ограда дома в Шабо.

Фото автора

практически все, но в небольших количествах. Русские скупали всю сельскохозяйственную продукцию по хорошей цене и отправляли на север.

Что мог посоветовать Жиро своим соотечественникам в тот момент? В Шабо не было ни крова, ни возможности заработать, не сохранилось даже инвентаря. Было совершенно ясно, что зима будет тяжелой, надо уже сейчас запастись теплой одеждой и иметь средства, чтобы прожить до нового урожая. Жиро даже не удалось составить полный список всех шабовцев, оставшихся в колонии. Молодые люди были призваны для рытья окопов, и в тот день он не смог с ними пообщаться.

Миссия министра де Века

После новости о занятии Шабо немецкой армией де Век получил огромное количество писем от беженцев. В архивах сохранились письма, датированные осенью 1941 и зимой 1942 года. Шабовцы писали: «С тех пор как мы покинули Шабо, нас гложет тоска по Родине. Большинство швейцарцев не предали Родину и сделали все возможное, чтобы вернуться в Шабо»²²⁶. До сведения де Века дошла информация о том, что 22 семьи, всего 54 человека, уже получили нужное разрешение и теперь находятся в пересыльном пункте (Sammellager) в ожидании выехать в Шабо при первой возможности. 14 семей, всего 34 человека, ждали в другом лагере, и еще 12 семей (32 человека) пока не решались вернуться. Один шабовец писал: «Мы хотим вернуться во что бы то ни стало». В другом письме из Цвиттау от 25 октября 1941 года говорится: «Нижеподписавшиеся, швейцарские колонисты Шабо, Луи и Жанна Хауг и их сын Шарль, Пьер и Валентина Дони и их дочь Жермена, Герман и Эмилия Гандер и их дочь Гладис, Эдмонд и Ежени Тевна и Жюль Тевна, временно проживающие на территории Германии, просят Вас обратиться к румынским и немецким властям с просьбой разрешить им вернуться в Румынию, где проживают их родственники, и заселиться в дома, которые они вынуждены были покинуть после вторжения СССР в Бессарабию в 1940 году»²²⁷.

В то же время, согласно имеющимся в распоряжении де Века данным, никто из этих шабовцев не обращался к миссии после бегства из Шабо летом 1940 года. По его мнению, авторы писем — это те самые шабовцы, которые присоединились к немецким колонистам, покинувшие Бессарабию и поверившие

²²⁶ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Письмо де Века.

²²⁷ Ibid.

в обещания получить наделы в Германии. Важно отметить, что в этом де Век ошибался: Жермена Дони, упомянутая в данном письме, рассказала, что они направлялись в Швейцарию, но были задержаны немцами в пути. Де Век ответил сухо: «Эти шабовцы мне совершенно не знакомы и никогда не обращались ко мне прежде. По моему мнению, речь идет о колонистах, поверивших в иностранную пропаганду и не запросивших помощи от швейцарских властей... Ранее я имел честь несколько раз изложить причины, по которым я не имею желания помогать этим лицам, которые, будучи в неведении или по слабости характера, действовали наперекор швейцарским интересам». По этой причине все просьбы шабовцев Берн перенаправлял в Румынскую миссию в Берлине: «Ни Швейцарская миссия в Бухаресте, ни община более не желают спасать этих людей и помогать им вернуться домой»²²⁸.

Сам де Век потерял всякую надежду на возрождение Шабо: «Если они настаивают, пусть возвращаются на свой страх и риск», — писал он²²⁹. Но можно ли быть уверенным, что шабовцы не начнут ссориться и там? Колонисты обещали «жить простой жизнью и много работать». Де Век прокомментировал с иронией, что после «стажировки в Германии» они будут держаться более сплоченно. Само собой разумеется, что те, кто жил в Чернаводе, не могли рассчитывать на средства от реализации имения. Эти колонисты, писал де Век, «показали свой антишвейцарский настрой». Ввиду печального опыта с имением шабовцы не могли рассчитывать на новые субсидии. Из Берна приходили рекомендации такого же толка: «Мы не советуем колонистам возвращаться в свои дома в Шабо, пока ситуация не станет более спокойной. Их поведение убеждает нас в том, что они не смогут

²²⁸ Ibid. Письмо де Века от 13.10.1942. Письмо де Века от 21.06.1943.

²²⁹ Ibid. Письмо де Века от 21.01.1943.

жить в согласии²³⁰. «Даже если мы обязаны позаботиться о том, чтобы делать для них все необходимое, не существует причин, по которым мы бы должны делать для них все, что в наших силах», — таково было мнение Имхофа в письме к де Веку²³¹.

Лето 1942 года в Шабо

О том, что происходило в Шабо летом 1942 года, повествует рассказ Элен Гандер. Элен не выехала в 1940 году и жила в колонии все это время. Вот что она писала. Половина домов в колонии сгорела или была разрушена, оставшиеся дома стояли без окон и дверей. Весь инвентарь был продан уезжающими в Германию. В некоторых дворах еще остались прессы и бочки для вина. На восстановление виноградников своими силами ушло бы много времени и средств. Это письмо Элен Гандер де Веку только убедило его в таком мнении: «Если шабовцы желают вернуться, им стоит вернуться как можно скорее»²³².

В архивах сохранился также рассказ Жана-Луи Тевны и его сына Жоржа, проживавших в Лозанне, но получивших разрешение румынских властей посетить Шабо до 30 июня 1942 года

²³⁰ Ibid. Письма де Века от 15.09.1942, 03.09.1942, 18.09.1942. См. также: Государственный архив Берна, J2.257#2001//124#1610, J2.257#2001/124#1610 «Korrespondenz SEK — Eidgenössisches Politisches Department bert. eine kirchliche Betreuung der Schweizerkolonie in Chabag, Bessarabien», 01.01.1940 — 31.12.1940. Enquête «Suisse de Chabag réfugiés en Allemagne», 1943–45. Письмо 21.01.1943 из Департамента иностранных дел в Берне в Швейцарскую миссию в Берлине.

²³¹ Государственный архив Берна, J2.257#2001/124#1610 «Korrespondenz SEK — Eidgenössisches Politisches Department bert. eine kirchliche Betreuung der Schweizerkolonie in Chabag, Bessarabien», 01.01.1940 — 31.12.1940. Enquête «Suisse de Chabag réfugiés en Allemagne», 1943–45, «Entretien avec M. Imhof, au sujet des Suisses de Bessarabie», 03.09.1942.

²³² Ibid. Письмо Элен Гандер от 02.06.1942.

с целью осмотреть свои владения, описать убытки и составить план работ по восстановлению²³³. Убытки были оценены ими в 7 миллионов леев. Все эти годы семья Гандер также бережно хранила список имущества и не теряла надежды получить компенсацию²³⁴. Она владела 45 гектарами земли, 22 гектарами виноградников, 4 гектарами леса, имела 10 000 литров вина, две виллы в Бугазе, скот и хозяйственный инвентарь. Еще один документ этого времени — список, также составленный Гандером, в котором было описано имущество швейцарцев, еще не вернувшихся в Шабо, и их планы на будущее. Так, было указано, что дом шабовца Франсуа Дони полностью разрушен, но он может поселиться у брата, чей дом в приличном состоянии, несмотря на отсутствие мебели и инвентаря. Семья Дони владела несколькими гектарами земли и виноградником, этого хватило бы на жизнь. На тот момент земли и виноградник обрабатывались аграрным кооперативом города Четатеа-Альба. Дома другого шабовца, Жозефа Бюкселя, больше не существовало, но он мог бы поселиться в доме своей бывшей свекрови, которая пока находилась в Германии. Жозеф не владел имуществом в Шабо, но его супруга обладала несколькими наделами земли и виноградниками, выручки от которых было бы достаточно для проживания. На тот момент и земли, и виноградники также находились во владении аграрного кооператива. Большая часть дома Шарля Тевны сохранилась в хорошем состоянии, но сарай и другие постройки были разрушены. У него даже осталась кое-какая мебель, но были вывезены сельскохозяйственные инструменты. Тевна имел 15 гектаров земли и виноградник, но тот

²³³ Ibid. E2001D#1000/1552#2153, «Thevenaz Jean, Chabag». Письмо от 15.06.1942.

²³⁴ Ibid. E2001D#1000/1552#2153, «Thevenaz Jean, Chabag». 4.06.1942. Р. 4.

не приносил никакого дохода. Его сын сдавал землю в пользование за бесценок, а сам возделывал виноградник. Он мог бы начать также обрабатывать участок и жить всей семьей в достатке.

В своем дневнике Поль Марго привел выдержки из рассказов шабовцев, которые посетили Шабо весной 1942 и в начале 1943 года. Первые семьи вернулись в Шабо из Румынии в марте 1942 года²³⁵, а некоторое время спустя приехали также беженцы из Германии. В общей сложности вместе с теми 36-ю, прожившими в Шабо всю войну, колония насчитывала 140 человек. Некоторые въехали в свои прежние дома, другие поселились в домах у соседей или родственников, и, как писал Поль Марго, «для них началась трудная жизнь без средств к существованию и без всякой помощи». В некоторых домах сохранились телеги, плуги, косы и даже фортепьяно. Но при виде их некогда процветающей деревни многие расплакались. Так, один шабовец писал своему сыну, которые не смог приехать с ним: «Будь готов увидеть нашу колонию полностью разоренной, и, если ты заплачешь, тебе станет легче, как мне. Сначала я долго не мог свыкнуться с этим, но теперь я принялся за работу и все меньше думаю об этом». На дворе зима, нужно было заготавливать дрова, вырубать кусты и разросшиеся деревья во дворах, пилить их и колоть.

На тот момент некоторые из шабовцев все еще были мобилизованы в немецкую армию и погибли на полях сражений²³⁶. Эмиль Винкельманн, мобилизованный 19 июля 1941 года, был убит под Куйбышевым²³⁷. Нам удалось также ознакомиться в архиве с делом другого шабовца — Алексиса Гандера, 1916 года

²³⁵ Архив семьи Гаврилюк-Марго. Paul Margot. Journal. Р. 1.

²³⁶ Grivat O. Op. cit., Р. 138.

²³⁷ В архивах сохранились дело внучки Эмиля, Надежды, и ее просьба вернуться в Швейцарию в 1958 году.

рождения, пропавшего в 1942 году. Отец Алексиса не терял надежду найти своего сына. По документам Алексис — гражданин Швейцарии, из коммуны Саанен. Благодаря стараниям отца, написавшего множество писем в различные инстанции, в сентябре 1942 года стало известно, что Алексис был взят в плен немцами или румынами под Ростовом. Но в течение долгого времени было неизвестно, где он находился, ведь территория была занята немцами. И вот наконец в декабре 1942 года отец получил письмо от Алексиса. Обратный адрес — полевая почта 46754, что означало, что он находился над подконтрольной немцам территории. Затем стало известно, что Алексис был задержан гестапо и отправлен в трудовой лагерь до апреля 1943 года, поскольку у него не было при себе швейцарского паспорта, а паспорт, отправленный отцом, находился в Вене. В феврале 1943 года Алексис написал отцу из госпиталя в Амбросиевке, на Донбассе. Де Век предпринял все возможное, чтобы вызволить его, используя свои связи в Министерстве иностранных дел Германии. И только благодаря его стараниям Алексису удалось вернуться домой 16 апреля 1943 года. В Швейцарию он смог вернуться только в 1947 году²³⁸.

Из переписки нам известно также о судьбе других шабовцев, оказавшихся в лагере Цвиттау и обратившихся в Швейцарскую миссию в Германии с целью вернуться в Шабо. Среди них были Жюль Тевна, Эрманн Гандер, Луг Хауг и Эдмонд Гандер. В своем письме они сообщали, что не получили румынское гражданство и являются швейцарцами. Они обещали работать в поте лица и жить без излишеств. Швейцарская миссия не уполномочена была решать вопросы, касающиеся румынских граждан. Такой ответ получили все шабовцы, например, Николая Жатон.

²³⁸ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag», дело «Cas Alexis Gander», 1941–1943.

По мнению де Века, любые попытки решить вопрос могли быть восприняты румынскими властями как вмешательство во внутренние дела государства²³⁹. Дело в том, что, хотя эти шабовцы и являлись гражданами Швейцарии, румынские власти считали их румынами²⁴⁰. Вторая причина отказа была следующая: «Эти колонисты никогда не выражали своей привязанности нашей стране. Еще будучи в Шабо, они попали под влияние иностранной пропаганды, которая оказала тлетворное влияние на единство нашей колонии. И, когда миссией им была предоставлена возможность покинуть Бессарабию и обосноваться в Румынии и принять мою помощь, они предпочли последовать за немцами и обосноваться в Германии»²⁴¹.

Нам также известна судьба других колонистов, находившихся на территории Бессарабии, но не имевших возможности вернуться в Шабо. Так, Анатолий Бессон и Никола Мьевиль были сначала захвачены в плен советскими войсками, а потом румынскими, и власти Румынии планировали поселить их в Приднестровье в качестве колонистов²⁴². Как так

²³⁹ Государственный архив Берна, J2.257#2001/124#1610 «Korrespondenz SEK — Eidgenössisches Politisches Department bert. eine kirchliche Betreuung der Schweizerkolonie in Chabag, Bessarabien», 01.01.1940 — 31.12.1940. «Suisses de Chabag réfugiés en Allemagne», 1943–45. Письмо от 12.03.1944.

²⁴⁰ Ibid. Письмо от 03.03.1944.

²⁴¹ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag», письмо из Швейцарской миссии в Германии в Миссию в Румынии от 15.02.1943. Р. 2; Государственный архив Берна, J2.257#2001/124#1610 «Korrespondenz SEK — Eidgenössisches Politisches Department bert. eine kirchliche Betreuung der Schweizerkolonie in Chabag, Bessarabien», «Suisses de Chabag réfugiés en Allemagne», 1943–1945. Письмо от 03.03.1943.

²⁴² Ibid. Письмо из Швейцарской миссии в Берлине в Миссию в Бухаресте от 27.05.1943.

могло случиться? Вот как описывал события сам Анатолий Бессон в письме в миссию. 28 июня 1940 года Анатолий отлучился из Шабо по делам. Когда он вернулся в Шабо и узнал о случившемся, он не успел бежать с другими жителями. 19 июля 1941 года румынские войска увели его с собой, но ему удалось бежать и примкнуть к немецкой армии. По возвращении в Шабо 19 апреля 1943 года он получил повестку и предписание подготовиться к переселению в Приднестровье: «Я родился в Шабо, я сохранил веру и язык моих предков и желаю передать это детям. Что со мной станет теперь? Находясь в плачевной ситуации, прошу Вас, Господин Министр, сделать все возможное для получения мною швейцарского паспорта». Бессон не имел документа, подтверждающего его швейцарское происхождение, кроме документов сестер его отца, проживающего в Бухаресте.

Нам стало известно и о судьбе других шабовцев, Жана Тапи и его дочери Ольги Тапи, Николя Жатона и его супруги Евгении и их дочери. Они находились в Германии и не могли вернуться в Шабо. Фамилии их значились в списке отъезжающих, но в последний момент Оскар Бюксель отменил их разрешение на выезд. К тому же все заработанные ими в Германии деньги немецкие власти удержали, но обещали вернуть все, как только они доберутся до Шабо. Таким образом, для де Века все яснее становилась роль Оскара Бюкселя как главного виновника трагедии Шабо.

Обратимся к еще одному письму в Швейцарскую миссию за подписью 18 шабовцев: «В феврале 1943 года мы вернулись в Шабо в надежде восстановить свои права на свою недвижимость, единственное наше имущество. Но вот уже четыре месяца как мы находимся в Шабо, а румынские власти не только не способствовали этому, но дали нам понять, что мы не име-

ем на него никаких прав ввиду того, что Румыния возместила Германии стоимость имущества всех эмигрантов»²⁴³. «Если нам не удастся вернуть свое имущество до сбора урожая, мы и наши семьи будем лишены средств к существованию. Просим Вас обратиться к румынским властям и добиться, чтобы нам было возвращено наше имущество (виноградники, земельные участки, дома), которыми мы владели до отъезда», — нижеподписавшиеся называли себя «румынскими подданными швейцарского происхождения». Может показаться странным, что в 1943 году колонисты все еще надеялись вернуться в Шабо, ведь эта территория находилась в зоне немецкой оккупации. Но продвижение немецкой армии внушало надежду на скорое возрождение колонии. В этой связи понятна позиция Швейцарской миссии в Берлине и в Бухаресте, которая не отговаривала шабовцев от возвращения²⁴⁴. Весной 1943 года румынские власти пребывали в уверенности, что такое положение дел будет длиться долго. В июне 1943 года де Века даже посетил Одессу в рамках экскурсии, организованной румынскими властями специально для дипломатов²⁴⁵.

Тем временем Жорж Жиро, уже проживавший в Женеве, пытался восстановить по памяти список швейцарских колонистов из Шабо²⁴⁶. Ему удалось также реконструировать генеалогическое древо Николя Жатона, на основании которого тот смог получить швейцарское гражданство.

События 1943 года поменяли все планы. В ноябре 1943 года немецкие войска в спешке стали отступать. Шабовцев охватила

²⁴³ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag». Р. 183–184. Письмо шабовцев от 27.05.1943.

²⁴⁴ Ibid. Письмо де Века от 12.03.1943.

²⁴⁵ De Weck R. Op. cit. Р. 379.

²⁴⁶ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284. Письмо де Века от 18.05.1943.

паника²⁴⁷. Некоторые из них снова отправились в Бухарест. Де Век поделил всех на три группы: те, кто намерен остаться на месте во что бы то ни стало, те, кто мог вернуться на родину без помощи миссии (12 человек), и те, кто нуждался в помощи — 50 человек. Некоторые из них были согласны вернуться в Чернаву. Но Эггерманн еще не оправился от трат и выступил категорически против новой попытки. Как и он, другие швейцарцы бухарестской диаспоры не забыли ни антипатриотические настроения шабовцев, ни их неблагодарность. Нам известна судьба некоторых шабских семей. Конечно, невозможно было запретить колонистам обосноваться в Бухаресте, но в то же время нельзя было снова просить помощи у диаспоры. Трудно было представить их возвращение на родину, они не имели о ней ни малейшего понятия. Де Век ждал инструкций из Берна. Так, в одном из писем он отмечал: «Когда русская армия оккупировала Шабо, в июне 1940 года, многие колонисты предпочли заявить о своем несуществующем немецком происхождении, чтобы переселиться в Германию»²⁴⁸. Таким образом, среди нынешних жителей Шабо были те, кто никогда не уезжал, и те, кто вернулся только после оккупации румынскими войсками. «Вдруг им придется еще раз покинуть свои дома? — размышлял де Век. — В то же время миссия была не в состоянии защитить их интересы». Ответ из Министерства иностранных дел пришел в январе 1944 года²⁴⁹: «Вследствие переговоров с Департаментом полиции и считаем их возвращение на родину нежелательным. Их поведение не вызывает сострадания. В то же время мы не в праве запретить им вернуться, но за свой счет». В Берне

²⁴⁷ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284.

Письмо де Века от 29.11.1943.

²⁴⁸ Ibid. Письмо де Века от 30.12.1943.

²⁴⁹ Ibid.

считали предпочтительным переселение шабовцев в менее опасные регионы Румынии, а также полагали целесообразным запросить румынские власти, могут ли они помочь тем колонистам, которые имели румынское гражданство²⁵⁰. Миссия выделила 20 000 швейцарских франков в качестве помощи.

В это время некоторые из шабовцев, все еще находившихся в лагерях в Германии, обратились в Швейцарскую миссию в Берлине. Некоторые письма сохранились в архивах. Так, в апреле 1943 года миссия писала в Берн: «4 человека, проживавших в лагере Цвиттау, как ни в чем не бывало сообщают о том, что они румынские подданные и пытались получить немецкое гражданство». После получения отказа они обратились в Швейцарскую миссию с просьбой помочь им вернуться в Румынию. «Мы были свидетелями столь неприязненного отношения к Родине со стороны швейцарцев из Шабо, что мы не имеем намерения принимать никаких мер в их отношении»²⁵¹, — отвечало Консульство в Бухаресте.

Изучение переписки между Департаментом полиции и правосудия в Берне и Швейцарской миссией за 1943 год позволяет составить представление о позиции властей в вопросе о возвращении шабовцев на родину. Вот некоторые релевантные факты, упомянутые в переписке. Шабовцы не скрывали тот факт, что они запрашивали румынское гражданство. Миссия подтверждала «крайне отрицательное мнение о данных соотечественниках, которые, за редким исключением, попали под влияние вражеской пропаганды и пренебрегли своей швейцарской национальностью, и таким образом показали свое пренебрежение ею»²⁵².

²⁵⁰ Ibid. Письмо де Века от 11.01.1944.

²⁵¹ Ibid. Письмо де Века от 22.04.1943.

²⁵² Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284. Письма от 21.06.1943 и 05.07.1943 в Департамент полиции в Берне.

Миссия советовала им обратиться к румынским властям. В другом письме от 5 июля 1943 года уточнялось, что «если Швейцарская миссия в Берлине и власти Швейцарской Конфедерации из-за сострадания хотят помочь этим колонистам, то мы бы советовали разузнать, возможно ли найти для них место жительства на территории Германии и ознакомиться с возможными условиями существования в Бессарабии». Так, уже в январе 1943 года колонисты из Цвиттау — Эдмонд Тевна, Пьер Дони, Жюль Тевна и Герман Гандер — получили следующий ответ от Миссии в Берлине: «На сегодняшний день вы являетесь румынскими подданными. В связи с этим вы должны обратиться в румынское консульство или же в Румынскую миссию в Берлине, которые обязаны защищать ваши интересы»²⁵³.

Из другого источника нам стало известно о судьбе семьи Самюэля Бюкселя, оказавшейся в Штирии в 1940 году: «Бессарабские немцы были вынуждены покинуть Бессарабию и переселиться в Германии, где им были обещаны земли. Обещание было выполнено, но что они получили в действительности? Гитлер грабил местное население, крестьян и переселял бессарабцев на их земли. Чтобы защититься, мы были вынуждены стрелять в этих крестьян, а они стреляли в нас. Когда немецкая армия стала отступать, немцы увели бессарабских немцев с собой. Многие хотели вернуться обратно на Украину, но их мнения никто не спрашивал. Во время войны немцы угнали в Германию на работы огромное количество украинцев и таким образом заселили свои земли иностранцами, и когда армия стала отступать, многие пустились в бег, как зайцы».

По мнению Самюэля Бюкселя, не удивительно, что все так возненавидели Гитлера, ведь он обещал им отдать в Гер-

²⁵³ Ibid. Письма из Швейцарской миссии в Бухаресте в Департамент полиции в Берне от 21.06.1943 и 05.07.1943. Письмо из Швейцарской миссии в Берлине колонистам от 22.01.1943.

мании имущество, которое они оставили в Бессарабии. На самом же деле, он грабил местное население и отдавал это бессарабцам. Поэтому было так много мятежей, особенно на территории Украины. Там орудовали партизаны, те самые, кто ждал, что Гитлер даст им землю, а, не дождавшись, они принялись бесчинствовать и грабить, вот почему он проиграл войну. Самюэль Бюксель также описывал конфликт между шабовцами, разгоревшийся в лагере Брюзау. Его невестки в тот момент жили в соседнем лагере — Хинтервассер. Однажды он с женой пошел навестить невесток. И кого они там увидели в роли часового? Артура Тапи. Того самого Артура, который считал себя таким важным, который был другом Оскара. Он заговорил с ними свысока. «Мы, разумеется, были для Оскара врагами, — писал Самюэль Бюксель. — Мы попросили встречи с Оскаром в надежде, что нам разрешат увидеть наших невесток. Нам ответили, что чужих в лагерь не пускают. Мы поняли, что спорить бессмысленно, и вернулись ни с чем». Самюэль Бюксель писал: «Я уверен, что, если бы его начальник узнал о нашей просьбе, он бы разрешил нам увидеться. Но он на захотел нам помочь»²⁵⁴. Что мы узнаем из этого письма? Шабовцы оказались в лагере в Германии не по своей воле. В этой связи позиция де Века представляется чересчур категоричной. Стоит добавить, что в 1945 году Оскар будет лишен швейцарского гражданства^{255, 256}.

²⁵⁴ Архив кантона Во. P 1000/348, «Journal», Samuel Buxcel. С. 46–47.

²⁵⁵ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284. Письмо в Швейцарскую миссию в Бухаресте от 25.01.1944.

²⁵⁶ Швейцарская газета Die Tat 10 декабря 1945 года сообщала: «Департамент юстиции и полиции лишает швейцарского гражданства Оскара-Роберта Бюкселя, 1900 года рождения, из Шабо. Данное лицо причинило урон интересам соотечественников и репутации Швейцарии».

Chabaz, le 20 1906 (mort) n. 272, 75, 913	Chabaz 1906	REGISTRE des FAMILLES de la Commune vol. No 1, feuillet No 44	
Chabaz, le 23. 1906 (mort) n. 272, 75, 913	Chabaz 1906	mon. à Kalk-nin Matt, le 3. 10. rumba 1906 à Chabaz, Suisse	avec signature de B. 1906
Chabaz, le 19. 1906 (mort) n. 272, 75, 913	Chabaz 1906	R. F. 1/63.	

Par décision du Dept. fédéral de justice et police du 4 décembre 1945, confirmée par celle du Conseil fédéral du 28 août 1946, la nationalité suisse est retirée à Buxsel, Oscar Robert, ainsi qu'à sa femme Käte, née Moos et à tous ses enfants: Winfried, Kallmutter, né à S. 12.11.1932 et Günther, né à S. 2.1.1940.

Страница из архива загса города Романмутье с выпиской о лишении Оскара Бюкселя гражданства

Жермена Дони до сих пор помнит тот день, когда им пришлось уехать из Штирии: «Мы все бросили. Все, что мой отец заработал, оказалось ненужным. Потому что все смешалось: тут была русская армия, немного далее — у Пльзеня — американцы, англичане и французы. Мы направились в Прагу, чтобы там обратиться в швейцарское консульство, но чехи нас посадили в тюрьму». Дони повезло: у всех шабовцев их группы — как мужчин, так и женщин — были наколки с группой крови, что доказывало, что они находились в лагерях, а не дезертировали. Их перевели на территорию, подконтрольную американским войскам. «Там я впервые в жизни попробовала апельсины», — вспоминает Жермена. Но у них не было денег на дорогу домой. По счастливой случайности отец Жермены с другом нашли заброшенный вагон, полный листового табака. Благодаря этому богатству, которое им удалось обменять на деньги, Дони смогли

добраться до Лозанны. А там их ожидала тетка, сестра отца Жермены, — та самая, которую отец отправил учиться в Лозанну, чтобы оградить от нехороших знакомств в Посаде.

Бегство из Основы

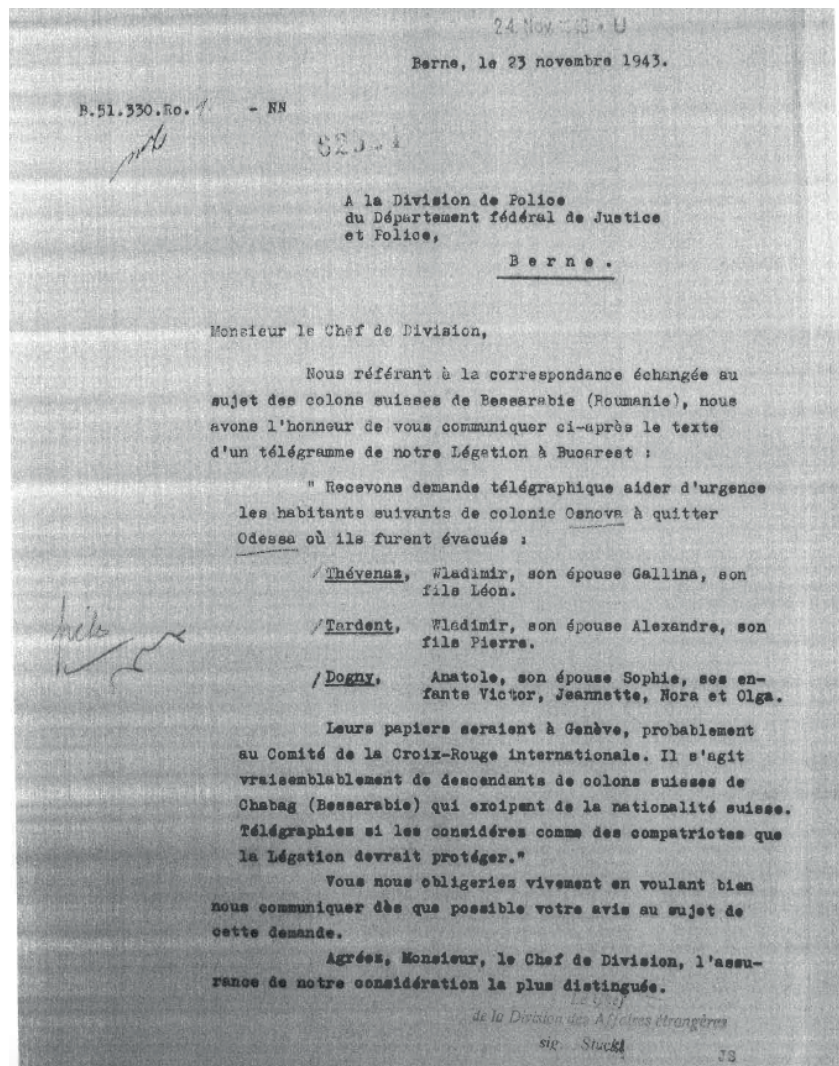
Другим семьям швейцарцев возможность вернуться представилась лишь в 1944 году. Так, семьи Тевна, Тардан и Дони, обитавшие в Основе, в 1918 году оказавшейся на территории СССР, прожили в нищете почти три года²⁵⁷. Вот что они рассказали журналистам по приезду. Революция не сразу поменяла уклад жизни колонии. Самым страшным испытанием стала коллективизация 1929 года. Швейцарцы не имели никаких гражданских прав. Их все ненавидели — и за то, что они иностранцы, хоть и жившие там поколениями, и за то, что они были богатыми землевладельцами. Им пришлось в спешке покинуть колонию, не успев собрать урожай. Никто не хотел брать их на работу. А в 1932 году у них отобрали швейцарские паспорта, выдав взамен советские. Некоторые попытались выехать из страны самостоятельно, но несколько семей предпочли держаться вместе. Среди них были одиннадцать членов семьи Дони, четыре члена семьи Тевна и три члена семьи Тардан. Сначала они обосновались в Херсоне, где еле сводили концы с концами. Они боялись говорить по-французски, и их дети забыли родной язык. В 1942 году Херсон был занят немцами. Немцы разрешили им вернуться в Основу, восстановить хозяйство и начать возделывать землю. Но в 1943 году немецкая армия отступила. Они вынуждены были бежать — снова в Херсон, откуда им удалось получить разрешение на въезд на родину. 4 месяца спустя, 21 января 1944 года, они наконец прибыли в Лозанну.

²⁵⁷ Интервью от 22.02.1944, сайт notrehistoire.ch, <https://notrehistoire.ch/entries/aZnYJNpyYok>.

Вот что нам удалось узнать об их пути домой из официальных источников. 23 ноября 1943 года шеф Департамента иностранных дел Штуки получил письмо от Департамента полиции. Миссия в Бухаресте телеграфировала: «Получена просьба о помощи от жителей колонии Основа, желающих покинуть Одессу, где они находятся в данный момент: Владимир Тевна, его супруга Галина и сын Леон, Владимир Тардан, его супруга Александра и сын Пьер, Анатолий Дони с супругой Софи и детьми Виктором, Жаннетт, Норой и Ольгой. Их документы предположительно находятся в Женеве, в Комитете Красного Креста. По всей видимости, они — потомки колонистов Шабо, потерявшие швейцарское гражданство. Телеграфируйте в случае, если миссия должна защитить их интересы»²⁵⁸. Колонисты уже проделали огромный путь в 180 километров на катере в шторм: сначала вниз по Днепру, а потом по Черному морю до Одессы. Один из них рассказал журналистам в радиопередаче: «Путешествие было сплошным мучением. Море штормило. Мы чуть не утонули. Когда мы уже находились в 2 километрах от Одессы, мотор заглох. Волны бросали катер на скалы. Мы подплыли еще ближе, и тут мотор заработал, но еще минута — и мы бы разбились и утонули. В порту охрана стала бы стрелять в нас, но мы выбросили белый флаг. Никто не смог нам помочь выбраться, потому что был сильный шторм. Мы были все живы. Это настоящее чудо!»²⁵⁹ Им удалось добраться до Бухареста, где миссия выдала им разрешение на въезд в Швейцарию.

²⁵⁸ Государственный архив Берна, E2001D#1000/1553#7284, lettre du 23.11.1943.

²⁵⁹ «Retour au pays», 22.02.1944, RTS, <https://notrehistoire.ch/entries/aZnYJNpyYok>.

Переписка между Швейцарской миссией в Бухаресте и властями в Берне по поводу беженцев из Основы.

© Государственный архив Берна

Жизнь шабовцев на родине

Весной 1944 года сразу в нескольких лозаннских газетах вышли статьи о шабовцах, вернувшихся на родину, в кантон Во. 18 мая 1944 года вышел очерк «Впечатления швейцарцев, вернувшихся из России» с подзаголовком «Трагическая одиссея». Журналист газеты взял интервью у шабовцев, временно проживавших в окрестностях Лозанны: «Они надеются, что найдут работу в городе, но больше всего они бы хотели снова заняться виноградарством. Но они также осознают, что вполне возможно, что они больше не смогут жить все вместе. Местные власти временно поселили их в большом шале, где они живут в тепле и в достатке. Они рады, что сумели вырваться из Бесарабии, что им не грозит жизнь при красных. Первым делом многие из них связались со своими родственниками, которых многие ни разу не видели».

Самюэль Бюксель рассказал в своем дневнике, что его вместе с другими шабовцами поселили в Мон-Пелеране (Mont-Pèlerin), где они прожили почти три года. Устроиться на работу им помог бывший шабский учитель Луи Аннен. Он же занимался всеми юридическими вопросами²⁶⁰. Самюэль Бюксель сообщал в дневнике и новости, получаемые из Шабо: «Сегодня в гости к нам приехали соседи из Шабо, и среди них Аннетта Тевна-Майер. Она нам рассказала много нового об Основе, Луговом и Новых Судаках. Мои сады и сады Юревича в хорошем состоянии, про другие ей ничего не известно».

Заголовок другой газеты от 23 февраля 1944 года гласил: «Три семьи из кантона Во вернулись на Родину после ста лет отсутствия». «В поезде, — писал корреспондент, — всем сразу

в глаза бросились их странная одежда и их странный акцент. Можно было с легкостью принять их за иностранцев. Кто бы мог подумать, что это были самые настоящие швейцарцы, которые вернулись домой после долгого странствия?»²⁶¹

²⁶⁰ Архив кантона Во. P 1000/348, «Journal», Samuel Buxcel. С. 71–74.

²⁶¹ Trois familles vaudoises regagnent le pays après... 100 ans d'absence // Feuille d'avis de Lausanne. 23 février 1944. P. 18.

Эпилог

Судьба швейцарских колонистов, оставшихся в Шабо, была трудной. Некоторых депортировали после войны, судьбу других можно проследить по документам, хранящимся в архивах. Так, потомкам учителя Винкельманна суждено было вернуться в Швейцарию только в 1958 году²⁶².

Жермена Дони рассказала нам о судьбе своих родственников. Ее отец устроился на работу в универмаг. Мать же умерла от тоски в возрасте 42 лет. Родольф Бюксель твердо решил эмигрировать: сначала в Уругвай, затем в Америку.

В течение долгих лет шабовцы поддерживали связи и регулярно встречались. Вплоть до 2018 года 1 мая обязательно устраивался пикник с неизменным шашлыком.

А как же их родное Шабо? «Невероятно, сколько там всего построили», — комментировала Жермена Дони. Винзавод восстановил несколько домов, а также винные погреба и кладбище, и уже имеется проект по реставрации церкви.

²⁶² Trois familles vaudoises regagnent le pays après... 100 ans d'absence // Feuille d'avis de Lausanne. 23 février 1944. P. 147.

*Центр культуры вина в Шабо.
Фото автора*

*Центр культуры вина в Шабо.
Фото автора*

*Центр культуры вина в Шабо.
Фото автора*

Центр культуры вина в Шабо.
Фото автора

Центр культуры вина в Шабо.
Фото автора

Библиография

Источники

Российская Федерация

Российский государственный исторический архив

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4747. О поселении близ Аккермана швейцарских виноградарей и об оставлении жителей Шабы на прежнем участке земли. 1826.

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5576. О состоянии поселенных в Бессарабии швейцарских колонистов. 1831.

Украина

Государственный архив Одесской области

ГАОО. Ф. 1. Оп 214. Управление Новороссийского Генерал-Губернатора (12.12.1796 — 29.11.1828); Управление Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора (29.11.1828 — 17.01.1874); Канцелярия (1816–1839).

Ф 6. Оп. 1

Д. 4334. По донесению сельского приказа колонии Шабо о сделанных отравлениях в хлебе колонистов колонии Шабо Шарля, Самуила и Луи Тардана денег для покрытия убытков, нанесенных их скотом в полях, в пользу пострадавших колонистов. 17.09.1836 — 20.10.1836.

Д. 4551. О заграбленном будто бы колонистами колонии Шабо принадлежавшего поселянам города Аккермана скоте.

Д. 5099. О благосостоянии колонии.

Д. 5644. О водворении иностранных поселенцев селения Карл-сталь близ швейцарской колонии Шабо и о перечислении их отсюда на участок номер 9 с наименованием заведенной ими там колонии Гофнунгсталь.

Д. 5706. Предписания Попечительного Комитета о причислении и перечислении переселенцев Южного края России за 1848 год. 15.12.1839 — 23.11.1840, 800 с., в т. ч.: Об исключении из колониетского звания в связи с выездом за границу Шарля Тардана (колония Шабо).

Д. 5723. Ведомости о благосостоянии колоний по всем округам.

Д. 5731. Рапорты смотрителей за 1839 год.

Д. 5750. Предписания, данные приходорасходчику Комитета Куку о записке и приход и расчет сумм, разным местам и лицам принадлежащих, за апрель месяц 1840 г.

Германия

Архив Общества бессарабских немцев.

Haus der Bessarabiendeutschen, Heimatmuseum, Штутгарт

«Journal de la commune d'Achabag-Chaba 1831–1857», Band 23.

Antonia Büxel-Höger, «Umsiedlung aus Schabo im October 1940».

Antonia Büxel-Höger, «Osnowa».

Antonia Büxel-Höger, «Geschichte von Schaba».

Ingo Rudiger Isert, «Nachkommentafel der bessarabischen Linie der Buxel aus Romainmôtier», 1988.

Elvira Wolf-Stohler, «Die Schweizersiedlung am Dnjestr-Liman in Bessarabien. Siedlungsgeschichte, Schule, Kultur».

Elvira Wolf-Stohler, Воспоминания.

Швейцария, Лозанна

Archives Cantonales Vaudoises, Chavannes-près-Renens —

Архив кантона Во

RMS296.010, «Journal de la commune d'Achabag», BDKM KP-5827, № P-14539 1829–1855.

P 1000/348, «Journal», Samuel Buxcel, 1946.12.20 — 1947.03.06.

RMS296.9-0 Musée de Belgorod-Dnestrovsky — BDKM KP-5839 № P-13750 «Memento de cabinet» de Ch. Gander (1862–1884), 1862.01.01 — 1884.12.31.

Bundesarchiv Bern — Государственный архив Берна

E300.9.24 «Mitteilungen und Berichte Bessarabienschweizer. Chabag — Schweizerkolonie. 1947/1960».

E2001D#1000/1553#7284 «Schutz der Schweizer in Chabag».

E2200.126#1000/167#4, «Politisches Department betr. eine kirchliche Betreuung der Schweizerkolonie in Chabag», 1940.01.01. — 1940.12.31. «Liste Schweizerbürger, die vor 1940 in Bessarabien wohnten».

E2200.15–04#1000/214#65* «Colonie Suisse à Chabag», 1920–1923.

E2200.15–02#1000/216#153*, «Colonie suisse Chabag (Bessarabie). 1936–1940».

E2001D#1000/1552#2153* «Thevenaz Jean, Chabag», 1940–1942.

Archives de la commune de Romainmôtier-Envy,

Архив города Романмотье-Энви

WC Fonds Buxcel. Фонд Бюксель.

Личные архивы

Архив семьи Гаврилюк-Марго, Лозанна — www.chabag.ch.

Paul Margot, *Les Suisses et la culture de la vigne sur les sables mouvants*, 1945, <https://www.chabag.ch/Les%20Suisses%20et%20la%20culture%20de%20la%20vigne%20sur%20sables%20mouvants%20par%20Paul%20Margot.pdf>

Paul Margot, *Journal*.

<https://www.chabag.ch/Journal%20de%20Paul%20Margot%201940-1943.pdf>

Архив семьи Кристен-Лоран, Корсо (Corseaux)

Фотоальбом.

Архив семьи Робатель-Дони, Экюблан (Escublens)

Фотоальбом.

Письма и открытки П. Дони, 1941–1942.

Архив семьи Хеллер, L'Abergement

Письма Луи Гандера родственникам, 1913–1915.

Радиорепортаж

notrehistoire.ch, 22.02.1944, 27.05.1993 URL: <https://notrehistoire.ch/entries/aZnYJNpyYok>.

Dukascopy TV, Женева

Экономический проект по переселению. Интервью Е. Симонато об исследовательском проекте по изучению истории швейцарских колоний в Северном Причерноморье. 25.07.2019. URL: <https://www.dukascopy.com/tv/ru/274033>.

Литература

Афанасьев-Чужбинский А. С. Поездка в Южную Россию. — Т. 2. — СПб, 1863.

Бастиан Ж.-П. Эмиграция из кантона Во в Новороссию: колонизация Шабаг в 1822 г. // Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму, XIX — начало XX века. Сборник статей / Под ред. Е. И. Симонато, И. С. Ивановой. — СПб: Свет, 2019. — С. 124–149.

Берг Л. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. — Пг.: Российская государственная академическая типография, 1923.

Бородина М. А. Колония в Шабо // Французский ежегодник. — 1963. — С. 279–282.

Гетте Г., Молотков Г. Из истории швейцарской колонизации юга Российской империи // Историчный архив. — 2014. — № 13. — С. 127–136.

Кащенко С. Г., Иванова И. С., Кащенко Е. С. Из истории швейцарской миграции в Северное Причерноморье в начале XIX века. Документы о группе переселенцев майора Каспара Эшера в Российском историческом архиве // Былые годы. — 2018. — № 47 (1). — С. 143–152.

Кушко А., Таки В. Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Лаптев Ю. Н. Швейцарцы в Крыму: колония Цюрихталь. Исторический очерк // Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму, XIX — начало XX века. Сборник статей / Под ред. Е. И. Симонато, И. С. Ивановой. — СПб: Свет, 2019. — С. 65–88.

Мевли О. Эмиграция в Россию в контексте истории кантона Во // Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму, XIX — начало XX века. Сборник статей / Под ред. Е. И. Симонато, И. С. Ивановой. — СПб: Свет, 2019. — С. 29–46.

Михайловский-Данилевский А. И. Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. Путешествие с императором Александром Первым по Южной России // Русская старина. — 1877. — № 7. — С. 76.

Онопrienко В. Ф. «Истинный рай — на Шабской земле...» Документальная история швейцарских колонистов в Бессарабии. — Одесса: Астропринт, 2009.

Онопrienко В. Шабо // Дерибасовская-Ришельевская. — 2007. — № 2 (30). — С. 36–48. — URL: https://odessitclub.org/publications/almanac/alm_30/alm_30_36-48.pdf.

Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму, XIX — начало XX века. Сборник статей / Под ред. Е. И. Симонато, И. С. Ивановой. — СПб: Свет, 2019. — URL: https://serval.unil.ch/resource/serval:BIB_0CEA924304D2.P001/REF.

Струков Д., Карл Иванович Тардан // Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России. — 1856. — С. 71–74.

Тардан К. И. Виноградарство и виноделие: с пояснительными рисунками / Пер. с фр.: В. Делла-Вос, А. де Брюкс. — Одесса: Типография Францова и Нитче, 1854.

Шабельский П. Краткое обозрение Бессарабии // Сын Отечества. — 1815. — № 16. — С. 125–126.

Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России // Рукописное наследие В. Ф. Шишмарева в Архиве Академии наук СССР. Описание и публикации / Сост. М. А. Бородина и Б. А. Малькевич; отв. ред. Б. В. Левшин. — М.; Л.: Наука, 1975.

Урусов С. Д. Записки губернатора. — Кишинев, 1903–1904.

Юсыч М. Odessa incognita: Шабо — рай на земле. — 2014. — URL: <https://www.048.ua/news/598878/odessa-incognita-sabo-raj-na-zemle>

Статьи о Шабо в швейцарской периодической печати

Chabag // Feuille d'avis de Lausanne. — 26.01.1931. — P. 2.

Chez les Suisses de Chabag (Bessarabie) // Gazette de Lausanne. — 13.03.1939.

Chronique viticole // Gazette de Lausanne. — 19.12.1893.

Colonie vaudoise en Bessarabie // Journal d'Yverdon. — 28.03.1927. — P. 5.

Drei Waadtländer Familien kehren nach hundert Jahren heim // Schweizer illustrierte Zeitung. — März 1994. — S. 30–32.

L'extraordinaire Odyssée // Nouvelle revue de Lausanne. — 1980.

La colonie vaudoise de Chabag // Conteur Vaudois. — № 52. — 28.03.1914. P. 1; № 51. — 19.04.1913. — P. 1.

La fin de Chabag // Gazette de Lausanne. — 28.02.1941.

Les Suisses de Chabag // Gazette de Lausanne. — 06.12.1925. — P. 1.

Une colonie suisse en Bessarabie // Conteur Vaudois. — № 51. — 19.12.1891. — P. 1–2; № 30. — 23.01.1892. — P. 3.

Anselme A. La colonie Suisse de Chaba (Bessarabie). Notice historique, 1822–1922. — Cetatea-Alba, 1925. [Швейцарская колония Шабо (Бессарабия).]

Bastian J.-P. Une émigration vaudoise en Nouvelle Russie: la colonisation de Chabag en 1822 // Revue vaudoise de généalogie et d'histoire des familles, Vevey: édition Alophil. — 2016. — P. 87–103. [Эмиграция из кантона Во в Новороссию: колонизация Шабо.]

Besson D. Résumé historique de la colonie suisse de Chabag. — Lausanne: Impr. G. Conne, 1952. [Очерк истории швейцарской колонии Шабо.]

Bichurina N. En attendant la Fête des Vignerons: les lettres de Chabag // La Route du Tchai. — 2019. — № 2. — P. 26–28. [В ожидании праздника виноделов: письма из Шабо.]

Bichurina N. Les vigneronns suisses de la mer Noire. Étude des contacts des cultures à travers le langage viticole // Actes du Colloque international «Autour de la table à travers le temps. Manger, boire et communiquer». 3–4 décembre, UNIL. — 2020. — P. 225–246. [Швейцарские виноградари на Черном море. Изучение контакта культур на материале лексики виноградарства.]

Borodina M. A. Le parler de Chabag // Revue des langues romanes. — 1963. — Vol. XXVII. — № 107–108. — P. 470–480. [Говор Шабо.]

Bugnon F.-L. La Bessarabie ancienne et moderne. — Lausanne; Odessa: Neumann, 1846. [Древняя и новая Бессарабия.]

Buhler R., Gander-Wolf H., Goehrke C., Rauber U., Tschudin G., Voegeli J. Schweizer im Zarenreich. Zur Geschichte der Auswanderung

nach Russland. Beiträge zur Geschichte der Russlandschweizer. Vol. 1 / Ed. Carsten Goehrke. — Zürich: Hans Rohr, 1985. [Швейцарцы в Российской империи. Материалы по истории эмиграции в Россию.]

Collmer P. Die besten Jahre unseres Lebens. Russlandschweizerinnen und Russlandschweizer in Selbstzeugnissen, 1821–1999. — Zürich: Chronos, 2001. [Лучшие годы нашей жизни.]

Dictionnaire de la conversation et de la lecture. Inventaire raisonné des notions générale les plus indispensable à tous / Réd. William Duckett. — Paris: Aux comptoirs de la direction et chez Michel Lévy frères, 1856. — Vol. 23. — 1838. [Словарь разговора и чтения.]

De Weck R. Journal de guerre (1939–1945). Un diplomate suisse à Bucarest / Ed. S. Roth. — Genève: SHSR, 2001. [Военный журнал (1939–1945). Швейцарский дипломат в Бухаресте.]

Dulamangiu V. La population et le langage de Chabag // Arhiva. — 2017 [1939]. — № 51; Les communautés suisses de Crimée et de la mer Noire. Langues et traditions, (avec) // Cahiers de l'ILSL / Eds. E. Simonato., I. Ivanova., M. Giolitto. — 2017. — № 51. — P. 215–227. [Население и язык Шабо.]

Eggermann M. Die Schweizerkolonien in Rumänien. — Bukarest: Neue Helvetische Gesellschaft, 1931. [Швейцарская колония в Румынии.]

Etterlin J. Russlandschweizer und das Ende ihrer Wirksamkeit. Nebst Beiträgen von Ernst Thalmann und Fritz Bach 2, verm. — Aufl. Zürich, 1938. [Швейцарцы в России и их успехи.]

Gander L. Histoire de la colonie de Chabag // Revue historique vaudoise. — 1908. — Vol. 16. — P. 115–125, 149–154. [История колонии Шабо.]

Gander L. Notice historique sur la fondation de la colonie vaudoise de Chabag, Bessarabie. — Lausanne: Imprimerie Lucien Vincent, 1908. [Исторический очерк основания воздузской колонии Шабо.]

Gander-Wolf H. Chabag, Schweizer Kolonie am schwarzen Meer: ihre Gründung und sie ersten Jahren seines Bestehens (1820–1850). — Lausanne: Multi-Office, 1974. [Шабо, швейцарская колония на Черном море.]

Gos Ch. Chabag, ou les vigneron vaudois de Bessarabie // Gazette de Lausanne. — 05.07.1936; 16.07.1936. — P. 1.

Grivat O. Les vigneron suisses du tsar. — Chapelle-sur-Moudon: Ketty & Alexandre, 1993. [Швейцарские виноградари царя.]

Grivat O. Ukraine: le retour à la «cave-départ» du Vaudois Paul Thévenaz // Les Observateurs. — URL: <https://lesobservateurs.ch/2012/04/24/ukraine-le-retour-a-la-cave-depart-du-vigneron-paul-thevenaz/> [Украина: возвращение Поля Тевны на родину.]

Hilberer J.-E. Les Suisses dans la Russie méridionale. La Société d'Odessa. La Colonie de Chabag. Notice historique. — Odessa: L. Nitzsche, 1912. [Швейцарцы на Юге России. Одесское общество Колония Шабо. Исторический очерк.]

Hilberer J.-E. Le pasteur Bugnion et la colonie de Chabag en Bessarabie // Revue historique vaudoise. — 1914. — № 22. — P. 181–188. [Пастор Бюнион и колония Шабо в Бессарабии.]

Hommaire X. et A. Travels in the Steppes of the Caspian Sea: The Crimea, the Caucasus. — London: Chapman and Hall, 1847. [Путешествие по степи к Каспийскому морю. Крым. Кавказ.]

Kaschenko S., Kaschenko E., Ivanova I. Les colonies suisses du bord de la mer Noire et de Crimée dans le premier tiers du XIXe: survol des documents dans les Archives historiques russes d'Etat à Saint-Petersbourg // Cahiers de l'ILSL. — 2017. — № 51. — P. 45–67. [Швейцарские колонии на Черном море и в Крыму в первой трети XIX века. Обзор документов, хранящихся в архивах Санкт-Петербурга.]

Künzig J. Zürichtal und Schaba — zwei Bauerndörfer im Schwarzmeergebiet // Syntagma Friburgense: historische Studien Hermann Aubin zum 70. Geburtstag dargebracht. — Lindau: J. Thorbecke, 1956. — P. 87–106. [Цюрихталь и Шаба — швейцарские деревни на побережье Черного моря.]

Les communautés suisses de Crimée et de la mer Noire. Langues et traditions, (avec) // Cahiers de l'ILSL / Eds. E. Simonato., I. Ivanova., M. Giolitto. — 2017. — № 51. [Швейцарские колонии в Крыму и на Черном море. Языки и традиции.]

Mayer J.-F. L'Évêque Bugnion ou les Voyages extraordinaires d'un aventurier ecclésiastique vaudois. — Lausanne: Éditions 24 heures, 1989. [Епископ Бинион, или невероятные приключения священника из кантона Во.]

Noir F.-D. Journal de voyage Lausanne-Chabag-Odessa. — Vière: Cabédita, 2016. [Дневник путешествия Лозанна — Шабо — Одесса.]

Rauber U. «Heim ins Reich» geschickt // Beobachter. — 26.06.1998. — P. 20–29. — URL: <https://www.beobachter.ch/burger-verwaltung/schweizer-fluchtlinge-heim-ins-reich-geschickt> [Феномен «возвращения в Рейх».]

Simonato E. Un patois romand au bord de la mer Noire: la géographie linguistique soviétique des années 1930–1960 // Historiographie & épistémologie des sciences du langage: du passé vers le présent / Ed. E. Velmezova // Cahiers de l'ILSL. — 2017. — № 52. — P. 169–178. [Французский диалект на берегу Черного моря. Советская лингвогеография в 1930–1960-е гг.]

Simonato, E. Swiss French Settlers of Shabo: Several Generations of Language Use // Heritage Language Journal. — 2020a. — № 17 (3). — P. 409–431. [Швейцарские переселенцы Шабо: языковая практика нескольких поколений шабовцев.]

Simonato, E. Swiss Communities of Bessarabia in the Twilight of Empires. Communities' Perception of the Impact of Events. // La Lunga Guerra. I Balcani tra conflitto mondiale e conflitti locali, 1912–1923. — Milano: Franco Angeli, 2020b. — P. 221–238. [Швейцарские колонии Бессарабии на закате империй. Взгляд на события.]

Simonato, E., Bichurina, N. Chabag. Un village vaudois sur la mer Noire // Passé Simple. — 2020. — № 1 (51). — P. 3–13. [Шабо, швейцарская деревня на Черном море.]

Strohelin, J. La vraie aventure des Suisses de Chabag selon un ancien diplomate en Roumanie // Le Temps — 12.08.1998. — URL: <https://www.letemps.ch/opinions/vraie-aventure-suisses-chabag-selon-un-ancien-diplomate-roumanie>. [Настоящее приключение швейцарцев Шабо, рассказ бывшего дипломата, служившего в Румынии.]

Tosato-Rigo, D., Andreev, A. Un précepteur éclairé à l'épreuve: Frédéric-César de La Harpe à la Cour impériale de Russie (1783–1795) // Slověne: International Journal of Slavic Studies. — 2017. — P. 365–384. [Просвещенный наставник Фредерик-Сезар Лагарп при русском дворе (1783–1795).]

Uhlig von Uhlenau, G. Das Kriegsjahr 1813. — Dresden, 1863. [Год войны 1813.]

Zeugin, E. Pratteler Auswanderer im Osten Europas; ein Beitrag zur Geschichte des Auslandschweizertums zugleich Berichterstattung an die

Bürgergemeinde Pratteln. — Pratteln: Druck und Verlag Max Muff, 1938. [Эмиграция швейцарцев из Праттельна в Восточную Европу. Материалы по истории швейцарской эмиграции для коммуны Праттельна.]

Zeugin, E. Das Ende einer schweizerischen Kolonisation im Osten Europas. 2. Teil der „Pratteler Auswanderer im Osten Europas“. — Prattellen: Max Muff, 1970. [Конец швейцарских колоний в Восточной Европе.]

Елена Ильинична Симонато

**ЧЕРНОМОРСКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ.
История колонии Шабо
1822–1944**

Корректор *Д. М. Соколова*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.09.2021. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 13,5. Тираж 100 экз. Заказ № 2477

Издательство «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 960 243 32 82